

ЛЮДМИЛА П

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 4141742 8

ГОРОД СВЕТА

издательство
амфора

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ
ГОРОД СВЕТА

В О Л Ш Е Б Н Ы Е И С Т О Р И И

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

2005

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
П 30

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Петрушевская, Л.

П 30 Город Света : волшебные истории / Людмила
Петрушевская. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора,
2005. — 319 с.

ISBN 5-94278-914-2

В эту книгу Людмилы Петрушевской включено как новое — повесть «Город Света», — так и самое известное из ее волшебных историй. Странность, фантазмагоричность книги довершается еще и тем, что все здесь заканчивается хорошо. И автор в который раз повторяет, что в жизни очень много смешного, теплого и даже великого, особенно когда речь идет о любви.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

- © Петрушевская Л., 2005
- © Кондесюк С., иллюстрация на обложке, 2005
- © Петрушевская Л., иллюстрация на форзацах, 2005
- © Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2005

ISBN 5-94278-914-2

ГОРОД СВЕТА

Глава первая

КУЗЯ И БАБУШКА

Жил-был один мальчик, звали его Кузя.

Он довольно туго соображал, хотя ему исполнилось уже четыре года.

Так, например, гуляя в парке, Кузя всегда отдавал свои игрушки, мяч и велосипед первому попавшемуся ребенку или какому-нибудь оборванному дедушке.

Если ему покупали мороженое, он тут же оказывался в кружке желающих откусить или, что еще интересней, не протестовал и кивал, когда у него ловко брали сразу все мороженое целиком.

Бабушка и мама обижались:

— Не можем же мы кормить всех мороженым и покупать велосипеды на целую роту!

А Кузя не понимал и спрашивал:

— Почему не можете?

— Да потому, дурья твоя голова, — сердилась бабушка, — что мы не напасемся тут на всех!

— А почему? — повторял Кузя глупо-преглупо.

— Да денежек нету!

— Да есть! Есть, бабушка! У нас их много!

— Здравствуйте! Где это ты видел у нас много денег? — тихо спрашивала бабушка и уводила ребенка подальше.

— А в шкафу! Вот ты, бабушка, не знаешь! А я сам видел, как мама считала. Пошли, покажу!

— Тихо! — командовала бабушка. — Не ори! Это... Это мама собирает на диванчик тебе! Надо много денег, чтобы купить тебе диванчик!

— Мне не надо диванчика!

— Как?! Ты же растешь! Скоро ты в своей кроватке не будешь помещаться!

— Знаешь, — отвечал на это Кузя, — я как-нибудь обойдусь.

— И что ты предлагаешь? — бабушка довольно свирепо оглядывала Кузю. — Ты предлагаешь эти деньги им отдать? Всем твоим так называемым друзьям и этим бомжам?

— Да, бабушка!

— Но ведь ты видишь, что мама с папой работают целыми днями, страшно устают и зарабатывают не так уж много!

— Но мне не нужно ничего!

— А кроме тебя, есть еще и другие люди в доме! А нам нужна стиральная машина, эта все время ломается. И я тогда стираю руками! Смотри, какие у меня руки! Ты же ни о чем не думаешь и ползаешь прямо по песку! И нам нужен второй телевизор, чтобы папа с мамой не ругались каждый вечер из-за его футбола. А твой отец считает, что вообще все надо бросить и купить подержанную машину. Чтобы он мог лежать под ней все выходные, я думаю! И тратить последние деньги на запасные части! Этим все и кончится! А ты говоришь диванчик...

— Бабушка! Но я ведь не хотел мороженого... Поэтому и отдал!

— А я вот хотела! А купила только тебе! А ты немедленно все роздал этим твоим друзьям! Ты думаешь только о них! А обо мне не думаешь!

Бабушка была готова заплакать.

— Ну давай купим мороженое тебе! — восклицал Кузя. Но она горестно говорила:

— Мне нужно еще на обед что-то сообразить. Может не хватить. И потом! Почему мы должны на всех пахать! У этих твоих дружков у всех есть свои родители, вот пусть они им и покупают мороженое.

— Нет, — отвечал Кузя, — у него нету родителей.

— У кого?

— У того грязного дедушки! Который лежит там в кустах!

— Разумеется, что нету! — ворчала бабушка. — Он сам дедушка, сам себе может купить! А не лежать как лодырь!

— Но он ведь не купил!

— Значит, не захотел! — говорила бабушка.

— Нет, — возражал малыш Кузя, — у него слюнки потекли, он сказал «дай куснуть». Он очень захотел мороженого!

— А на всякое хотение есть терпение.

— Что это значит?

— То и значит! Надо сдерживаться! И зарабатывать на себя! Вон бабушки около метро торгуют сигаретами, букетами. А дедушки ни фига ничем не торгуют! Барство! Лежат в кустах и бутылки собирают!

— Но если человек хочет велосипед или мороженое, а у меня есть, а у него нет, почему ему не дать? — опять, как попугай, повторял Кузя.

— Но это твое мороженое! — кипятилась бабушка. — Твой же велосипед! А не их!

— Ну вот если это мое, вот я и отдам свое мороженое и свой велосипед, — в который раз возражал Кузя.

— Но куплено-то тебе! А не им! И, между прочим, на твоей мамы денежки! Опять снова начинается! Замолчи!

— Баба! Этот дедушка сказал: «Не надо быть жадным, сынок!»

— А тогда чего этот твой дедушка сам жадный и у тебя отбирает?

— Он не жадный!

— И мама с папой имеют право спросить, куда ты деваешь ихнее добро! То, что тебе дали! — снова объясняла ему бабушка, выйдя из терпения. — Когда сам начнешь зарабатывать, будешь швырять деньги как карты, направо-налево, я уже предвижу, а сейчас деньги не твои, мороженое не твое, велосипед не твой, отдавать всякой шпане не имеешь права! Дурачок ты у меня.

И она обнимала его и шла отнимать обратно велосипед и игрушки, пока люди не опомнились и не унесли все это к себе домой. А мороженое уже успевал дожрать всегда лежавший в кустах нетрезвый дедушка.

И дома все жаловались друг другу на Кузю.

Кузя на первый же звонок открывал дверь, и к нему полюбили приходить друзья со двора, довольно взрослые хулиганы лет семи и даже восьми, здоровенные лбы.

Всем уже была известна тупость Кузи. Зайдут и спрашивают:

— А можно я это возьму?

Кузя же отвечает:

— Бери, бери! Что хочешь бери, не жалко!

То есть совершенно по-дурацки себя ведет. А потом прибегает из кухни разгоряченная бабушка и не дает выносить из дома игрушки, телевизор и магнитофон, а также куртки и шапки. А Кузя расстраивается:

— Почему ты обидела моих друзей? Им так понравилось ко мне ходить! Они так любят меня!

— Понравилось, как же! — отвечает бабушка. — Им понравились наши вещи, вот что!

— Ну и хорошо, — говорит этот совершенно невыносимый мальчик. — Им понравилось, пусть забирают.

— Ну ладно, — вступает в разговор папа, — а если мой телевизор, например, нравится и мне тоже, как тогда?

— Тебе тоже нравится? — спрашивает удивленный Кузя. — Ты же все время смотришь передачи и ругаешься, что нечего смотреть, ты же кричишь «вот идиоты», ты же говоришь про него «этот дурацкий ящик»!

Папа молчит, не зная что сказать, и готовит хороший подзатыльник вместо этого.

— Мало ли, — вступает в борьбу умная бабушка, — мало ли, мы и тобой сейчас, например, недовольны, но не отдавать же тебя! И по телефону не всегда нам звонят с хорошими новостями, но не выкидывать же его! Ты понял?

— Нет, — отвечает малыш Кузя, — я считаю, что надо все отдать, и тогда не о чем будет горевать, понимаете?

— Хорошо, а эти твои друзья, которые к тебе приходили, они отдадут тебе что-нибудь из своего?

— А мне это не страшно. Мне ничего не нужно, — так отвечал этот Кузя.

— Ага! — восклицал выведенный из терпения отец. — Тебе, дураку, ничего не нужно, потому что у тебя все есть! А вот ты не будешь же спать прямо на земле в каком-нибудь окопе и жевать траву, как тот козел? Вместо того чтобы спать в своей кровати и есть, как сейчас, жареную картошку?

— А это можно, есть траву? Тогда вообще все было бы просто!

— Нет! — вопила в ответ бабушка. — Нельзя! Мы не козлы и не баранье какое-то! Чтобы жевать траву и хлебать из лужи! Мы люди! А люди должны жить в доме! В тепле, есть вареное и носить одежду! И быть людьми! А то все придет в негодность! Вообще везде! Дома развалятся, дороги будут разбитые, одна грязь, есть будет нечего и топить нечем! А чтобы этого не случилось, надо трудиться! Понял?

— Не знаю, — честно отвечал Кузя.

— Вот как мама с папой все время вкалывают! Слышишь меня? Ой, я вижу, ты ничего опять не понял. Ну, мал еще.

— Я уже большой! — заявлял Кузя. — Вы сами говорили, что я уже большой и должен уметь сам одеваться! Сам застегиваться!

— Ну вот попробуй поспорь с ним, — махала рукой бабушка. — Все, иди мой руки и обедать.

Глава вторая

СИРЕНЬ И ТОПОР

А по соседству на планете происходили такие дела, что одна фея должна была скоро улетать с Земли.

Ее звали фея Сирени.

Обычно феи проводят на земле срок в несколько тысяч лет, и за это время они худо-бедно стараются навести порядок в своем хозяйстве, и этой фее кое-что удалось сделать, правда не везде, а только в некоторых странах с теплой весной. И вот теперь этой фее Сирени уже пора было лететь в свой Город Света за новыми силами.

Жизнь на Земле вещь дико утомительная. Для обыкновенных жителей это дело всегда кончается полным и безоговорочным отдыхом ото всех забот, хотя многие надеются на лучший исход (и напрасно).

С феей Сирени все это происходило тоже впервые, и она не знала, когда точно придет ее время, только было предчувствие, что оно скоро наступит. Фею уже ждал Город Света.

Может, ей предстоял длительный отпуск, а потом — смотря по обстоятельствам.

Если и возвращаться уже будет некуда, то фея, само собой, застрянет в своем прекрасном Городе Света на две-три вечности, пока не зародится на месте Земли какой-то новый сгусток туманов, свежего воздуха, ночной росы и утренних лучей.

Фея Сирени, правда, успела привязаться к своему временному месту жительства, да и сил было вложено немало. А всегда больше любишь то, что сам сделал, верно?

Поэтому она с большой неохотой готовилась к тому, чтобы уронить последние (они же и первые) слезинки, по одной из каждого глаза.

Фея Сирени давно уже выглядела плоховато, летала все меньше и меньше.

Она, правда, надеялась найти кого-нибудь себе в замену, но никто ей не попадался. Одна очень старая монашенка, один старик весь в белом, тоже слабоватый, десяток кротких женщин... Никто из них не взялся бы ничем руководить. Умные были и какие-то нерешительные, прямо как святые.

Положение становилось опасным, поскольку ослабевшая фея Сирени следила за порядком на Земле, а именно на Землю эмигрировал в незапамятные времена (то есть несколько тысяч лет назад) колдун Топор, существо вредное и злорадное.

Топор всячески портил жизнь здешним обитателям и делал это с большим успехом — а фея людям помогала, в особенности детям.

Топор считал себя старожилом на планете Земля, знал тут все закоулки и тайны человеческой души, и он искренне ненавидел фею Сирени, говоря, что не надо вмешиваться в жизнь людей, пусть делают, что им хочется, и тогда они с успехом сами друг друга переколотят и перебьют, и это и есть полная свобода для человечества, свобода и равенство, то же самое и братство.

То есть каждый равен другому, и никто не имеет права владеть чем-то, чего нет у других. А если владеет, то его надо пришибить первой попавшейся кувалдой, отнять несправедливо заграбастанное и присвоить его (до тех пор, пока

у следующего земляка не накипит на душе и он не примется крушить все вокруг себя молотом, как озверевший кузнец своего счастья), и в результате весь этот мир насилия должен быть разрушен!

И жирные, заевшиеся страны с умеренным климатом должны провалиться в пучины вод морских! Как вот Атлантида когда-то.

И в таком случае, ежели это произойдет, то есть если все людишки благополучно вымрут, планета колдунов Черная Грязь всем скопом переселится на опустевшую планету Земля, где все-таки много светлее, есть воздух.

А у них на Черной Гязи всегда было пасмурно, холодно и мокро, даже жидко, всюду булькали лужи нефти, которой эти несчастные питались, а в атмосфере воняло керосином, тухлыми яйцами и забродившей подвальной картошкой, такие страшные были климатические условия. Черногрязовцы все как один мечтали превратить свою планету в огнедышащую пустыню с очень редкими колодцами, но зато с частыми фонтанами нефти.

Таким образом, колдун Топор выполнял благородное дело по освобождению Земли от человечества, чтобы обеспечить светлое будущее бедным жителям Черной Гязи, в число которых входила и пожилая мамаша Топора, которую он любил всем сердцем и признавал — после долгих скандалов по телефону — что на старости лет (бабушке исполнилось дикое количество веков) она имеет право отдохнуть и переехать в более сухое место.

Надо сказать, что мамаша Топора по имени Зараза Ивановна вообще жила на дне гнилого болота и имела вид гигантской запятой, всю жизнь пресмыкалась, как какое-то поганое земноводное, хотя при этом свободно разговаривала с сыном по межпланетной связи, диктовала ему условия своего переезда на Землю и многим была недовольна, в частности тем, что все идет медленно.

— Как наши там пустыни? — спрашивала она. — Растут?

— Какие это ВАШИ пустыни, мама? Они пока ихние. Да. Понял. Ой, мама, не лезьте. И не угрожайте. Не оборвете мне руки-ноги. Да! Вам еще сюда рано. Климат, говорю. КЛИ-МАТ суровый! Снег идет круглогодично. Завалило все, да! И все пустыни, Сахару, Гоби, Атакаму, Ямал. Выкиньте ваш телевизор, он неправильно показывает тутошнюю погоду. Врут они все! Купленные журналисты! Да! Нет, представьте себе, мама, я не лежу на дне болота, да! Руганью вы ничего не добьетесь, МАМА. Я не лепечу бред! Нет, мама, не КАК сивый лошадь! Много трудностей! А все что надо, я делаю, — отвечал раздраженный сын.

Но, по правде говоря, если Топор и спешил, то не слишком, ему было понятно, что с приездом мамаша он потеряет свою самостоятельность и будет под каблуком у Заразы Ивановны — именно поэтому он в свое время и эмигрировал с Черной Грязи.

То есть каждое дело имеет свои две стороны — плохую и хорошую.

Доведи Топор свое черное дело до конца — тут же на Землю кидается рой его земляков, и не исключено, что они вскоре превратят такое

милое и приятное место в гнилое болото или, еще того краше, в грязную пустыню.

Так что хоть природная зловредность проявлялась в Топоре ежеминутно — то кинет самолет в море, то устроит ураган, то цунами, а то и взорвет к своей маме целый центр города, оставив одни обугленные стены, — но Топор не слишком спешил со всем этим.

Правда, если бы Топор не хлопотал, то фея Сирени успешно научила бы всех людей взаимной вежливости, чистоте и доброте, но тогда Топору было бы страшно обидно за напрасно прожитую жизнь.

А ведь известно, что надо прожить ее так, чтобы было бы мучительно приятно.

Стало быть, Топор пакостил, но все время себя укорачивал, не желая раньше времени оказаться в кругу своей безобразной семьи черногрязевцев.

Другими словами, он в чем-то даже любил землю, на которую эмигрировал, хотя всем ее коренным обитателям искренне желал провалиться на этом месте.

Земля, но без жителей вообще — вот что его бы устроило.

Поэтому он любил ночь, безлюдное время, любил рассветы в полях и городах, когда все чисто и пусто, когда можно носиться повсюду беспрепятственно, сам и один, как король, роняя комья переваренного и свободно выпуская шлейф вонючих выхлопных газов (что делать, против собственной природы не попрешь).

А потом просыпались и вываливались из домов людишки, сброд, шумели, портили природу, загрязняли среду обитания.

ДВЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Мы остановились на том, что фея Сирени слабела. Она потеряла силы настолько, что даже не могла себя защитить. Надо было улетать. Но как?

Чтобы взлететь, ей нужно было опереться на что-то, но на что?

Она уходила с места своей службы, а это всегда очень трудная вещь — покинуть работу, которую любишь и на которую потратил жизнь.

Кстати, она не знала вообще, как это делается — увольнение отсюда, и насколько это трудно.

Никто на Земле ничего такого не предвидит, надеется на лучшее и на счастливый конец.

Вроде оно должно было произойти само собой. Какой-то дальнобойный луч мог сверкнуть — примерно так она прибыла на Землю.

Фея Сирени скиталась, таким образом, в виде пятнышка или короткого луча по белу свету, и без ее присмотра все начало хиреть, происходили катастрофы, бедствия, а уж колдун Топор совершенно распоясался и даже показался по телевидению, открыто объявив миру тайную войну, причем без адреса и времени — постоянную войну против всех.

Причем его было видно довольно плохо — какой-то бледный мужик с гадкой улыбкой, как будто он только что с удовольствием отомстил, но при этом измарался, пострадали штаны сзади, и он этого стесняется, однако позирует перед камерой как бы специально именно в таком замаранном виде, как бы ничего не скрывая, как истинная звезда, суперстар телевидения.

Фея Сирени, таким образом, скрывалась, а колдун Топор непрестанно показывал себя, но при этом невидимо находился сразу во многих местах и личинах.

Одновременно он повсюду выискивал фею, надеясь победить окончательно. Он чувствовал свою возросшую силу. Ему, разумеется, это было страшно трудно, поскольку фея Сирени имела вид луча света. А мало ли лучей света ложится на землю и просвистывает в воздухе по всем направлениям, в том числе и между людьми! Даже ночью, в глухой тьме, вдруг да чирикнет какой-нибудь ничтожный огонек и пошлет луч прямо кому-то в глаза, а Топор спохватывается и мечется туда-сюда, круша все на своем пути, то есть получают опять одни пустые хлопоты!

Он, однако, знал, что фея любит болтаться около особенно добрых и незащищенных детей. Там-то он и надеялся ее поймать.

Правда, как уловить луч света, вот вопрос.

Короче говоря, каким-то утром фея Сирени путешествовала по городу в поисках подходящего знакомства с новым ребенком (последнее время только это и утешало ее) и увидела маленького мальчика за кустом, который кормил мороженым сразу трех приятелей гораздо старше его.

Они быстро, в шесть укусов, прикончили свою добычу, давась от спешки, и попросили малыша принести им еще.

Он пошел к бабушке, сидящей на скамейке, и стал просить у нее новую порцию мороженого.

— Но ты ведь съел уже две! — удивилась бабушка. — Нет, хватит. А то простудишься и не будешь обедать.

— Буду, буду, бабушка, я очень голодный! — сказал малыш так правдиво, что у феи Сирени навернулись на глаза слезы.

Эти две слезы упали на песок и застыли там в виде двух жемчужин.

И два тонких свистящих луча ударили снизу вверх, подхватили с собой маленькое пятнышко света и бесшумно исчезли.

Запахло чем-то нежным и растаяло.

Мгновенно, откуда ни возьмись, из-за куста к этому месту попрыгала бойкая большая жаба.

И тут мальчик, так ничего и не добившись от бабушки, вдруг заметил у себя под ногами две жемчужины, поднял их с земли и понес своим друзьям за кустик.

— Вот, — сказал он им, — я нашел красивые камушки, хотите?

— Хрена нам твои пуговицы, дуррак, давай мороженого! — завопил самый большой и хорошо стукнул этого дурака по голове.

— Мороженого больше нет, — ответил ударенный, почесав макушку.

Двое других плюнули на него, и вся троица удалилась.

А проворная жаба вдруг съежилась до размеров гусеницы, потом гусеница, извернувшись, быстро лопнула, и на свет Божий вылезла бабочка-капустница, маленько обсохла и зафиндиляла в воздухе.

В этот момент Топор опять появился на экранах телевидения в грязных с изнанки портках и с бледным, но спокойным видом. Он вымолвил:

— Краибнмр-рэ яюя пссту-фссту бзеф-мзеф! Ая? Усиптошись негебреммо. Сю? Шуи опсянась-офсянась бно-ная арья-шмарья. Бейна фирянэ ифтесла. И фтесла! Куки? Ая! Нзябзим-шабзим. Каля-маля. Млыфысе?

И переводчик сказал:

— Трудно разобрать слова... Расшифровщики работают... Как бы что он все предвидит...

Испуганные пенсионеры и домашние хозяйки, а также больные, разнообразные отдыхающие на рабочем месте и журналисты это видели и слышали и рассказали всем остальным.

Малыш Кузя (а побитый дурак был именно он) постоял за кустами оглоушенный и оплеванный, но потом он улыбнулся и побежал к бабушке, стараясь не показать вида, что ему плохо.

— Что я нашел, бабуля! — закричал он. — На, это тебе!

Бабушка увидела жемчужины, смутилась, оглянулась и тихо спросила:

— Ты где это взял?

— Нашел на песке!

— Вечно ты всякую гадость с земли подбираешь, потом руки грязные! — привычно сказала бабушка, вынула из кармана платок, увязала в него жемчуг, кинула все это в свою бездонную сумку, где при надобности умещалось двадцать кило картошки-моркошки, затем велела Кузе сидеть на лавке, а сама, глубоко вздохнув, пошла вдоль скамеек, бестолково спрашивая:

— Никто ничего тут не потерял?

Все стали копошиться в сумках и карманах и бормотать:

— А что? Что нашли-то?

Одна тетя потеряла перчатки и зонтик, трое спохватились насчет кошелька, один мужчина обнаружил нехватку золотого кольца и т. д. Пятеро заявили о пропаже крупной суммы денег.

Ничего не добившись, красная от стыда бабушка подхватила внука и помчалась домой.

А фея Сирени летела со скоростью света в Город Света, ни о чем не думая.

Между прочим, этого — ничегонедуманья — добиваются многие несчастные создания, мысли которых бегают по кругу в их бедных головах и не дают ни спать, ни что-то полезное делать.

В такие минуты люди предпочитают смотреть телевизор, особенно всякие игры с призами, или сидят за компьютером, опять-таки играя, или же, на худой конец, решают кроссворды.

Но у феи Сирени, летящей в потоке света, горе было так велико, что она всполошилась, волшебством заставила себя ни о чем не думать и погрузилась в вечный сон, лететь ей было далеко, много миллионов световых лет.

А вот вихлявая белая бабочка тоже летела, но невысоко над почвой и на очень малой скорости, следуя за бабушкой и внуком.

Бабушка очень торопилась и оглядывалась, чувствуя себя мелким воришкой.

Лицо ее загорелось двумя красными пятнами, в глазах стояли слезы как от ветра.

Первый раз в жизни бабушка тайно унесла чужую вещь.

Жемчужины буквально жгли ее, хотя лежали на дне объемистой хозяйственной сумки.

Она торопливо, волоча за собой внука, ворвалась в подъезд и кинулась к лифту.

Бабочка-капустница же, огородный вредитель, влетела к ним в форточку в тот же момент и стала, как все эти бестолковые создания, биться о стекло, просясь на волю.

Глава четвертая

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ВХОДИТ В ДОМ

Бабушка (которая получила от Кузи две жемчужины) потеряла покой.

То она примеряла их перед зеркалом — одну на палец, другую почему-то на лоб. Потом одну пониже шеи, а другую в ухо. То сразу обе в уши.

Выходило необыкновенно красиво.

То она прятала жемчужины подальше — в старый носок, а носок в пакет, а пакет в шкаф под простыни.

И не спала ночами, размышляя, за сколько можно продать такие жемчужины и можно ли на эти деньги поехать с Кузей на море.

Дело в том, что семейка у них была небогатая, родители работали день-деньской, а в выходные отсыпались и бродили по дому в своих ночных нарядах, как тени, и вся домашняя работа была на бабушке. А бабушка страшно уставала: она ходила по магазинам, стараясь купить все подешевле, она готовила завтраки, обеды и ужины, стирала, гладила, убирала в квартире и при этом иногда слышала от своих родных такие слова:

— Ой, мама, я же этого не ем! Сколько раз можно повторять одно и то же!

Или:

— Опять все неглаженое! Как же я на работу пойду?

Или:

— Почему игрушки валяются? Кузя, ты вообще соображаешь? Я ведь сейчас наступлю на твою машинку! И мама! Почему по всей квартире у вас горелым пахнет? (А это, допустим, на кухне сбежало молоко.) И много всего слышала бедная бабушка. Кузя это тоже слышал, но поскольку ничего другого в своей довольно непродолжительной жизни он не знал, то он и думал, что именно так надо обращаться с детьми и бабушкой.

Правда, поскольку он был добрый человек, то он сам никогда не делал бабушке замечаний. Только иногда скажет:

— Я не буду есть суп. Он дурацкий.

Или:

— Я не хочу надевать шапку. Мне жарко.

— Так тебе жарко дома, а мы же на улицу идем!

И бабушка с ним горячо спорила и ругалась, говоря, что другого супа у нее нет или что на улице ветер, может продуть уши.

Таким образом, у бедной бабушки жизнь была не совсем счастливая, прямо как у старой Золушки.

И, размышляя о свалившихся на нее богатствах (две жемчужины), бабушка размечталась об отпуске в каком-нибудь доме отдыха: три раза в день еда, и не надо мыть грязную посуду, убирать помещение и таскать картошку с рынка! Здорово будет, мечтала она, поселиться с Кузей где-нибудь на берегу моря и купаться!

И она не знала, что жемчужины эти были волшебные.

Короче, на следующий день была суббота, утром бабушка с ворчанием словила под носом у прыгающего кота бабочку и выпустила ее в окно, а днем, когда родители Кузи, мама в халате, а папа в трусах и майке, сонно завтракали на кухне, зазвонил телефон.

— С вами говорят из телевизионной программы «Удача»! Вы случайным набором цифр выбраны нашим компьютером. И вы выиграли поездку на море! — сказал женский голос.

А мама Кузи, женщина умная и ядовитая, ответила:

— Спасибо, нам не надо. Мы все понимаем. Уже обманули так многих.

Потому что в городе появилось множество мошенников, которые делали вид, что кто-то что-то бесплатно выиграл, а затем выманивали у бедных победителей все их деньги.

И началом, как правило, была вот эта самая фраза:

— Поздравляем, вы выиграли!

Так что Татьяна, мама Кузи, с торжеством положила трубку, а затем она, поспорив с бабушкой, которая как раз намылилась поехать навещать свою старенькую мамашу, и выиграв этот спор (Татьяна клятвенно обещала вернуться через два часа), ушла с мужем Валерой покупать диван.

— Ты вечно, — на прощанье, перед тем как хлопнуть дверью, сказала дочь, — по субботам смываешься! А нам когда отдохнуть?

Но телефон опять зазвонил.

Теперь уже подошла бабушка.

— Поздравляем, вы выиграли наш приз, бесплатную поездку с ребенком на море! — сказал бодрый женский голос. — Это с телевидения, программа «Чудо»!

— А если ребенку мало лет, почти что шесть? — соврала осторожная бабушка.

— Это приветствуется!

— А когда ехать?

— А когда хотите!

Бабушка растерялась.

— А куда?

— В любую точку. Хоть на Лаптевых море, хоть на Баренцево, хоть на какое. На Белое можно. В пределах нашей страны.

Тут бабушка вытерла со лба пот и спросила:

— А на Черное можно?

— На Черное труднее. Вы же понимаете, что все хотят только на Черное!

— Море Лаптевых это где? —

— Да уж не на юге! — засмеялся голос.

— Тогда Лаптевых отпадает, — сказала умная бабушка.

— Баренцево тогда берите. Дом отдыха Газпрома, шесть звезд. Свой круглосуточный каток, наблюдения за белым медведем, тундры десять га. Или отель на Белом море. Подледный лов трески, очень заманчиво.

— Подледный? Или тундра? Да это уже ссылка какая-то получается, а не отдых. Так что извините, Баренцево море нам как-то не очень... И Белое не совсем подходит... До свидания вам.

— Бесплатному коню в зубы не смотрят, — сказала строгая барышня. — Однако я сейчас

проверю. Что у нас тут... Так. Поход на ледоколе, ну, это ладно... Снежная гостиница, тара-ра-ра, проверить свои чувства, так, ночь на ледяном ложе...

— Нет, не подходит! Спасибо! Какие чувства! Я своего внука и так люблю... И к зятю отношусь... как он заслужил... неплохо...

— Погодите, женщина! Алло!

— Чувства нечего и проверять. И маму свою... я простила давно. О дочери даже не говорю.

— Женщина, так. Вы же еще молодая сравнительно, что вам, за сорок? Так зачем заранее себя хоронить! Впереди жизнь! Газовики, нефтяники. Полный активитет, мощно ревя, идут снегоходы... Вы в капюшоне, глаза сверкают, от мороза вы румяные... Кругом изумительные мужчины! Газовые мачо!

— Спасибо, спасибо, достаточно, все.

— Охота на леммингов. Адреналин под кожу, это не то... Ледовое настроение... Ты-ты-ты-ты... Собаки хаски, людоеды. Сильные ощущения. Погоня!

— Что?!

— ...Вот! Сани утеплены мехом нерпы!

— Девушка! Вы что!

— А? Не то?... Вам потеплее надо...

— Проверьте, девушка милая... В море бы ему поплескаться...

— Вот! Морские ванны!.. А, в полынье. Опять не то.

— Ребенок маленький, — охотно жаловалась бабушка в телефон. — Четыре года всего... Болел всю зиму. Не гулял почти...

— Я не всю зиму болел! — закричал правдолюбивый Кузя. — Я гулял!

— Болел и лежал! — с силой сказала бабушка. — Соплями обмотавшись.

— Не обмотавшись!

— Так... — сказал голос в трубке — Ну вот. Нашлось для вас место на Черном море... Но надо выезжать через полчаса!

— Ох, как через полчаса? Ох, ох, даже не знаю... У меня белье намочено, рубашки неглаженные, продуктов в доме нет, надо бежать по магазинам... Обед варить на завтра... Как же я их тут оставлю... Да они кота уморят...

— Женщина! — вдруг резко сказал голос. — Вам выпала удача! Так ловите ее! Бросьте все и езжайте! Море-то самое Черное изо всех морей! Как вы желали! А то я переключусь на другого абонента. Если наш клиент долго думает, срок его удачи кончается. Таково правило игры.

— А на сколько? — спросила бабушка, замирая. — На недельку?

— Хоть на сто неделек! — засмеялась женщина. — Хотите на год?

— Мне бы двенадцать дней, и я бы отдохнула, — пролепетала бедная бабушка. — Одна кухня да стирка, да магазины. Да еще и ругаются на меня. Замоталась совсем.

И тут она почувствовала, что Кузя взял ее руку и погладил. И бабушка всплакнула над своей несчастной долей.

— Хорошо, куда присылать за вами машину?

— Как... машину?

— Так, женщина!

— Да погодите, все ведь так неожиданно! — сопливым от слез голосом отвечала бабушка.

— Вам трехразовое питание, море, хорошую погоду и чтобы убирали в доме? — спросила тая.

— Именно, именно.

— Но есть одно условие, — жестко сказали в трубке. — Ничего, никаких вещей не брать с собой. Ни даже часов. Ни бус, ничего. Ни бисера.

— Как? — ахнула старушка. — А лекарства?

— Вам не понадобится. Все будет так хорошо, что вы выздоровеете.

— Слабо верю, — возразила мудрая бабушка. — У меня бессонница, сердце побаливает, кости ломит, голова кружится, уши закладывает, и в них как бы звон, особенно в левом. Не мееет ухо. Особенно когда на меня кричат.

— Ничего этого больше у вас не будет, — сказал голос. — Вы помолодеете. Это курс омолаживания! Похудеть навсегда!

— А нельзя и мою дочь... А то она так устала...

— Вам говорят, женщина! Это вы выиграли! Кто взял трубку!

— Ну хорошо, а вещи ребенку? Можно немножко?

— Все дадут там.

— Маечки, трусики, сандалики, панамку... Рубашечки три, и один свитерок на вечер. Горшок! Не забудьте, нужен ночной горшок!

— Там все есть.

— Как это... все? Откуда кто знает, что нам нужно?

— Женщина! Говорю вам! Ничего не нужно!

— Ничего человеку не нужно только в море! — пошутила бабушка. — Понятно?

— Жженщица! — зашипело в трубке.

— А мне... Два халата... Ночная рубашка... Носочки на ночь... Погодите, а босоножки? А купальник? А шляпа? У меня все лежит припасено в шкафу, я с молодости берегла. Ездила на взморье от предприятия. И не выкидывала! Как чувствовала, что пригодится!

— Не беспокойтесь, у вас будет абсолютно все что нужно. Приедете на Черное-пречерное море, и вами займутся.

— А что... — засомневалась бабушка, — нас не будут все время снимать на камеру? Подглядывать за нами в ванной? Не это ваша цель?

— Глупости, — ответила телефонная трубка. — Мы канал «Чудо», и вас будут снимать только через пять дней после прибытия, когда вы уже отдохнете, чтобы показать, как вы отлично выглядите. А платить нам будет тот отель, где вы поселитесь, это для них бесплатная реклама. Вот так.

Бабушка не верила своим ушам. Только этой ночью она строила планы, как и где продать жемчужины, да где купить путевку, как оставить дом, и кто будет стирать и поливать цветы, и кто будет кормить и расчесывать кота, а тут такое чудо!

— Быстро, вы согласны?

— Я не знаю, — прошелестела бабушка. Особых удач у нее в жизни не было, и она к ним не привыкла. Самая большая удача в жизни был ее внук, но и на него часто недоставало времени. Воспитать его как следует, и то было некогда.

— Так. Сейчас за вами заедут...

— Приготовить паспорт?

— Нет, ничего не берите с собой, ясно?

Через десять минут (бабушка за это время все-таки пустила стиральную машину) в дверь позвонили.

Сердито открыв дверь на цепочку, бабушка вдруг увидела известного телевизионного ведущего, который широко улыбался.

— Я за вами, — сказал этот ведущий, скаля зубы. — Наша программа «Чудо» начинается! Жду вас внизу в машине!

— Ой, можно через пятнадцать минут! Ой, а я же маму собиралась купать! Ехать к ней! Ой-ой...

Бабушка с печальным воем кинулась в ванную. Остановила машину, вынула белье, кое-как выполоסקала и отжала, повесила. Потом бросилась в кухню, где на плите варился бульон. Выключила.

Быстро вывалила кусок мяса в кошачью лакушку. Машинально погладила кота. Кот вывернулся, что-то заподозрив. Обычно его гладили, когда бабушка, уложив Кузю, помыв посуду, развесивши белье и протерев пол в кухне, садилась смотреть телевизор. Тут кот и прыгал к ней на колени, его чесали за ушком и гладили, пока глаза бабушкины не смыкались.

Так что кот сел одиноко в сторонке и стал наблюдать с мыслью, а не собираются ли его бросить?

Тем временем бабушка посмотрела на себя в зеркало и опять взвела с плотно закрытым ртом. Причесалась кое-как, надела самое лучшее — тесноватую юбку и блестящую кофточку. Взяла

у дочки на столике губную помаду, неумело на-
красила рот и, подумавши, щеки. Потом кину-
лась к шкафу и дорылась до своего пакета с нос-
ком, в котором лежали две жемчужины. Поду-
мала и положила жемчужины за щеку. На всякий
случай! А то дочка дороеется...

Затем бабушка влетела в детскую, подхвати-
ла легенького Кузю на руки, поцеловала его, оде-
ла понарядней и пустилась вон со своей ношей.

И за ними замотыляла в воздухе невзрачная
бабочка-капустница.

Внизу она стукнулась оземь, и тут же на этом
месте оказался огромный белый, как сливочное
мороженое, автомобиль, и в нем мгновенно рас-
пахнулась дверца.

— А позвонить? — вдруг спросила бабуш-
ка. — Я не предупредила своих! Ох я дура!

И она ринулась наружу, открыв дверцу. И тут
же чья-то узкая черная тень проскользнула в ма-
шину.

— Им позвонят, не волнуйтесь! — ответил
с переднего сиденья мужской голос, и автомо-
биль ринулся с места.

Глава пятая

СТРАННЫЕ МЕСТА

Всё. Они мчались в машине с затемненными
стеклами, вокруг — очень быстро — пропали,
как сквозь землю провалились, все дома и ули-
цы и начались какие-то леса, как будто машина
уже выехала за город. Какие могли быть леса

через пять минут? Должны были быть Новые Черемушки! Потом Беляево, Теплый Стан!

Но мимо проскакивали несомненные темные леса, прошныривали какие-то мосты через овраги, ухали спуски, внезапные повороты дороги, почему-то взгромоздились горы на горизонте и вдруг открылся пологий склон и путь к равнине.

— Видите, это море, — неожиданно пропела какая-то женщина с переднего сиденья. — Вон там! Женщина?

— Кузя, смотри, там море, — перевела бабушка. — Правда, не знаю где.

Ей, разумеется, было немного трудно говорить, жемчужины оттягивали обе щеки и немного постукивали о зубы.

Наконец машина остановилась у какого-то дома.

Странно, но всю дорогу Кузя молчал. Обычно он говорил без передышки, спрашивал каждые полминуты: «А это кто?», «А это что такое у тети под глазом?», «А почему собачка ногу подняла?» — то есть теребил бабушку, надоедал ей.

Теперь он не проронил ни словечка.

— Кузя, ты не заболел? — спросила бабушка, выбираясь из машины.

— Нет, — ответил Кузя. — Но ты меня скоро не увидишь.

Он сидел в глубине машины, маленький и важный, и смотрел перед собой.

— Пряма, — ответила на это бабушка, а сердце ее ухнуло в пятки. — Еще новости.

Она его подхватила и вынесла, и только тут поняла, что уже опустился вечер, все вокруг

было темное, какие-то кусты, и даже дом стоял без огней.

Только летала, как бы заблудившись, какая-то рваненькая белая бабочка.

Машина вообще исчезла совершенно незаметно.

Что такое!

— Пойдем быстрее, — забормотала бабушка, боясь заплакать. — Не бойся! Сейчас нам выделят кровати... А хотя бы и одну... Покажут нашу комнату... Это же дом отдыха. И мы поужинаем и ляжем спать. Надо же, как время быстро прошло!

Робко, держа Кузю за руку, бабушка поднялась по ступеням и открыла дверь.

Ожидалось, что там будет порог, пол, какой-никакой коридор и так далее.

Но за дверью была точно такая же поляна и лес.

То есть на самом деле это был не дом, а одна стена с окнами и дверью.

Теперь бабушка все поняла! Их отправили в какое-то дикое место, а за ними наблюдает телевизионная камера, чтобы показать, как ведут себя люди, у которых ничего нет.

А этот дом — это декорация.

А потом тот зубастый ведущий скажет:

— Чтобы этого не случилось, чтобы вы не остались без дома, — и тут он завопит, как диктор на Красной площади во время парада, — покупайте квартиры у фирмы «Хатастрой»!

Поэтому бабушка, не выпуская руки своего внука, храбро повернула назад и устремилась в лес, продвигаясь напролом, чтобы выбраться

из этого проклятого места, однако дальше шли одни завалы, причем это нельзя было назвать лесом. Тут пахло пылью, керосином и каким-то техническим жиром типа вазелина, и тут стояли, лежали и вообще торчали вверх тормашками одни старые синтетические елки. Видимо, это было место, куда стаскивали запасы пришедших в негодность искусственных новогодних елок (зачем?), и на некоторых так и остались висеть нитки мишуры и кусочки битых шаров. Пройти сквозь эту свалку, да еще с ребенком на руках, было нельзя.

Она не солоно хлебавши вернулась и села на прежнее лысоватое место, которое можно было бы назвать опушкой этого помойного леса, и при этом она делала вид, что ей все нравится, никакой досады. Она даже специально улыбнулась всем вокруг — елкам слева, палкам справа и декорациям прямо перед собой.

— Садись ко мне на ручки, — сказала она. Кузя, однако, стал оглядываться.

— Бабушка, — сказал он. — Пошли домой. Мне тут не нравится, — сказал он. — Лес какой-то дурацкий.

— Ничего, ничего, — улыбаясь, пропела бабушка и сгребла умелой рукой Кузю и пристроила его у себя на коленях. — Утро вечера мудренее. Спи.

И она, фальшиво улыбаясь, запела колыбельную. При этом она опять-таки глядела и прямо перед собой, и поворачивала голову то вправо, то влево, чтобы людям было удобнее ее снимать.

— Нас смотрят миллионы! — вдруг сказала она. — Так поплодируем же! Пусть внесут приз!

— Ты че, баба? — спросил Кузя.

— Это декорация, понимаешь? — зашептала бабушка. — У деревьев нет хвои, видишь? Одни отрепья. И травы нет. И земля искусственная, пыль какая-то, прах горелый. Мы участвуем в программе. А теперь, — сказала она улыбаясь и очень громко, — прошу наш приж в штудию!

(Она случайно зашепелявила — под язык попалась одна из жемчужин.)

Но ничего не изменилось. Поддувал сквознячок. На небе было темно. Никто не вносил никакого приза.

— Есть хочешь? — спросила бабушка.

— Нет, — ответил, как обычно, Кузя. Ему никогда не хотелось есть, странный ребенок!

— А пить?

— Нет.

— Это хорошо. Потому что у меня ничего нет. И она вдруг пожаловалась:

— Ты мне сердце разрываешь. Почему ты сказал так? Что это — я тебя не увижу? Куда ты собрался?

— Не знаю.

— А как же я без тебя? — бестолково спросила бабушка.

— Ты будешь.

— Не оставляй меня, — попросила бабушка. — Сначала я уйду. Так полагается. И ты меня будешь иногда вспоминать. Хорошо?

Он промолчал.

— Давай договоримся, что ты меня не покинешь? Ладно?

— Не знаю.

Вдруг она спохватилась:

— Что это ты такое бормочешь, не знаю, не знаю. Как это? Я тебя никуда не отпущу! Я без тебя не смогу! Да мне твоя мать башку открутит! Да я с крыши прыгну!

При этом она лихорадочно гладила кудряшки Кузи, и голова его болталась на тонкой шейке.

— Обещаешь? Ну скажи да! Ну скажи! — заплакала она. — Да? Да?

— Да, — ответил он внезапно.

— Что «да»? Что не покинешь?

— Да.

Она мигом успокоилась, как будто действительно маленький ребенок мог что-то ей обещать. Она оживленно, вытирая слезы, заговорила:

— Как-то странно с нами обошлись. Бросили тут. Дом не дом, а одна стена. Елки-палки.

Тут, совершенно неожиданно, во тьме загорелись два волчьих глаза.

— Это еще что! — завопила бабушка. — Нахальство! Кто разрешил! Тут ребенок маленький! Иди отсюда!

Два глаза вдруг погасли, потом снова зажглись, но вполонину. Как будто кто-то моргнул, а потом прищурился. Затем раздалось краткое «мяф».

— Кошка, — не веря себе, сказала бабушка. — Не волк!

— Миша, Миша, — позвал Кузя.

— Откуда тут Мишке-то быть... Сидит теперь дома до вечера один... А я ему воды не подлила... Хорошо хоть мяса оставила.

Два огонька неслышно подкрались, причем чуть пониже замаячил белый клочок.

— Миша? Ах ты мой хороший! — запела бабушка, и кот подобрался к ее коленям и сел на них вторым, рядом с Кузей.

Стало теплей.

— Чем я вас кормить-то буду, — загоревала бабушка.

Вскоре произошло вот что: в декорации, изображающей дом, загорелись окна.

— Я же говорю, нас снимают, — обрадовалась бабушка. — Пошли.

За занавесками стали мелькать тени людей. Донеслась музыка.

Потом распахнулась дверь, выехала камера, вышел ведущий во фраке, с галстуком-бабочкой, похожий на барана с лошадиной челюстью, и провозгласил:

— Мы приглашаем всех участников передачи! Добро пожаловать! Милости просим!

Бабушка крикнула, как утка, и стала приподниматься, но Кузя сказал:

— Ой.

И кот уцепился когтями в бабушкину юбку, не желая слезать с теплого местечка.

Приглашающий исчез во тьме, камера исчезла, а двери остались открытыми. От них падал свет, и в дверном проеме темным силуэтом зафиндиляла какая-то бабочка. Бабочки, как известно, летят на свет.

Глава шестая

СЕАНС. ФИЛЬМ ПЕРВЫЙ

Тут бабушка встала. Ее с какой-то нечеловеческой силой тянуло к освещенным окнам. Она почистила юбку сзади, одернулась, взбила

волосы на затылке и, крепко держа за руку внука, тронулась.

Она даже не обернулась на кота, который засел в тени, плотно обмотав ноги хвостом.

В окна первого этажа было видно следующее: на креслах лежали старухи, все как одна много старше нашей бабушки, и под яркими лампами ясно было видно, насколько они старше.

Они лежали, широко разинув рты: врачи в зеленом вставляли им в десны блестящие белые зубы по одному! Да так просто, как сеяли чеснок: сунут, примнут пальчиком и начинают втыкать следующий!

Вскоре у всех старушек засверкали новые челюсти, и раздалась какая-то команда, и старушки разом сморгнули и захлопнули рты.

Тут же над ними начали опускаться какие-то стеклянные крышки, всех старушек упрятали под эти надгробия и даже что-то завинтили...

— Жуть какая, — невольно сказала бабушка внуку. — Зачем хоронят-то с новыми зубами?

Затем люди в зеленых халатах включили некоторые кнопки, раздалась легкая барабанная дробь, крышки начали подпрыгивать, внутри как будто что-то плескалось, скворчало и бурлило. Как будто пациенток кипятили, можно было подумать.

Бабушка смотрела как замороженная.

Вдруг к крышкам подступились те же люди в зеленом, стали развинчивать болты, затем приподняли эти пластиковые козырьки, и из-под них начали выглядывать молодые розовые красавицы, блондинки с синими глазами. Они ловко, как по команде, мотнули длинными ножками и тут же сели на своих кушетках.

— Ну ты подумай! — ахнула бабушка и дернула внука за руку. — Видал? Фокусы! Заменяли тех на этих! Ну надо же!

Кузя промолчал. Он вообще ничего не спрашивал. Бабушка покосилась на него: ребенок стоял, задумчиво глядя на происходящее своими огромными глазами. Он был невесел.

— Это из цирка приехали, иллюзионисты называются, — объяснила бабушка. — А тех бабушек спрятали в ящик. Они командой работают. Внуки и бабки. Тех на тех меняют.

Тут в дверях встал один в зеленом халате (такой фокусник) и громко сказал, глядя в лес (на бабушку):

— Не стесняйтесь, для вас приготовлено место! Это омоложение раз и навсегда!

Бабушка на всякий случай отошла. Громкий голос забубнил:

— А сейчас мы показываем фильм будущего, ваша жизнь в новом варианте! В омоложенном виде! Компьютерная программа не дает сбоев! Все просчитано по параметрам! Учтены все собранные данные о вашей предыдущей жизни!

Над входной дверью осветился экран.

Юная блондинка с широченной улыбкой и на длинных ножках вылезает из машины у подъезда...

У нее внешность точь-в-точь как у героини фильма «Приятная женщина».

(— Смотри, подъезд на наш похож! — шепчет бабушка Кузе.)

Бабки на скамейке, утирая рты, бессмысленно смотрят, как она идет, ступая на каблучках своих ботфорт, как поднимается к подъезду...

На их лицах написано: «К кому такая?»

И явно добавлено знаменитое русское слово.

(— Смотри, это все наши из подъезда! — восклицает бабушка.)

Блондинка оборачивается к скамейке, улыбается и произносит:

— Валь, привет. Здравствуй, Нина. Как Анюта? Меня не узнаете? Гуля, это я, тетя Лена из пятнадцатой квартиры. Митягина я.

(— Митягина — это же я! — удивленно говорит бабушка Кузе.)

Окаменелые лица старушек на скамейке.

— Меня омолодили на программе «Чудо»!

Улыбка, тут же куколка забирается по ступенькам и, набравши верный код, заходит в подъезд.

Бабки на скамейке на всякий случай ехидно смеются. Это их самое испытанное и последнее (перед матом) оружие.

Блондинка выходит из лифта и звонит в дверь. Нет ответа. Хотя кто-то стоит по ту сторону и явно смотрит в глазок.

— Тань, открывай, это я вернулась! — мелодичным голосом объявляет блондинка. — Мама твоя. (— Мама? — шепчет бабушка Кузе.) Замок щелкает, дверь приоткрыта на цепочку.

— Пусти меня, доча, — ласково говорит куколка.

— Кто-о? — зловеще поет, глядя в щель, полная молодая женщина в халате. — Вам кого, девушка?

Волосы у женщины в беспорядке, живот мокрый: видимо, что-то мыла. Или кого-то.

— Тань, это я, твоя мама! — задорно восклицает девушка.

В дверях борьба. Видимо, Таню отпихивает кто-то сзади. Дверь прикрывается. Опять возня, затем, видимо, цепочку снимают, и в проеме возникают сразу двое: толстуха Таня в сыром на животе халате и некто бритоголовый, полный, в трусах и майке.

— Вам кого? — отталкивая мужика плечом, сурово говорит Таня.

— Я твоя мать и я тут живу, пропусти, тебе говорят, — нежно произносит куколка и хочет шагнуть в квартиру.

Таня перегораживает путь, зато мужчина (это муж Валера) внезапно хватает жену поперек и утаскивает ее из поля зрения. Борьба. Оплеуха.

Куколка хочет ступить в дом. Но тут в коридорчике появляется маленький Кузя. Он в трусиках и маечке, и это его, видимо, мыла мать.

— Кузька! — поет блондинка. — Я, твоя баба, приехала! Киська моя!

Кузя пугается, таращит глаза и отскакивает.

— Иди ко мне, кутенок!

Кузя вообще убегает. Борьба в прихожей, Татьяна выталкивает красавицу, дверь захлопнута.

Блондинка, обозленная, посмотрев на потолок и покрутив головой, садится на ступеньку.

Снизу поднимается мужчина в кепке и с усами. Видимо, он увидел красотку еще во дворе. И погнался следом, причем не на лифте.

(— Гляди, Ахмед! С первого этажа! На дворнике весной женился! Со своей женой развелся и женился! Заплатил дворнику! А она пьющая! — комментирует бабушка.)

Ахмед спешит. Задыхается. Жирный такой.

— Любимая, э! — восклицает он, протягивая свои черноволосые руки. — Можно вас на две секундочки, э? Я встретил девушку, полумесяцем бровь!

Куколка с гневом встает.

— На щечке родинка, в глазах любовь, пойдём, э? — продолжает кепка.

— Отвали, Ахмед, а то по харе схлопочешь! — говорит блондинка.

Но кепку эти слова не смутили.

— Поедем со мной, ой погуляем! — сладко говорит кепка. — На дачу ко мне! Я тебе машину подарю, честное слово. «Ока» стоит во дворе, тебя ждет!

(— Ока его битая, — зашептала бабушка Кузе.)

— Ока твоя! Убитая два раза, ржавая! — тут же повторила блондинка ядовито.

— Я заплачу за капремонт сколько скажешь, любимая!

— Валера! — зовет блондинка истощенным голосом и бьет ногой в запертую дверь. Кепка тарачится. Дверь не без труда открывается. На пороге возникает Валера (зять) уже в спортивных штанах и с молотком в могучем кулаке. За ним маячит хмурая Танька с Кузей на руках.

— Ты че выступаешь тут? — говорит Валера кепке. — Дядя Ахмед, ты че вообще? Офигел совсем?

Кепка спустился немного по лестнице, посылая блондинке сладкие взгляды:

— Слушай, Валера, что ты, честное слово... Она же такая... Мы договорились уже... Я отблагодарю...

— Иди, иди, — суровыми словами провожает его Валера.

Дальше кухня. Блондинка заканчивает свой рассказ:

— А потом они делают рекламный фильм про возвращение омолодившихся...

Таня говорит мужу:

— Надо же, а я, тупая, их послала, телевидение, программа «Удача»... Они мне первой звонили... Я им сказала: вы меня не обманете, спасибо, не надо.

— Программа «Чудо», — поправляет ее куколка.

— Ну и дура, — говорит муж. Он не смотрит ни на кого.

— Тань, — говорит блондинка. — Ну что делать, дочка? Куда мне, мне податься некуда. Вообще, это моя квартира, это мне от предприятия дали. Вон у тебя Валерина жилплощадь есть, туда и идите жить. А то ее сдаете, а мне ничего не платите. Я как бобик вкалываю на вас... Бесплатная домработница... С Кузей сижу, варю, глажу, стираю, убираю... По магазинам... Ни ночи ни дня...

— Вы же, мама, сами без работы остались и предложили... — оправдывается дочь. — Чтобы не на шее сидеть. Вы же сами...

На «вы» называет куколку. А та возражает:

— Но нельзя же не помогать-то матери... Вся я поседела, зубы потеряла, вставить некогда... Венны на ногах... Оборвалася вся... Стыдно выйти на люди... Ни пальто, ни сапог... Сарафанчик себе сама шила ночью... А ты все пируешь на работе. То дни рождения, то праздники!

— Да! — веско говорит зять.

— Даже он подтверждает, — качает головкой блондинка.

Она уже сторбилась и пригорюнилась, как Аленушка на знаменитой конфетной коробке:

— Даже он меня пожалел, твою мать...

— Тебя? — завопила Татьяна. — Посмотри на себя в зеркало! Кто ты есть...

И с ее губ сорвалось так долго витавшее в воздухе слово.

Но блондинка продолжала сидеть опустивши голову. Светлые кудри ее растрепались. Первая слезка, похожая на бриллиант, показалась на нежно-розовой щеке. Декольте оставалось бело-снежным.

Валера вдруг крепко положил ей на плечо свою пухлую руку.

— Не плачьте, мама, — сказал он. — Тяжелая ситуация, я понимаю. Живите у нас.

— Ты кто такой? — вызверилась красотка и сбросила с себя лапу зятя. — Вообще! Сидит тут! Дармоед в чужой квартире! Моя Танька на него пашет, а там он у входа сидит проверяет! Ваш пропуск! Ваш пропуск! Щеки отрастил, уже вообще на хомяка похож стал! Ленъ картошки с базара приволочь, одна я должна! Да катись отсюда! Я Татьяну устрою на омоложение, да мы в твою сторону не поглядим! Мне с ходу посулили вон машину «Ока»! С первой минуты. Я и не торговалась еще!

Татьяна посмотрела на красотку заинтересованно:

— Именно что. Вы, мама, в чем-то так правы, так правы! У него есть женщина, я знаю. Он загулял.

Валера завертел головой, покраснел, надулся:

— А сама на работе с кем пьешь? Позавчера?

— День рождения у шефа было, тебе сказано!

— Ну и у нас день рождения! Бухгалтера! Она выставила бутылку и торт! Что я, морду должен воротить? Меня жена дома ждет?

Тут Куколка обернулась лицом к камере и живо заговорила:

— Татьяна, да мы с тобой такого наворотим! Ты молодая, красивая, двадцать семь всего лет! Ничего, что ты жрешь как свинья все подряд, все это от недовольства собой и своей жизнью! Полюби себя, ты единственная в мире такая! Да тренинг, лифтинг, диета сделают чудо! Быстрое и эффективное похудение, потеря веса до десяти кг за десять дней! Похудеть навсегда! Стабилизация веса! Восстановление баланса в организме! Бросить курить, Татьяна! Бросить пить все подряд на этих ваших праздниках, которые бывают у вас на работе с частотой через раз! И ты после приходишь и все равно жрешь дома! И потом глазенки разлепить не можешь! И себя в зеркале не распознаешь! У тебя же чудесная белая кожа, у тебя хорошие серые глазки, только они спрятались! У тебя, если ухаживать, замечательные волосы! И маленькая нога при таком весе! И красивые белые руки! А какая грудь? Восьмой номер! Это же богатство!

И тут она посмотрела в самый объектив (лицо получилось как в самоваре, нос выехал) и сказала четко:

— А все про все цена две бусины жемчуга, и начинаем новую жизнь.

Далее куколка вернулась в прежнее положение, и камера сфокусировалась на Татьяне.

Она слушала, опустив глаза. Видно было, что в ней борются какие-то смешанные чувства.

— Компьютерная диагностика! — радостным рекламным голосом вещала Куколка. — Диета по анализу крови методом французских врачей! Вы будете есть сколько хотите, но за исключением вредных для вас продуктов-аллергенов! Да! А не то что пришла с работы моя Татьяна, бухнулась в кресло всем своим центнером, взяла в зубы пиццу с колбасой, открыла банку джина с тоником, да и врубила видак с новым фильмом ужасов! Нет! Широкий спектр препаратов, специальные личностные схемы, индивидуальный подход и методики, массаж, арома и игло-терапия! Ежедневные консультации с врачом — и все это дорого, комфортно, эффективно! До пяти кг жира за один сеанс! Пересадка собственных волос с лобка на брови! Устранение второго подбородка глубокой скважиной! Эффект с первой процедуры! Великолепные ногти от призеров чемпионата мира в Межапарке! Ювелирный аппаратный педикюр, авторские работы! Тренинг по взаимному пирсингу! Центр среднекитайской молодости! Отель «Высокая Ель», шесть звезд! Совместно с телепрограммой «Чудо»!

— Да ну, реклама, — сказала Татьяна на экране.

Маленький Кузя подошел к отцу и погладил его по руке. Куколка кинулась, мигом взгромоздила Кузю себе на колени, поцеловала в кудряшки на затылке:

— Кузяка моя!

Ребенок обернулся и помахал ручкой в воздухе. Пальчики у него были длинные-длинные

и шевелились, как водоросли в воде... Из рта показались острые кривые зубы...

Все поплыло.

И возникли титры: «Сбой в программе. Извините».

Глава седьмая

ВТОРОЙ ФИЛЬМ БУДУЩЕГО

Да! Перед мысленным взором бабушки возникла ее кухня, ее старая стиральная машина, дешевый магазинчик и базар у метро, все места, где она вынуждена была мелькать изо дня в день. Спальня, где у внука была кровать, а у нее раскладное кресло. Дни и ночи, когда Кузя болел...

Бабушка, стоя под погасшим экраном, сказала Кузе:

— Я правда в молодости красotka была. Меня так и называли в авиационном институте — красotka МАИ. Волосы — кудри белые... Конечно, я красилась. Но все равно. Но закончить институт пришлось заочно, родилась Танечка, твоя мама... Какие уж тут конкурсы красоты... Моя мама заявила, пусть его ноги здесь не будет, тогда буду помогать. Он выпивал.

Градом полились слезы.

— А мой муж, твой дед, заявил: я у вас не раб, тяжести таскать. То шкаф, то овощи из магазина. И вообще я у тебя последнее место занимаю после кошки. И все, ушел. Выбрал свободу. И допился. Где он, не знаю, продал свою комнату. Мама моя с тех еще пор со мной еле разговаривает,

ты его защищала, говорит. И иди отсюда. У меня еще брат есть. Хороший человек, но слабый. Я тогда пошла от них с ребенком в общежитие, дали полкомнаты. Дворником работала. А потом только дали комнату, вот было счастье. И через пятнадцать лет квартиру. О-о, чтобы доучиться на заочном, Таню пришлось отдать в круглосуточные ясли... Вот и вся история моей жизни. Двое воюют, один горюет. Теперь моя мама со мной так и говорит, квартиру, говорит, не надеюсь, я завещаю Тимуру. Внуку от брата. Вот я и езжу по субботам бабушку Светлану купать. По субботам, да? Ты с мамой-папой сидишь.

Помнишь, прошлый раз они тебя в субботу в магазине потеряли? А баба Света считает, что это я к ней шастаю только ради квартиры. А твоя мама считает, что я развлекаюсь... Говорит, что же, нам с Валерой и по субботам не вздохнуть, ты вильнешь хвостом, а я как потный бобик...

Кузя слушал, уныло опустив голову. Он не любил домашних ссор, да кто их любит...

— Меня никто не выслушает, кроме тебя. Ты мой друг, да? Мой дружок, да?

Тут экран снова засветился.

«Красотка, дубль 2» — пронеслась какая-то дощечка и сгинула.

Куколка со своей прической опять выходит из белой, как сливочное мороженое, машины у шикарного места — светятся огни, что-то крутится, какие-то буквы складываются в слово «Метели»...

— Метелить, — читает бабушка Кузе.

Куколка поднимается по ступеням, замороженные красавчики со сломанными носами

и подслеповатыми, как у бультерьеров, глазками широко открывают двери...

Она входит как к себе домой... У столиков с каким-то прыгающим шариком сидят толстые дяди и худые тети, и многие тут как бы родственники мужа дворника.

Мужской народ поднимается и окружает куколку. Ей протягивают бокалы с шампанским...

(— От шампанского потом изжога, на Новый год всегда, — бормочет бабушка Кузе.)

— Нет, спасибо, у меня от него изжога, ой, что вы, — отнекивается куколка. — Каждый раз на Новый год!

(— Ну, — довольно замечает бабушка.)

— Я лучше водки, — говорит куколка.

(— На голодный желудок? — восклицает бабушка.)

— Но я хочу сначала есть! Не буду пить на голодный желудок! — капризничает куколка. — Жареной картошки с соленьким огурчиком и котлету!

(— Ой, нам бы, нам бы, — завидует бабушка.)

Затем куколка садится в чью-то длинную машину и едет... Какая-то почему-то баня... За столом сидят опять-таки как бы родственники Ахмеда... Все почему-то голые и поголовно толстые...

(— Ужас, — решительно говорит бабушка.)

Рожи, хари, морды... Куколка в халатике поднимает кружку с пивом и говорит, обращаясь в камеру:

— Да тренинг, лифтинг, диета сделают чудо! Быстрое и эффективное похудение, потеря веса за десять дней! Похудеть до восьми килограмм!

Фигура навсегда! Стабилизация веса! Восстановление баланса шлаков в организме! Вы можете курить и пить! Но без последствий! Наши экстрасенсы сторожат от неудачи в деле, от потери своего бизнеса... От дефолта...

Куколка набирает воздуху в легкие. Ее невнимательно слушают. Чья-то волосатая лапа оказывается на колене у Куколки. Она сбрасывает лапу и продолжает:

— Широкий спектр препаратов, специальные личностные схемы, индивидуальный подход и методики, массаж в четыре руки, тайский эомассаж, дети — цветы вашей жизни! Это даст вам успех в вашем бизнесе! Не бойтесь инфекций — ежедневные консультации с вашим врачом — и все это дорого, комфортно, эффективно! До пяти кг вашего жира за один сеанс! Кодирование на бессилие! Мускулы теннисиста за три недели, без беготни, по вечерам, совместимо с банными сеансами! Пересадка собственных волос с лобка на... лобок! (Тут она запнулась.) На брови! (Запись явно перематывают, и Куколка поправляет себя: «На кожу головы!») Устранение второго и третьего живота вплоть до седьмого! Эффект с первой процедуры! Удлинение ваших ног! Устранение кривизны ног — пересадка! Великолепные ноги от призеров чемпионата мира по методу академика Елизарьева в Гонолулу! Ювелирный аппаратный удлинитель широкого спектра, авторские работы! Ресницы, волосы, ногти, далее по списку! Тренинг по эмптингу! Центр среднекитайской молодости! Восстановление возможностей! Отель «Высокая Ель», шесть звезд! Совместно

с телепрограммой «Чудо»! И вся цена — две бусинки жемчуга!

Вдруг все поплыло, перекошилось, как будто у оператора упала из рук камера, потому что на экране открываются (явно пинком) двери бани и какие-то фигуры в масках начинают стрелять...

Опять надпись во весь экран: «ИЗВИНИТЕ ЗА НЕПОЛАДКИ». Все погасло.

Тут Кузя с бабушкой увидели, как из боковых дверей выпархивают давешние молодые красавицы, укутанные в меха и блестящий шелк, как они подходят к центральному входу и поднимаются по лестнице, и перед ними открывается вход, у входа стоит привратник в красном мундире и в шляпе треугольником, и все эти красотки входят туда, где свет, где сверкает золото и хрусталь люстр, где блещут вспышки фотографов...

Трубный голос объявил:

— Есть еще койкоместо на сеанс омоложения! Один шанс на миллион! Программа «Чудо»! Ждем вас! Катание на яхте по Средиземному морю! Гостиница «Иль джардино дель Таормина»! Ничего не бойтесь! Две бусины!

Но бабушка уже отступила на прежние позиции и сидела как мышь за пыльной елкой, прижимая внука к груди. Кот привалился сбоку.

Внезапно перед глазами залопотала белая бабочка, суюсь прямо в зрачки. Она как будто сошла с ума. Крылья ее, жесткие, как бы жестяные, норовили врезаться между ресниц.

Бабушка закричала:

— Это еще один опыт, убью я или нет живое существо! Но нет!

Мишка, как всегда при виде мухи или моли, стал подскакивать, но ему было неудобно: пришлось бы кидаться с когтями на хозяйку, мотылек плясал у самых ее глаз. Так что он прыгал вокруг.

А бабушка стала осторожно отмахиваться, стараясь отогнать безумную самоубийцу капустницу, не хотелось прихлопывать невинное существо, но пришлось поневоле даже крикнуть «кыш!».

Из-за чего у нее изо рта выскочила жемчужинка.

Молнией кинулась откуда-то взявшаяся бабочка. Как бритва, наперерез.

— Лови! — заорала бабушка, и внук протянул ладошку ковшиком.

Сияющая бусинка коснулась его руки и упала.

Тут же снизу сверкнул тонкий луч света.

Психованный мотылек исчез.

Бабушка стала вслепую шарить в пыли. После такого яркого луча света у нее в глазах все померкло.

Она опустилась на колени и поползла, загребая и шаря руками.

— Вот это да... Выплюнула. Ну как пришло, так ушло...

Поплутав и вся испачкавшись в пыли, она сказала:

— Ну ладно, Кузя. Иди ко мне.

Она села и подхватила Кузю с целью посадить его к себе на колени.

Ее руки обняли что-то холодное. Она закричала.

ПОБОИЩЕ

Тем временем бабушка Лена именно в этот момент возилась у себя на кухне, и никто не подозревал, что это не баба Лена, а Топор — который, как мы уже догадались, искал две жемчужины феи, и если бы он их нашел, он бы смог частично внедриться в обиталище враждебных сил, в Город Света, и навести наконец там порядок, новый порядок.

А сама фея Сирени в виде тонкого, слабого луча все еще летела со скоростью мысли в свою туманность, чтобы там через много тысяч световых лет поставить вопрос — почему меня не оставили на посту? Земля же погибнет! На нее идет черная грязь!

А колдун Топор, пребывая один во многих лицах, мог одновременно и порхать бабочкой, и возиться на кухне в образе бабы Лены, это было проще всего, чтобы изнутри узнать, куда она дела проклятые бусины.

А поскольку он был хотя и злой колдун, но неорганизованный, то связь сам с собой поддерживал нерегулярно, был малость разбросанный мужчина. И не всегда контролировал всю ситуацию целиком. То есть где-то он сам швиндилит в облике бабочки, а где-то на кухне, согнувшись в три погибели, роется в пакете с картошкой, и на нем халат и шлепанцы, а где-то он восседает, окруженный соратниками, и вещает перед телекамерой.

И информацию о том, что баба Лена выронила одну жемчужину, Топор еще не переслал сам себе.

Итак, бабушка-2 топталась на кухне, гремя кастрюлями. У нее был план перерыть всю квартиру и найти искомое с помощью самосознания бабушки-1.

Но в этот момент в мозгу настоящей бабы Лены всегда горела одна только мысль: с работы, с ночной смены, уже собирался вернуться хмурый и невыспавшийся Валера-зять.

Больше у нее никаких соображений на данном этапе никогда не возникало.

Он должен был ворваться в квартиру с криком:
— А че горит?

Обычно к этому мигу все у нее было готово.

Дело в том, что баба Лена, мирный человек, не хотела ни с кем ссориться и берегла как могла незадачливую свою дочь Татьяну и ее семейную жизнь (помня о предыдущей своей).

Так что баба Лена-2, почуяв, что зять уже прется с работы, мигом раскочегарила конфорку, поставила на огонь сковороду и плеснула туда масла, а потом стала чистить картошку, да так лихо, что кожура полетела по всей кухне (баба Лена-2 работала со скоростью электродвигателя).

— Сейчас все сделаем, — бормотала про себя она.

Попутно новая хозяйюшка налила воды в кастрюлю и закинула туда пачку макарон: пушай варятся. Но при этом забыла включить огонек под кастрюлей.

Масло почернело и задымилось, вся кухня была в ошметках кожуры, а попутно еще баба Лена задумала компот, но забыла, из чего его делают. В голове вертелось — «компот, компот», так как настоящая бабушка еще с вечера собра-

лась сварганить его на подольше, зять обожал компот из чернослива и изюмчика, а вот яблоки сушеные не жаловал.

Настоящая баба Лена, высокоорганизованный интеллект, имела всегда свой бизнес-план на каждое мероприятие.

Кроме того, существовал и порядок, что за чем должно происходить, то есть алгоритм домашнего хозяйства.

Правда, у нее этот алгоритм был уже наработан в совершенстве и шел, говоря научно, на автомате, и потому некоторые моменты происходили сами собой, без участия головного мозга (в котором и копошился в данное время Топор). В частности, многие мелочи — что картошку надо, перед тем как почистить, еще помыть и вытереть, что кожуру необходимо сбрасывать в мусорное ведро, а ведро стоит за дверцей и т. д. — все это не содержалось в теперешней голове Топора.

Но бизнес-план имелся: поджарить картошки, сварить суп, макароны и т. д. И что придет зять.

А вот необходимый алгоритм действий, повторяем, отсутствовал.

Покопавшись со скоростью пылесоса в ящиках (все взлетело в воздух), повариха ничего не обнаружила и перешла в корзинку для овощей. Там она надыбала моркови и, порезавши ее, шваркнула все это в громадную кастрюлю. Подумала и для скорости сунула туда же пальчик, и вода мигом закипела.

Горе было в том, что неопытная бабушка-2 морковку-то не помыла.

Но откуда-то в ней всплыло воспоминание о том, что компот должен быть сладким!

И она ото всей души насыпала туда из кулька сахара! Но при этом ошиблась и насобачила в компот соли.

У настоящей бабушки на пакетах не было ничего написано, она даже вслепую могла отличить, где у нее что лежит.

Но никакой новый хозяин не мог бы на ощупь в этом разобраться, а в столе, где все хранилось, разумеется, лампочек не было.

Стало быть, на третье у фальшивой бабы Лены был компот из хорошо просоленной, но грязной морковки, на второе у нее готовились, лежа в холодной воде, промокшие невареные макароны.

Что касается обеда, тот тут колдун задумался. В его мозгу высветилась справка: суп гороховый, котлеты с жареной картошкой. Пришлось, проклиная все на свете, искать у бабы Лены составляющие.

Мамаша кормила его в детстве одними подзатыльниками. На третье у нее постоянно была хорошая оплеуха. А вот супов она не выносила принципиально. И правда, какая надобность в супах может быть на глубине вонючих болот, которые и сами представляют из себя довольно густой и с крепким запахом суп.

Так что наш колдун Топор сызмальства не выносил никаких наваров, бульонов и вообще ничего жидкого. А тут — зятище идет. Голодный и злобный, невыспавшийся и с большими кулаками.

Фальшивая баба Лена видела его внутренним оком как на рентгене.

В животе у зятя болталась испорченная килька в томате (две съеденные на большой скорости консервные банки), а также медленно горели три пакета сухих чипсов с просроченной датой годности и несвежий литр пива, все из ближайшего ларька. Это он позавтракал, перед тем как покинуть свой служебный пост.

Поэтому во всем организме его назревало пищевое отравление.

Как правило, такие отравления он лечил плотным и сытным завтраком дома: суп, жареная картошка с тремя котлетами, компот. Это дело, подумав, полежав и покряхтев, он всегда жадно закусывал макаронами.

Кроме того, в башке у зятя в настоящее время сидела ясно читаемая мысль: поспать в тишине, и чтобы ни шороха! Сидеть!!!

Настоящая баба Лена свято чтит моменты возвращения зятя, и, поставив горяченькое на стол, она от греха, подхватив внука под мышку, бежала с ним в любую погоду в магазин. Там, отдышавшись, баба Лена покупала молоко и кефир, не торопясь, и возвращалась эта парочка домой, когда из спальни уже неся трудовой храп Валеры.

Тогда у них начиналась жизнь.

Просыпался отец семьи к вечеру и, плотно пообедав, садился к телевизору.

Через пять минут и оттуда неся храп.

Но ничего этого новая хозяйка не знала.

А вот слово «суп» в ней сидело. И «котлеты» тоже.

Проще было наколдовать.

И баба Лена-2 плюхнулась на пол (задев при этом миску с сырой картошкой, картофелины разлетелись) и задумалась. В такие моменты Топора лучше было не тревожить — он окутывался испарениями, в воздухе носился аромат тухлых яиц и так далее — все как на родной планете и все как учила его мамаша Зараза Ивановна. Он хотел выйти на связь с бабочкой-капустницей и почти уже видел свою преисподнюю с запахом старого вазелина, чистый ад, ни капли воды — как в этот самый миг стукнула дверь, и в дом вперся зять.

— Кто дома?

Фальшивая баба Лена, с трудом приходя в себя, пискнула:

— О! Какие люди и без охраны!

— Чем воняет, — грозно предупредил зять с порога, снимая ботинки.

Баба Лена вежливо сказала:

— Одну маленькую минутку!

И мысленно оглядела поле деятельности.

Зять ей помешал, и потому суп в кастрюле получился полуготовый, то есть горох еще не сварился, а вот лук распарился до состояния вареной тряпки. А котлеты застряли на фазе намоченного хлеба (сухую булку залить водой или молоком, добавить сырое яйцо, вымешать).

Кроме того, баба Лена-2 позабыла положить на сковороду сырую картошку, чтобы ее поджарить. Неопытность давала о себе знать! Да и класть уже было нечего — вся эта картошка валялась вокруг нее на полу и по столам.

Зять вломился в кухню, где плавал дым от горящего масла и курились сернистые болотные испарения.

Он обнаружил свою тещу в сидячем виде на полу.

Она присобрала с полу кучку чищенной, но грязной картошки.

Все кругом — вплоть до потолка — было украшено кудряшками картофельной кожуры, которые приклеились там и сям и свисали в виде подсыхающих длинных гирлянд.

Баба Лена-2 ведь чистила картошку как автомат, тонко и почти непрерывно.

На полу было сильно натоптано — ошметки земли от грязной картошки, на них насыпана соль и местами сухой горох, валялись отдельные макаронины и все еще довольно много сырых картофелин.

— Э, — сказал зять. — Это ты че? — Он принюхался. — Болеешь? А чем воняет? Яйцо разбила? Я не понял! (Он имел в виду запах серы.)

Баба Лена, все еще сидя на полу, подняла на него затуманившиеся глаза и сказала:

— Мы рады приветствовать новых гостей!

Она не знала, как говорить с этим посторонним мужчиной.

Руки у нее все еще выделяли летательные движения, бабочка-капустница давала себя знать. При этом баба Лена возила ногами по полу.

Валера негромко выругался, обогнул тещу, с ходу выключил чадящую сковороду, оглядел все безумным взором и собрался действовать, но тут до него донесся запах паленого и — здрасьте! — клубами повалил дым. Валера шарахнулся и побег в комнату, где в этот момент Кузя как раз поджег занавеску и стоял, размахивая спичками.

(Вспомним, что главной задачей Топора на Земле был полный тарарам, беспредел, кошмар и головотяпство.)

Валера отобрал у малыша спички, сорвал и затоптал занавески, а потом шлепнул сына пониже спины.

Парень обернулся, посмотрел на него снизу вверх и вдруг плюнул, да так ловко, что попал прямо в оба глаза. Было такое впечатление, что это какая-то кислота, а не детские слюнки.

Валера ахнул, стал тереть глаза кулаками, побежал на кухню сполоснуться и напоролся на все еще сидящую в позе йоги тещу с грузом сырой картошки в руках.

— О, какая встреча, секунду, — запела теща, что-то куда-то с силой шваркнула (картошку на сковородку?), и в воздух взметнулся фонтан кипящего масла.

Валеру сильно обожгло множеством искр.

Он вздрогнул, разлепил веки и остался стоять, не в силах вымолвить ни словечка. Кулаки у него от напряжения набрякли, зачесались и требовали применения.

А бабушка, оказывается, все еще продолжала что-то бросать на сковородку прямо с пола, где пребывала. И ловко попадала. Капли масла летели, горя и постреливая, и обжигали Валеру, который стоял нерушимо, как озаряемый огнем сталевар у доменной печи. Он просто онемел.

Бумс! Бряк! Пшик!

— Не хочешь компотику? — предложила теща.

Валера, которого еще мучили кильки в томате, стоя весь в слезах и моргая, машинально кивнул, как под гипнозом, взял большую кружку

и черпнул из кастрюли, где уже стоял готовый бабушкин горяченький компот, на вид темно-розовый.

Он махом выпил полкружки, и глаза его, от природы маленькие, да еще и зажмуренные, вдруг широко распахнулись и стали большими-пребольшими, как шарики от пинг-понга. Зять на этом сильно поперхнулся, закашлял и опрыснул соленым компотом сидящую все еще на полу бабу Лену, окруженную легкой вонью.

— Ты че, дурак? — мирно откликнулась она. — Слюнями прыскаться?

Зять разинул рот и рывкнул:

— Почему морковь (...) в компоте и (...) соленая? Почему (...) вода с (...) землей?

И он плеснул кипятком из кружки на голову бабу Лены.

— А пошел бы ты к шутам собачьим, — по-настоящему обиделась бабушка-2, и Валера вдруг поскользнулся, шлепнулся и куда-то делся, потеряв память.

Тем временем Кузя-2, лохматый и грязный, раскрашивал маминой губной помадой ее же паспорт и все документы, которые он достал из верхнего ящика шкафа, поставив скамеечку на стул.

Когда он раскрасил все в кроваво-красный цвет, он вспомнил, что у него есть фломастеры.

Кузя-2 мигом принес их, по дороге чиркнув спичкой и опять поднеся ее к занавеске, и, вернувшись, уселся в спальне и стал чертить в мамином паспорте еще и желтым, ядовито-зеленым и черным.

Потом он взял у мамы из косметички ее тоненькие ножницы и начал вырезать на вися-

щих в шкафу нарядах всякие узоры — полосочки и кружочки, что удавалось. Попутно он залезал во все карманы и прощупывал шовчики.

Затем он нашел ножницы побольше и принялся стричь, как парикмахер, мамину китайскую собачью шубу, которой она очень гордилась и которую с большим трудом купила.

После чего Кузя добрался до чемодана из искусственной кожи, стоящего на шкафу, опрокинул его на себя, продырявил теми же ножницами, все вывернул наружу и наконец достал оттуда тонкую пачку денег.

Кузя-2 разложил их по полу и стал вырезать из них картинки.

— Во! — сказал он, прибежав на кухню с кучкой картинок в руках. — Погляди, ба!

А «ба» еще не пришла в себя, она все сидела на полу, дыша туманами родной планеты. Башка ее чесалась от соленого кипятка, и она время от времени вытягивала губы в некоторый длинный, как у мухи, хоботок и дула себе на макушку.

Но в ее мозгу все еще была отпечатана программа действий настоящей бабы Лены.

— Ба-а! — дико, как сирена, заверещал Кузя-2.

«Ба» очнулась и мигом дала внуку хорошую затрещину, от которой рухнул бы дуб, но внучок даже не покачнулся. Затем она тоже заорала благим матом и кинулась в спальню. От всего увиденного она на секунду потеряла всякое соображение и рухнула в кресло. И тут же вскочила: из кресла торчала пружина, потому что внучок и в нем прорезал большую дыру и уже порылся во внутренностях обивки.

У него в головенке работала четкая поисковая программа: найти маленькие круглые белые штучки. Попутно все порушить.

Вдруг со стороны большой комнаты потянуло гарью: там уже всюю пылала занавеска на окне.

«Ба» бросилась туда на подгибающихся ногах, потом залетела в ванную, набрала в тазик воды, тут ей под ноги специально кинулся вредливый кот Мишка-2, и она растянулась со всего маху на пороге ванной и пролила весь тазик.

— Ура! — гаркнула баба Лена от неожиданности.

— Ура! — подхватил внук-2.

И Кузя с коробком спичек радостно загулял по всей квартире, нашел, перелопатил со скоростью вентилятора, а затем и поджег кипу старых газет, которые бабушка собирала за шкафом для следующего ремонта, чтобы застилать полы, и газеты сразу занялись.

«Ба», удивляясь сама себе (программа действовала), вскочила на ноги, прибежала, отобрала у него спички, опять дала ему хорошую затрепину (Кузя-2 нежно сказал «еще дай пинка»), выругалась и бросилась обратно в ванную, а по дороге словила вредного кота и кинула его на лестницу.

Там уже толпились соседи, которые, увернувшись от растопыренных когтей Мишки-2, яростно кинулись на помощь с ведрами, и через полчаса квартира была вся залита черной от сажи водой, даже без пожарных.

Но пожарные уже были вызваны и спустя полчаса появились в окнах, выбили стекла и стали заливать квартиру пеной.

То есть когда мама вернулась с работы, она застала картину, от которой любое сердце должно было разорваться...

Несло горелой дрянью, как на тлеющей по-мойке.

Бабушка лежала на диване, не в силах сказать ни словечка, сынок, весь черный, стоял на кухне и прилаживал на шее кота петлю, а кот сидел над сковородкой и доедал последнюю сырую котлету. Кастрюля лежала боком на плите, из нее веером высыпалась крупно нарезанная грязная морковка. На полу была лужа и какая-то каша из земли, мокрых топтанных макарон и той же морковки, валялось много сырой картошки вперемешку с осколками побитой посуды — видимо, Кузя долго перед этим ловил кота, пока не поймал и не посадил над сковородкой есть семейный обед.

Мама взвыла, как пожарная сирена.

Кот рванулся, петля на его шее затянулась, Кузя крепко держал второй конец веревки и вопил: — А че он наши котлеты съел!

Прежде всего мама отобрала у Кузи несчастного полузадохнувшегося кота. Кот при этом сильно порезал ей руки когтями. Затем она обвела глазами свой дом и пошла будить бабушку. Кузя же, находясь рядом, врал про то, что «ба» напилась и все деньги постригла и бумажки пораскрасила, все вещи в окно выкинула и т. д.

Папа уже давно должен был прийти с дежурства, поэтому мама пыталась навести хоть какой-то порядок. Слез у нее не было. Она моталась по квартире, шлепая по мокрому полу, как грязный призрак, пыталась как-то что-то помыть, что-то прибрать...

Вечером в квартиру позвонили, она безо всякого соображения открыла, вошли люди и сказали, что на нее подают в суд за пожар, что квартира внизу из-за них залита целиком, а наверху частично.

И что сейчас к ним переселяются жертвы протечки из квартиры внизу и квартиры наверху.

И тут же ввалился Ахмед с мокрыми узлами, с новой женой дворником Лидой и со старой разведенной женой, а также с семьей детьми от первого брака и одним ребенком дворника Лиды (который недавно вернулся из армии, обнаружил свою мать замужем и всюду ходил с топором, намекая, что боится, что его убьет Ахмед).

Он и сейчас, входя, заявил:

— Меня хотят убить, знаю кто!

И приоткрыл пиджак, показав заткнутый за ремень хороший топор.

Лида же была пьяна, как обычно, и хвастливо говорила:

— Четырнадцать тысяч! — и потом, помолчав: — Нижняя неделя! Участковый Михалыч!

За ними стояла семья с верхнего этажа, которая, увидев, кто заселился первым, не стала въезжать, а вернулась в свое полужалитое жилище, крича, что лучше вообще жить на улице, чем так.

Ахмед с первой женой и детьми сразу расположился во всех трех комнатах. Лида с ребенком заняла кухню и сказала, что никого туда не пустит, иначе вызовет «Михалыча»:

— Нижняя неделя, на хрен!

Что касается Кузи, то он носился по головам новых жильцов, нового мужа дворника и его

предыдущей семьи, вывалил на пол их узел с кастрюлями и сковородками и другой узел с тарелками (что-то массово кокнулось), прихватил сотовый телефончик и понесся, положил его в унитаз, и за Кузей кинулись все члены семьи Ахмеда, и много чего побилось из-за этого, а пока они вылавливали мобильник из воды, он помчался в ванную, налил полное ведро и, крича «пожар, пожар», начал щедро поливать вещи новоселов.

Силач, однако, оказался этот новый Кузя. Ахмедовы дети, вернувшись, застали его за тем, что он прыгал на их завернутом в шаль телевизоре, используя его как батут. Они глядели на него во все глаза, не в силах ничего сказать, потом прибежала их мама и встала как столб, а за ней явился и сам Ахмед с мокрыми по локоть руками (в кулаке был зажат мобильник) и стал громко икать, приговаривая:

— Зачем, любимый, слушай... Что делаешь... Совсем семью позоришь... Слазь... Взорвется... Зарежу!

Тут Кузя захихикал, сбегал на кухню и принес Ахмеду большой хлебный нож.

Но Ахмед закрыл глаза и покачал головой.

И все дети и их мать тоже отказались от оружия.

Почему-то они все потеряли способность возражать и бороться.

Мама Кузи сидела на полу, закрыв глаза. Бабушка Кузи так и лежала на диване, громко храпя.

Если бы программа Топора была полностью осуществлена, то семья Ахмеда бросилась бы в драку с ножом, и в следующие два часа оба

семейства должны были бы друг друга перебить и перерезать, затем к этому бы подключились родственники и друзья Ахмеда, с одной стороны, и простые крепкие горожане — с другой. Затем предполагалась ликвидация рынков, игорного бизнеса (взрывы, взрывы), затопление подземных переходов, пожар на всех бензоколонках, участие авиации и танков, бомбардировки, крестики на дверях квартир, сделанные мелом, и т. д.

Но бабушка почему-то лежала без задних ног, бормоча в бреду:

— ...компот. Взять килограмм спелых антоновских яблок. Почистить, порезать, отварить. Компот. Взять килограмм спелых антоновских яблок... — и т. д. по кругу.

А Кузя был занят тем, что прыгал из окна во двор на чужие автомашины (с четвертого этажа, заметьте). Внизу гомонила толпа. Первым треснул и прогнулся автомобиль Ахмеда. «Есть!» — заорала публика. Возвратившись на лифте, Кузя опять деловито прыгнул, целясь уже в новый объект, в «мерседес».

— Цирк приехал! — ликующе крикнул кто-то.

Все опять получилось, даже лучше прежнего.

Что же касается его мамы, то она ни о чем не думала.

Она только крестилась, закрыв глаза, и говорила:

— Господи, Господи.

Потом она встала, даже взяла брошенное ведро и понесла его в ванную и снова наполнила его водой, желая, видимо, помыть полы. Но тут подвернулся Кузя, который с криком «я помогу»

бросился ей под ноги, мама упала как подкошенная, ведро вылилось.

Кузя при этом взвизгнул и дико засмеялся, видя все это безобразие.

— Любимый, — слабо откликнулся на это Ахмед, — что опять маму обижаешь?

Печально члены семьи Ахмеда стали собирать разбросанные, помятые и мокрые вещи и понесли их вон...

Глава девятая

В КУЩАХ

Руки бабушки обняли что-то холодное.

Она закричала.

Это был битком набитый кожаный мешок.

Бабушка вскочила как громом пораженная.

Мешок упал на землю.

Она стала громко плакать и бегать, побежала даже к дому, хотя окна там уже не горели, и даже рванула на себя дверь, а что было делать, — когда у человека горе, он кидается за помощью к другим людям.

Так она и звала:

— Люди, люди! Что же это такое! Люди! Господи, помогите!

За дверью был лес. Никаких блондинок. Вернувшись к своему кусту, бабушка опять увидела мешок с песком. Она со злостью пихнула его ногой. Мешок сидел на земле, кургузый, неподвижный. На боку его осталась вмятина от удара.

— Кузя! Кузя! — завопила бабушка, рыдая. — Где ты? Что я твоей маме скажу, скажи! Она же

умрет! Она же любит тебя больше своей жизни! Она же меня убьет! Да я тоже покончу с собой еще раньше! Прыгну с балкона! Я тебя не уберегла! Я недосмотрела за тобой! Мой маленький! Нет! Что я?! Что? Где? Эй, вы там! Верните мне ребенка! Внесите приз в студию! Моего внука! Я ваша подопытная мышь! Где я, отзовитесь! Где я-аа!!! Дочка, если ты меня видишь на экране, позвони им, чтобы нас освободили! Верните Кузю! Дурацкий мешок!

Тут мешок, словно подумав, упал на бок. То есть, видимо, когда бабушка его стукнула, он начал падать, но очень медленно. И вот теперь он свалился окончательно.

Но было похоже на то, что мешок упал после этих слов.

Бабушка нагнулась, посмотрела на него и подняла, весом мешок был тяжелый, ровно такой же, как маленький Кузя. Только очень холодный.

Бабушка прижала к себе мешок. Она как сошла с ума. Стала его баюкать.

Потом она развязала его, посмотрела, что внутри. Там был серый песок.

Она тут же завязала мешок и стала его укачивать, говоря:

— Кузя, ты что, не плачь. Бабушка тебя не бросит. Даже пусть тебя превратят в мешок. Ты же мне обещал, что будешь со мной! Вот ты и со мной!

Тут бабушка подошла к декорациям и стала громко вещать:

— Дорогие зрители! Вы видите перед собой неудачный эксперимент, меня заманили сюда

на передачу, чтобы снимать в прямом эфире мою реакцию на то, что вокруг один искусственный лес из новогодних елок, ни еды ни воды, при этом у меня отняли ребенка! Украли! Сунули мне этот холодный кожаный мешок с песком! Может быть, они хотят подсматривать за мной, как я плачу? Снимать на видео, как я умираю от голода? Как я рою ямку в земле, чтобы набралась вода? Чтобы неделю подряд снимать страдания человека, у которого отняли внука? И медленную смерть?

Тут она перевела дух:

— Я понимаю, это сенсация! Съёмки в реальном времени! А? Все будут смотреть не отрываясь! Все купят эту запись! Ну спасите же нас! Это будет еще интереснее, я вас уверяю! Еще дороже будет стоить кассета! Помоги-и-те! Кара-уул! Этот мешок — то, что осталось от моего мальчика! Я понимаю, что вы смеетесь надо мной, как всегда люди смеются над дураком, который поймался на удочку! Над тем, кто упал, над тем, кто потерял штаны! Над тем, кого снимает сам себе режиссер! Но не смейтесь! С каждым из вас это может случиться. Доченька! Не бросай меня! Не смейтесь над моими слезами, вы! Вас могут так же убить, как моего Кузю!

Она пыталась согреть кожаный мешок с песком. Качала его, прижав к груди. Не плакала. Им жирно будет.

— Ну и ничего, Кузя, — сказала бабушка громко. — Мы с тобой прикорнем под кустом, утро вечера мудренее.

Она села на прежнее место и стала качать свою ношу, припевая «Баюшки-баю». Она как

бы временно сошла с ума и прекрасно это понимала.

Она качала кожаный мешок, клюя носом, как вдруг осветилась все та же декорация и у порога главного входа появилась тележка. Продавец заголосил:

— Быстрое питание! Горячие собаки! Котлеты в булке! Напитки!

Бабушка было подняла голову, крикнула: — Спасите! Убили ребенка!

Она вскочила и побежала на подгибающихся ногах к тележке.

Но оказалось, что он говорит с большого, стоящего на крылечке экрана.

Торгаш торжественно вещал:

— Да! Только в обмен! Принимаем драгоценные камни! Бриллианты, изумруды и жемчуг! Один камень — комплексный обед: бутылка пепси и гамбургер! Жемчужины складывать справа под тумблер!

Бабушка тут же вспомнила о второй жемчужине у себя за щекой, кивнула и сказала тоже как могла громко:

— Сама-то ты поешь, а вот как накормить кожаный мешок? Не будешь же его развязывать и лить туда воду и совать куски булки? Песок ведь быстро испортится, закиснет! Заведутся букашки... Дорогие телезрители! Вы меня понимаете! Мы даем отказ!

То есть все правильно: это идет передача.

И она вернулась к своему месту под пыльной елкой, решив голодать до последнего, вместе со своим несчастным кожаным мешком. Но откуда телевизионщики узнали, что у нее есть жемчужина?

Так что уж лучше голодать быстрее. Если не пить, то сколько может прожить человек? Вроде бы неделю? И если совсем будешь умирать, ведь освободят?

И она громко сказала кожаному мешку:

— Вот какие чудеса бывают на свете. Будем голодать. А моя дочь с мужем, они соберут соседей и друзей и разнесут это телевидение по клочкам! Чтобы нас спасти!

А продавец булок и котлет вдруг завопил, как будто бы его ужалили:

— Принимаем также к оплате пустые кожаные мешки! Пустые! Без песка!

— Как же, — сказала бабушка ядовито. — Иди отсюда! Без песка! В этом песке, может быть, одна надежда!

Потом она добавила:

— А откуда знаешь, что там песок? Вы поняли, дорогие телезрители?

Все вдруг опустело, вокруг стоял искусственный лес. Только пованивало расплавленной пластмассой, как на свалке.

А точно, тут свалка!

Вот где они оказались в результате. Ну что же, и у каждой свалки бывают берега, подумала бабушка, собралась с силами и пустилась напролом.

Прижимая к себе кожаный мешок и загоразживаясь локтями, бабушка в самых своих лучших одеждах пробиралась сквозь завалы искусственных елок.

Видимо, сюда их свозили многие годы. Праздники давно отгорели, отсветили, каждая из искусственных елок сослужила свою службу не один раз... Вокруг них сидели самые бедняки или

бездетные, старенькие, одинокие, которым не по карману было покупать живые елки... Самые неприхотливые, запасливые и скуповатые. Но все-таки и им хотелось веселья, пусть дешевого. Вон на взлохмаченных, почерневших ветках висят ошметки сверкающей мишуры.

— А моль эту белую еще увижу — прихлопну, — сказала, воюя одной рукой с пыльными ветками, бабушка. — Чего я ее жалела? Это же моль!

Мишка бежал у самых ног, как собака: почувля животное, что отставать нельзя.

В искусственном ельнике стемнело. Лес был бесконечным.

Бабушка не знала, что его придумал колдун Топор, а то, что придумано, не имеет ни конца ни края.

Через много времени бабушка, вся поцарапанная, сидела на прежнем месте на куче сваленных елок и говорила коту:

— Ты бы разведаль, куда идти. А то слоняешься без толку, Миша. А ребенка надо кормить, вон, смотри, проголодался (и она погладила мешок). И неизвестно чем и неизвестно как.

Кот, однако, вспрыгнул ей на колени, умогнулся рядом с мешком и стал топтаться.

— Тебе бы все погреться, Миша. А я так устала. Что делать будем? За нами идет наблюдение, и что?

Вдруг она закричала:

— Добрые люди, помогите! — Она спихнула кота с колен и встала. — Мы ведь тут пропадаем! Ребенка похитили, а это уже не шутки! Я с мешком таскаюсь, а в нем больше пуда! Не ели и не пили ничего! Так и помереть недолго! Интересно

будет смотреть, как мы постепенно станем подыхать, а? Они же специально сказали, что ничего с собой не брать! Мы и не взяли! И у меня ничего нету! Они, правда, предлагали гамбургер за драгоценные камни! А откуда у меня они? Ижумруды там, алмажи?

Тут бабушка запихнула жемчужину обратно за щеку и замолчала.

Может, они желали выяснить, есть ли у нее жемчуг. И ей специально предлагали такой обмен — гамбургер и воду за жемчужину.

Бабушке вдруг захотелось посмотреть, что за бусинка у нее осталась, как она выглядит, может, она волшебная вообще?

Баба Лена отвернулась, покатила ее во рту и, нагнувшись, аккуратно спровадила жемчужину в ладонь и быстро зажала кулак.

Однако жемчужина как-то выскользнула и упала.

Тут же, как бритва, сверкнула в полете белая бабочка, несясь наискосок мимо глаз.

А кот живо выставил лапку крючком, поймал бусинку, прыгнул в кучу елок и тут же уронил жемчужину. Сверкнул тонкий луч, направленный вверх.

— Куда? — завопила бабушка. — Мишка!

Но кот как-то ловко собрался в комок, дал свечу вверх, как за мухой, сиганул далеко в сторону — и пропал.

— Ай, ой!

Мотылек сгинул.

Бабушка бросилась в кучу елок, где пропал Мишка, стала его звать, вся исцарапалась со

своим мешком, продираясь сквозь пластмассовые заросли, — и никакого результата.

Тогда она села и стала тяжело думать.

Кот не пропал, он исчез, подбросив жемчужинку. Значит, она и вправду непростая. Недаром ее хотели выманить. Наверно, кот уже сидит дома.

Она опустилась на четвереньки и стала искать вокруг себя. Подползала под пыльные, пахнущие химией отрепья, под палки, шарила по земле...

Хорошо, что почва такая сыпучая — на ней все отпечатывается, как на свежем снегу.

Бабушка зашагала на четвереньках, ища Мишкины следы.

На всякий случай она обернулась и сказала в невидимую камеру:

— Дорогие зрители! Вам смешно? Я как верблюд с горбом? Наверно. Но знаете, я тоже еще посмеюсь! Когда выиграю главный приз! Надо двигаться, надо что-то делать, нельзя сидеть на месте! Это важно! Я всю жизнь двигаюсь и работаю, и хоть я ничего не заработала, но я верю!

Тут она запыхалась и присела.

— Я верю в то, что своим трудом можно добиться результата! Никогда не теряйтесь! Никогда не останавливайтесь! Не сидите как пни, подруги! Делайте что-нибудь! Можно...

Она подумала.

— Можно много чего! Раньше-то вон... Какие кружева из ниток плели! Вышивали шерстью! Вязали! Из лоскутов иконы лицевые шили! Да пирожки пекли и продавали! И всем помогали! Человек — это тот... ну... который живет для

других! И не надо ждать, никто спасибо не скажет! Такая жизнь для других сама по себе, и без спасибо, уже награда! Все домашние хозяйки, все матери и бабушки, работницы, которые живут без спасибо, всем привет и поклон! Среди попреков! Как герои!

Чтобы произнести эти слова, она даже встала, а потом поклонилась. Поклон удался легко. Бабушка сильно исхудала.

— Дайте мне вернуться! С моим Кузей увидеться! Я все поняла! Я вернусь, я горы сворочу! Даром времени не потеряю! Язык начну изучать какой-нибудь, вместе с внуком! В кружок пойду! Что это я пропадаю на домашнем уровне!

И опять она завопила:

— Все, финал, приз в студию!

Немного подождала, но ничего не произошло.

Посмотрела на небо. Дрянь какая висит, надо же.

Бабушка опустилась на четвереньки и вернулась к куче елок, куда прыгнул Мишка.

Разгробла пыльные, убогие палки с зелеными колючками. Заглянула вниз.

На этом месте лежал темный кожаный мешочек, крепко завязанный веревкой.

Бабушка завывала, присев на колени. Она взяла на руки еще и этот мешочек (килограмма в два с лишним) и обратила свое заплаканное лицо к каким-никаким небесам данного леса. Там, высоко, просматривались темные, криво прибитые доски, висели отрепья, палки, плохо натянутые провода...

— Дорогие телезрители! — опомнившись и вытерев лицо рукавом, заговорила бабушка. —

Вы видите, в какие условия меня поставили режиссеры. Прошу вас, откликнитесь и пришлите свои отзывы на это безобразие. Я есть перед вами человек, у которого отобрали все, но оставили его жить и носить непонятные мешки. Звоните и шлите все что можно. Татьяна! Идите с Валериком на прием в милицию с заявлением и простите меня, старую идиотку, что я вас не ценила и чего-то от вас требовала. Я все поняла! Чтобы меня освободили и, главное, вернули ребенка! Икота тоже! Ку-зя! — заорала она с визгом. — Где ты-ыы! Мишка! Ксс-ксс-кссс!

Звук ушел как в ватную подушку. Искусственный лес молчал.

Мало того. Когда бабушка по собственным следам вернулась на полянку к декорации, то, присев на прежнее место, в пыль и труху, она увидела, что стена дома медленно падает. Поднялся столб как бы дыма. Через небольшое время на месте дворца лежали в беспорядке поломанные и перекошенные куски толстого картона.

Глава десятая

НАШЕСТВИЕ

Вместо того чтобы испугаться, бабушка быстро подошла к куче стройматериалов и одной рукой (другой она придерживала оба мешка, висящие через плечо) стала сволакивать к себе под елку особенно большие обломки картонных стен.

Вскоре удалось, зацепив за ветку, установить стоймя, хоть и слегка кособоко, два кривых пря-

моугольника. Вниз бабушка постелила кусочки поменьше. Получился шалаш.

Затем она подумала и притащила еще один фрагмент бывшего дворца и прислонила его с третьей стороны. Выходил какой-то даже шатер.

Соорудив все это, бабушка осторожно заползла внутрь и, высунув руку, добыла и поставила стояком еще кусок, теперь уже снаружи.

В последний раз выглянув из шалаша, бабушка сказала в пространство:

— Рекламная пауза!

И на этом она окончательно закрылась куском картона, как дверью, в своем шалаше.

И там, положив свои драгоценные мешки, она легла на них головой, как пассажирка на вокзале, боящаяся кражи.

Пахло вонючим клеем и побелкой, но никакие камеры не могли уже наблюдать за ней.

«Вот интересно, — подумала бабушка, — теперь им нечего делать со мной. А я отсюда не собираюсь выходить. Вот пускай и подумают, что передавать в эфир».

И она закрыла глаза.

Ничего не происходило. Стояла полная, оглушительная, звенящая тишина. Только сильно урчало от голода в животе. Пересохло горло. Язык стал жестким и еле ворочался.

В закрытых глазах виляли какие-то круги и разнообразные квадраты, уплывая во тьму.

Бабушка погладила оба мешка и шепотом сказала:

— Все равно они нас должны вернуть, потому что им показывать-то нечего... Все, ребята... Доигрались. Надо только обождать и не торопиться. Тихо лежим. Мы спрятались.

На этом она заснула, и ей стал сниться какой-то огромный зал, полный народа. На сцене стоял космический корабль, готовый к старту. Вокруг корабля теснились накрытые столы. На них стояли вазы с фруктами, тарелки с едой, большие бутылки. Бабушка в чем-то блестящем спустилась к сцене из задних рядов, и ей все аплодировали. Похоже было, что ее провожают. Она шла, чувствуя большое смущение. Ей никогда в жизни не хлопали. Она добралась к подножию сцены, обернулась, зал поднялся в едином порыве, началась овация, засверкали вспышки фотоаппаратов.

Теперь надо было подняться на сцену, набрать побольше еды и воды, войти в аппарат и улететь.

То есть она даже подумала, что зачем ей ракета, надо нахватать всего с тарелок и все. По-есть и попить.

Но было неудобно совершать такие действия на глазах ликующей публики. Поэтому бабушка взяла и свернула вбок, к выходу, бормоча:

— Ешьте сами. Мне это не нужно. Куда это я одна поеду. Летите вы. А я не желаю.

И вдруг шум рукоплесканий стал замирать.

Обернувшись, бабушка увидела, что ракета на сцене как-то вспучилась, приняла форму яйца и даже по этому яйцу прошла глубокая трещина.

Люди в зале замерли.

Послышался треск, трещины зазмеились уже по всей ракете, и вместо ожидаемого гигантского птенца (или хотя бы крокодила) из скорлупы поползла густая черная грязь.

От ракеты понесло помоечной вонищей, запахло тухлыми яйцами.

Люди повскакали с мест, побежали наверх, закричали, завизжали.

Грязь уже залила всю сцену, упали столы с угощением и потонули, гуща вывалилась в зал и медленно стала подниматься по рядам.

В жирных потоках грязи извивались какие-то живые черные веревки...

Бабушка, сама того не замечая, оказалась по колени в холодной, густой болотной жиже и начала изо всех сил стараться выйти наверх, к людям.

Вдруг ее ноги оплела какая-то холодная, крепкая лента, задергалась, забилась, потянула вниз...

И тут бабушка увидела, что последним, среди испуганной толпы, могучий зять Валерик несет к выходу Кузю, раздвигая народ, а рядом, оглядываясь в ужасе, пытается не отстать дочь Таня.

— Валерик! Таня! Помогите! Ну что же это такое! — задыхаясь, закричала бабушка. — Руку хоть подайте! Тут змеи!

Она пыталась оторвать от себя черные плети.

Кузя там, наверху, обернулся и молча посмотрел сверху на бабушку, и вдруг он стал решительно рваться с отцовых плеч. Слабенький, а сползал все ниже. Он почему-то был очень хорошо виден бабушке — как будто его осветил прожектор. Волосики на голове встали дыбом и тоже сияли. Маленький был такой красивый, румяный, со сверкающими глазами, как будто он вдруг заболел. У детей так бывает.

Бабушка мгновенно завопила:

— Таня! Не пускай его! У него температура! Держи-и! Ладно-о! Пока! Уходите! Утонете сами!

Быстро! Они сейчас всю планету-у! Бегите отсюда-а! Берегите его! Кузю, слышите! Ушки, ушки ему береги, Таня! Не разводитесь! Валера! Не пей! Богом прошу! На дерево лезьте-е!

Ее тянуло вниз, еще одно живое выхлестнулось и опоясало ее, еле стоящую в грязи, подвижное, крепкое, дрожащее, как тугая веревка. И лезло к горлу. Грязь все поднималась, или это бабушка уже опускалась. Бабушка не смотрела вверх, не хотела знать, как уходят родные, пусть берегутся сами, пусть берегут Кузю. Она зажмурила глаза, чтобы не видеть, как вокруг плещутся живые кнуты, черные, скользкие, крепкие. Их было не оторвать. Какая-то была статуя такая же, два голых человека стягивали с себя прилепившихся змей, вспомнила она, только статуя была белая. Лаокоон, оплетенный змеями... Я вроде них, но уже почти черная. Очень громко и часто колотилось сердце. «Как прям перед казнью, — все еще упираясь, чтобы не упасть, думала бабушка, — щупальца, их не оторвать, прощайте, неужели все? Ничего в жизни не видала, одна радость, Кузенька. Радость моя! Счастье. Живи, родненький, и мама с папой твои. Без них тебе нельзя, дорогой мой. Без меня будет вам труднее. Ну ладно. Господи!» До нее еще доходил чей-то оглушительный визг:

— Баба! Баба! Баба Лена!

Она начала молиться, все еще стоя на ногах, потом ее сильно рвануло, подсекло, она упала на колени. Лицо уже было все в грязи. Что-то завозилось на горле мелкое, жгучее, как колючие волосинки, сильно укусило. Как будто ударило током, проникло внутрь шеи. «За что?» — вдруг обиделась она и попыталась встать.

Тут же ее зверски ухватило за косичку и поволокло куда-то.

Бабушка взвыла, стала высвобождать руки, растягивать эти плети, болтала ногами.

Вдруг она, как пробка, вылетела из грязи на воздух, и еще не открыла перемазанные, слипшиеся веки, как руки ее уже впились ногтями во что-то теплое, жилистое, что волокло ее. Бабушка вопила, сама не своя:

— Ах ты гад!

Ее поставили ногами на что-то твердое.

Густой, недовольный голос сказал:

— Мамаша, вы чо когти-то распускаете? Обалдели совсем, да?

Перед ней стоял Валера с грязными по локоть лапами, злобный и бледный.

Рядом находилась вся красная Танюшка, крепко держа Кузю двойным обхватом своих могучих рук. Кузя морщил нос, мордочка у него была заплаканная.

Наверху уже не было людей, все сбежали.

Вдруг раздался громкий бесстыжий пук.

Бабушка обернулась.

В грязи что-то как будто взорвалось, всплеснулись кривые, мокрые, черные плети, как вопросительные знаки, и все исчезло — зал, черное вонючее болото, родные...

Запыхавшись, вся в поту, бабушка проснулась. Звенело в голове. Ощупала свои ноги — тут. Надо же, что приснится!

— А все же их всех повидала, — сказала бабушка, адресуясь к мешкам. — Валера мужик хороший, хотя и по жизни мог бы много сделать, чем это, предъявите пропуск. Это их Кузя заста-

вил вернуться, наверно. Начал рваться ко мне. Соскочил с рук и побежал.

И тут она заплакала. Однако спать уже не решалась. Мало ли еще какая гадость приснится!

Просто так лежать уже не хотелось, даже назло телевизионщикам. Надо было действовать.

Она поднялась, взвалила на себя оба мешка и вылезла.

В спертom, несвежем воздухе что-то дополнительно пованивало.

На поляне, кое-как освещенное, стояло огромное яйцо. Причем безо всякой подставки.

— Батюшки светы! — охнула бабушка. — Это что же такое происходит!

У нее мгновенно ослабели колени.

Одна, в этом дурацком каком-то подвале, елки-палки. И эта будущая грязь!

Бабушка, однако, сосредоточилась, сказала себе «спокойно, спокойно!», села, стала крепче перевязывать мешки, то есть основательно соединила их веревочками, опять перевесила через плечо. Кузин мешок за спину, Мишкин на грудь. Встала, поправила их, встряхнулась.

Руки освободились.

И она начала таскать елки и сваливать их вокруг яйца. А что еще оставалось делать?

Работа есть работа, к ней бабушка была привычна, а уж убирать и наводить чистоту она умела как никто.

Все дальше приходилось ходить за елками, и все выше росла гора синтетической помойки вокруг яйца.

Разумеется, искусственный лес не кончался, работы было много, и это успокаивало бабушку.

— Мы вас изолируем, — бормотала она. — Ешьте пластик. Оплетайте. Авось подавитесь, гадюки.

Бабушка Лена до того дошла, что стала размахиваться, как метальщик копья, и посылала палки повыше.

Она уже не думала ни про какие съемки, не до того было. Ежели есть у человека работа, то он занят.

— Работа — это выход из любого положения, — вдруг сказала себе бабушка. — Самое жуткое — это ничего не делать. Человек от этого шалет. Поэтому и курят, и пьют, и все такое, чтобы заняться чем-нибудь хотя. Вот взять нашего Валеру. И на работе свободен, и дома как обалдуй. Про мой сон я ничего не говорю, зять оказался молодец. Спасти он может... когда захочет. (Тут она сосредоточилась, поправила мешки и зафиндилила елку на самый верх.) Вообще горы своротит. Ежели ему дело дать. А так он спит или сериалы смотрит. Пьет все что попало и курит. И все, что он взял от жизни. Помрет, кто про него хорошее слово скажет? Кому он помог в жизни? На даче у брата и то не допросишься крышу протекающую покрыть...

В этот момент что-то произошло, какое-то дуновение спертого воздуха.

— Баба, — сказал чей-то густой голос и прокашлялся. — Вообще, не понял юмора, это что за компот? Человек приходит после ночи, блин...

Она обернулась и покраснела. За ней стоял Валера собственной могучей персоной, и, может быть, он все слышал.

— Компот? — заботливо, как всякая теща, переспросила она и отправилась за следующей порцией искусственного хвороста. — Где компот? Ты что, Валера? С дуба упал?

Валера шел следом и гнул свое:

— Да? С дуба. Ну ничего себе! Ночь не спавши, у человека печет в горле, дают компот, он соленый и с землей, плавают морковки, хрен ее знает... это компот, да? Это компот? А этот вообще... Внук ваш... В глаза плюнулся... Как его воспитали, так он и харкает.

Глава одиннадцатая

ГОРОД СВЕТА

Кузя шел по какой-то дороге, рядом, мешая идти, увивался кот Миша. Путь пролегал среди полей, окрестности были как около дачи другой бабушки, вдали синел лес, пели птички, вспыхивали в воздухе стрекозы (Миша то и дело прыгал), а Кузя не мог понять, что происходит. Не то что он был испуган, но он как будто оцепенел.

Шел себе и шел.

Вроде солнышко, ветерок, а плакать хочется. Хочется позвать бабушку и хотя бы прижаться к ее юбке. Взять за ручку. Попроситься, чтобы его понесли, потому что устал. Вздохнуть наконец спокойно.

Вдруг, как облака, перед ним встали далекие шары, купола, возникли башни, сады, засверкали стеклянные грани домов, за клубились высокие фонтаны.

Веяли огромные флаги, доносилась веселая, смешная музыка, но очень тихо.

Там, вдали, вдруг проскакали лошади, на них сидели дамы, и их белые платья и большие шляпы развевались на ветру.

Город приближался, как будто Кузя прыгал большими прыжками, но он плелся еле-еле.

Город разворачивался перед ним все явственней.

Красавицы причесывали на башнях других красавиц, шляпы и шали, шлейфы, вуали пролетали как облака, минуя тихо идущего Кузю и его уставшего кота.

Вдруг они оказались на некоторой улице, и Кузя стеснялся спросить, как добраться до дома.

Вообще он уже один раз терялся в большом магазине и плакал при всех, было такое дело. И сам ужасно стеснялся, что плачет, и не мог с собой ничего поделать. Оказался вдруг один.

Поэтому сейчас он даже не глядел на прохожих, а смотрел себе под ноги. Только что была бабушка, какой-то темный лес, а теперь оказалась неизвестная местность, как будто Кузя заснул и пропустил самое главное — как он сюда забрался. Вот тебе и на, проснулся неизвестно где.

Светило солнце. Кузя то шел в тени больших деревьев, то выходил на свет. Хотелось есть.

— Какой кот! — сказал голос.

Кузя испугался и подобрал Мишу на руки.

— Это что за кот! — продолжал женский голос. — Чудо просто!

Чья-то рука стала гладить Мишу.

Кузя посмотрел наверх и увидел красавицу в воздушном платье.

— У нас таких и не видывали! — воскликнула тетя. — Тебя как зовут?

Кузя потупился и ответил:

— Его зовут Миша.

Кот вдруг возразил:

— Меня звать Мельхиор. А вас?

— Сирень.

— Что-то знакомое, — заметил кот Миша.

— И мне ваше имя нечто напоминает. Пойдемте ко мне в гости?

— Кузя, — тихо сказал Мельхиор, — я жутко хочу зрять. Пошли? Вдруг покормят?

Кузя, все так же не поднимая головы, поплелся вслед за сверкающим платьем.

В тот раз, когда он чуть не потерялся, его тоже окружили тети в магазине, спрашивая адрес, имя и фамилию, а он в ответ орал «ой-ёй-ёй», пока не прибежали папа с мамой.

Тут никто ничего такого не требовал, не спрашивал «где ты живешь, мальчик», хотя Кузя давно уже знал назубок свой адрес и даже сейчас потихоньку его повторял, частично вслух. Просто так:

— Дом тридцать четыре, квартира двадцать три.

Сирень быстро шла впереди, Кузя с Мишей на руках еле поспевал за ней.

Но уже началась какая-то тихая радость, как будто Кузя мог вот-вот увидеть бабушку, папу и маму, и вдруг там будет родной двор, а там, рядом с песочницей за столиком около качелей, окажутся все знакомые — дядя Юра и дядя Коля, которые всегда любили поговорить с Кузей, узнать у него, как дела и не хочет ли бабушка с ними отдохнуть малёк.

Почему бабушка все время и уводила Кузю гулять в сквер.

Но ничего такого не оказалось, когда Сирень ввела их в какие-то красивые кудрявые ворота, сплошь увитые розами.

В ее доме оказались деревянные, но как будто кружевные сквозные двери, а за ними был сад, потом опять цветы, колонны, башня, увитая листьями, потом солнечная поляна и замок: разноцветные стеклянные стены, мраморные ворота, фонтан в центре, заросли цветов как облака...

И тут пролетела розовая птичка (Мишка на руках насторожился, встопорщился, а птичка сказала: «Как раз!» и закачалась на ветке цветущего дерева, словно нарочно, очень близко), потом их посадили за стол (Миша сел на отдельное сиденье, довольно высокое, как для маленьких, и со специальным лоточком).

Вдруг Миша сказал:

— Я не люблю цветы. Я их не ем.

— А вы попробуйте, Мельхиор, — засмеялась Сирень.

Кузе дали на тарелке тоже какие-то цветы. Он сидел, опустив голову, и боялся взглянуть на хозяйку.

— Ешь, ребенок, тебе надо набраться сил, — прозвучал вдруг нежный голосок.

На тарелке танцевала маленькая девочка. Еще новости!

Девочка взяла в руки цветок, белый и блестящий, и поднесла прямо ко рту Кузи.

— Ам, — сказала вдруг она крикливым голосом бабушки. От неожиданности Кузя открыл

рот, а когда закрыл, то пришлось что-то жевать, сладкое и вкусное. Мороженое, вот что! Но не ледяное, а прохладное.

У Мельхиора на лоточке тоже работал какой-то малюсенький мальчик, и Мельхиор принимал от него на вилке полные охапки мелких цветочков, жевал и облизывался.

— Ну как тебе жареное мясо? — поинтересовался Мельхиор у Кузи.

Кузя постеснялся ответить, что у него мороженое:

— Ничего.

— Как баба Лена приготовила, — заметил Мельхиор. — Как дома.

Они так долго ели, причем мороженое у Кузи все время было разного вкуса, в конце даже с шоколадками, мелкими орешками и чем-то воздушным и хрустящим.

— Вкусно? — спросил Мельхиор. — Волшебная жареная рыбка!

— Да.

— Мм. А курочка! — сладко пропел Мельхиор, принимая последние цветочки. — Я в упоении!

После обеда над Мишкой заплясали две розовые птички со словами «ну Мельхиор, ну пойдем» и стали манить на диван.

Мельхиор вздыбился было при виде птичек, закрутил хвостом, но потом быстро смягчился, сказал «күда это вы меня», потом сказал, как бы оправдываясь: «совершенно неохота жрать» и оказался на низком, мягком диване. Там он потоптался, выделявая круги, и вдруг заговорил:

— Баба Лена, вы прелесть. Спасибо за обед. Разрешите улечься к вам на ручки.

Что-то ему все время не то казалось. То рыбка, то баба Лена.

Что касается Кузи, то он от этого так затосковал по бабушке, что чуть не заплакал.

— Кузя, — сказала Сирень, — посмотри.

Он заснул мгновенно и что-то во сне видел, то войны и сражения, а то голод, тьму, казни, когда людей прибывали к столбам с перекладной и оставляли под палящим солнцем, потом он видел, как львы валят и грызут женщин, детей и стариков в каких-то специальных цирках, на глазах у радостно кричащей толпы, видел шеренги худых мальчиков, босых и в тряпье, идущих колоннами, видел несущиеся высокие наводнения, в которых мелькали кричащие головы и отчаянно бьющие по волнам руки, видел землетрясения, когда целые города проваливались в пекло, а на земле горели неугасимые пожары, при этом он все время спасал кого-то и его спасали, выручали, протягивали ему руку. Он видел горящих на кострах девушек, пролетал над полями, затянутыми пеленой отравляющего газа, и солдаты в окопах сваливались, надсадно кашляя, плюясь кровью... Он видел, как забавлялись, пыхтя, краснорожие смеющиеся мужики, как они распарывали штыками животы, заливали в чужие глотки кислоту, рубили штыками детей, видел, как голые люди толпами смотрели в потолок, откуда шел ядовитый газ, и как они падали и рвали ногтями рты, задыхаясь, и сидели прямо на глазах, все — молодые и старые. А эти седые волосы состригали потом у мертвых такие же истощенные людишки в полосатых, истрепанных одеждах и набивали ими матрацы... Он видел такие же тени

в кандалах на обледенелых просторах, они рубили деревья или возили тачки с мерзлой землей, где содержался уран, и этих работников, уже мертвых, складывали штабелями до лета, с номерками на ногах... Потом он увидел огромные, как грозовые облака, грибообразные взрывы, людей, которые обращались в тени на камне... Видел больных малышей, они складывали из бумаги журавликов, прежде чем умереть... Видел валящиеся, разорванные у вершины высочайшие дома, видел горящие в самолетах тела, кого-то, кто махал белым листом бумаги из окна на шестнадцатом этаже, надеясь на спасение, а потом прыгнул и летел до самой земли... Видел женщин, худых как скелеты, прижимающих к себе таких же истощенных детей. Видел человека, который, согнувшись под тяжестью наваленного на него мусора в недрах машины-пресса, говорил со своей матерью по телефону, пока его совсем не раздавило... Помощь не пришла, он не знал, где эта машина, а Кузя не успел, хотя мчался на вертолете. Он видел, как рождаются дети, как умирают, как болеют и как тяжело работают люди, как они танцуют и веселятся как ни в чем не бывало, беседуют за длинными столами, заставленными посудой, как они болтают по телефону, убивают по телефону ради денег, как мучают привязанных детей и снимают это на пленку, а потом смотрят и хохочут... Он видел, как курят, как жуют и глотают, всасывают, запускают в себя иглами медленно действующие яды, как торгуют ими, богатеют на этом и что происходит потом с их собственными потомками. Он видел убивающих себя девочек, которые летели

с крыши пятиэтажного дома, взявшись за руки... Опять не успел, хотел их подхватить у самой земли, но промахнулся. Он видел, как молятся, оставив обувь на улице, покрыв голову, открыв голову, лежа распростершись, стоя, сидя, плача, в одиночестве, в толпе на площади под окном одного святого человека, или прислонившись к стене, или вокруг огромного черного камня... И потом, обвязав себя взрывчаткой, идут на смерть, молоденькие, почти дети... А их родители смотрят вслед, кивая и не смея плакать.

Потом он проснулся на диване, рядом с тихо дышащим Мишкой, обнял его, почесал за ушком (Мишка басом сказал «еще и чуть левее»). Вскочил.

— Господи, нам уже пора, — сказал он.

Кот Миша открыл глаза и важно сообщил: — Я многое понял, простите.

Он, видимо, адресовался к двум розовым птичкам, которые сидели прямо над ним, на расстоянии полулапы. Птички покивали, и одна ответила:

— Бывает.

— Я вернусь, — нежно пропела Сирень, — через некоторое время. Ты меня дождешься. Все, пока.

Миша важно протянул ей лапку, спрятав свои крючки. Попрощались.

Потом Сирень хотела погладить Кузю по голове, но Кузя, хмурый, стоял так печально, так одиноко, что Сирень сдержалась.

Затем Кузя взял Мишу на ручки, и они пошли вон из города, как пришли, пешком по улице.

Мимо проплывали огромные, какие-то прозрачные дома со сверкающими куполами, а вокруг них нежно пахли сады, белые и розовые. Счастье расплывалось в воздухе, сердце у Кузи подпрыгивало от радости, Мишка же произносил длинный монолог о том, что каждое живое существо нуждается в защите и хватит убивать-то, дураки.

Глава двенадцатая

ВАЛЕРА В БОРЬБЕ

— Оглянись, Валера, — сказала баба Лена, влоча три елки. — Где ты находишься.

Валера наконец пришел в себя.

— Нне понял! — вымолвил он, с трудом покрутив головой. — В больнице? Или что?

Баба Лена искусственно засмеялась:

— Нет, это вас приветствует телепрограмма «Чудо»! Такая как бы передача по телевидению. Нас снимают. Скрытой камерой. Как мы, земляне, можем очистить помещение. И с какой скоростью.

Она надеялась, что Валера примется ей помогать. Но не тут-то было. Помогал он только посторонним, причем бабам со своей работы. Вешал полки. Приходил домой угостившись.

— Телевидение? — глупо сказал Валера и стал обтряхиваться. — Я упал же!

— Как упал? С дуба? — спросила баба Лена.

— Как упал? Это ты меня послала, а я на твоём компоте подсклизнулся! — как можно тише

объяснил Валера. — Со всей силы ёкнулся! А я тебя только спросил, почему с землей и соленый, компот. И пролил маленько, плеснул, типа того... Ты меня послала, а я ногой так... В лужу попал, типа. Упал, очнулся — я в «скорой помощи». Спрашиваю, куда меня везут, отвечают, на рентген. Выгрузили и уехали, елки. Вместо рентгена ты сидишь.

— Во-первых, я не варила никакого компота. Я только бульон успела. А за мной приехали без пятнадцати десять! И сюда привезли! Ты же пришел как всегда в полдвенадцатого с работы. Хотя заканчиваешь в девять.

— Так пока смену сдашь... — привычно возразил Валера. — А ты же компот сварила... Из моркови... Но по вкусу как морская вода, у! Морковь варила нечищеную... В земле всю... Ты-то мне сказала «не хочешь компотику», я и махнул кружку... Соленой грязи твоей.

— Я что, с ума бы сошла?

— Не понимаю, — сказал зять. — Я пришел... В доме все кверху дном. Везде кожура с потолка свисает... Ты на полу сидишь пьяная... Гарью пахнет. Кузя занавеску поджигает... Прямо не знаю. Я у него спички отобрал, он в меня плюнулся...

— Это была не я. Валера! Когда это я пила? Совсем на своей работе глаза залил! Ваш пропуск!

— Ты! Ты это была!

— Кузя, причем, никогда бы в тебя не плюнул, ты что! Он мальчик хороший! Не в отца пошел! И он бы ни за что не поджег занавеску! Это тебе привиделось, Валера! С пьяных глаз и не то может померещиться! Надо, надо тебе закодиро-

ваться. У Таньки на работе директор закодировался, а уважаемый человек, не чета другим, которые только могут что пропуска проверить.

— Дура, — привычно отвечал Валера.

— Вот ты себя показываешь во всей своей красоте, ай-яй-яй! — значительно сказала баба Лена. — Уймись, Валерий! Нас снимают, — без усилия кидая очередную елку, важно произнесла она, — нас смотрит вся страна и мир. У нас задание — очистить это помещение, собрать в кучку.

— С какого это переполоха снимают? — вылупившись, произнес Валера.

— Ти-ше! За нами видеонаблюдение. Носи елки.

— Сама носи! — приглушенно завопил Валера. — Я же упал! «Скорую» вызвали! Я же больной, елки!

— На голову? То есть... у тебя сотрясение, что ли?

Валера подумал:

— Не помню. Упал, очнулся... До гипса даже не довели.

— Ну помогай потихонечку, а то неудобно перед народом.

Валера понуро поддержал елку, которую неслла баба Лена, за тонкую верхушку.

Как всегда, все его действия вызвали у бабы Лены гнев. Но, как всегда, она постаралась сдержаться.

— Ты что, вообще, Валерочка, — без выражения сказала она. — Народ смотрит. Твои с работы... Вы же все время телевизор не выключаете там у себя. Круглые сутки ведь. Твои глядят и смеются.

Тут он побагровел (видимо, представил, как над ним потешаются сменщики и начальство, собравшись вокруг экрана):

— А я что, нанимался вкалывать на лесоповале?

— Как бы, Валера. Это все искусственное. Легкое. Пластик. Носи, помогай.

И она на всякий случай добавила:

— Нас освободят, если мы все это соберем в единую кучу.

Тут Валера совершил неожиданное: он отошел в сторону и лег со словами:

— Я после ночи же.

Лег прямо на пыльную, горелую какую-то труху. И закрыл глазки.

Баба Лена возмутилась:

— Да? А я потом с тебя все снимай да стирай? Нет уж. Ляжешь на картонку. Идем.

Он с трудом поднялся, глаза его слипались. Больной, что ли?

Баба Лена отвела его к тому месту, где оставила свой полусложенный шалаш, указала, где подстилка, запустила туда зятя и загородила листами картона. Очень быстро из-за тонких стенок понесся залиvistый храп. Баба Лена почувствовала себя при деле.

Было о ком заботиться.

Таская елки, она вдруг подумала: интересно, почему Валера не заметил этого гигантского белого яйца? Баба Лена его не закрыла еще и на одну треть.

Что-то тут не то.

Она продолжала, как муравей, носить и складывать, таскать и кидать повыше. Яйцо пока еще не трескалось. Видимо, не созрело.

А вообще, что же это такое происходит? Ни дня ни ночи, ни входа ни выхода, ни темно ни светло... Зятя тоже привезли и сгрузили, но про телевидение ни словечка не пикнули, только про больницу.

Заманили! А что здесь? Вот и вопрос. Если сюда прибыла эта ракета... Причем она не трескается, а чего-то ждет... Может, она еще куда-то направлена?

Вдруг раздалось какое-то глухое рывканье. Оношло из шалаша. Валере, видимо, что-то привиделось. Вот опять он как бы густо чихнул. Затем слышались слова:

— Не пускай его, Тань, держи! Ну как держи? Так и держи! Дай мне! Куда!!! Утонет ведь! Он ее не потянет! (Пауза.) Я ее вытащу, сынок, не мешай. Так! Да не кричи ты под руку! Я кому сказал, Тань! Держи его! Лен Петровна! О. Воротника нету! Придется за косу...

Тут шалаш рухнул, и из обломков показалась бритая голова Валеры.

— Лен Петровна, вы? Живая?

— Что приснилось, что ли, Валера?

Он очумело заморгал, воззрился куда-то над головой бабы Лены и сказал:

— Яйцо!

— Ну вот что поделать.

И она вдруг нашла гениальное решение: побабьи пустила слезу и села прямо наземь:

— Что делать, Валера! Без тебя не знаю куда и податься! Они же все грязью покроют! Как атомный реактор! А нам отсюда все равно не выбраться, это конец! Это у них ад! Чистилище такое! Смотри, вся земля горелая! Нас сюда зама-

нили, а на свете нас уже нет! Я не варила никакого компота! Это была не я и Кузя был не он! Кузи-то нет! Вот что!

И баба Лена вдруг зарыдала. Вот этого Валера не ожидал от своей закаленной, как сталь, кислотоупорной и ядовитой тещи.

Горячие капли потекли у нее по щекам. Она чувствовала, что пыль и зола мешаются у нее на щеках с потоками слез. Она вытирала их, и руки стали черно-полосатыми.

— Так, — грозно сказал зять.

— Что делать, что делать, — ничего не видя, хлюпала баба Лена.

Тут зять встал (она почувствовала, что почва задрожала) и пошел, гулко топая, к ракете.

Баба Лена разлепила веки, и вот что она увидела: Валера сунул руку в карман и что-то достал, потом как-то дернул кулаком. Ага, запалил зажигалку.

Затем Валера поднес руку к елке.

Завоняло жутко. Пополз дымок. Валера еще и еще подносил зажигалку к торчащим палкам.

Видимо, все же внутри там содержалось что-то деревянное, потому что загорелось наконец.

— Валера, одобряю! — завопила теща, кашляя. Из глаз у нее полились уже другие слезы — от химической гари. — Пусть мы сгорим, но это не пропустим на землю!

Густые волны дыма поплыли над почвой. Валера плясал около ракеты.

— Тащи еще! — заорал он.

Теща помчалась, тряся мешками, и стала хватать елки и бегать с ними к костру. Зять включился в работу. Этот могучий мужик тас-

кал такие огромные охапки, что яйцо вскоре все было окружено дымом и пламенем, потемнело, закоптилось.

Начала тлеть и почва под ногами. Поползли язычки синих огоньков.

Зять с тещей носились среди этого ада, подваливая в костер все больше палок.

Внезапно яйцо дало змеистую трещину.

В костер вывалилась грязь. Заплясали, взвиваясь запятыми, черные веревки. Что-то заныло, как ветер.

Грязь шла безостановочно. В центре огонь уже погасал. Яйцо работало как огнетушитель, заливая огонь черной змеистой пеной.

Баба Лена со своей охапкой елок остановилась, попросила у зятя зажигалку, полила свою вязанку бензином, подожгла ее у края и смело сунулась к самому яйцу, бросила поближе к скорлупе.

Тут же ее ногу оплели, судорожно извиваясь, два присоска.

Баба Лена рухнула в горячую грязь.

— Валера! — тонко завопила она. — Уходи-и! Спасайся! Они без тебя не выживу-ут!

Но тут крепкая ручища схватила ее за косичку и поволокла наружу с криком:

— Сколько раз говорено! Не лезть не в свое дело!

Что-то взорвалось с неприличным звуком, невыносимо завоняло, и на горячих волнах этого взрыва оба участника событий полетели вверх, в могучую черную промоину, мимо железных балок, жженных тряпок, дымящихся конструкций, затем каких-то освещенных пещер (мелькало как

в метро). Валера летел впереди, а теща с мешками позади, почти у него на плечах.

Они очнулись там же, откуда отправились, — в собственной квартире.

Что касается событий в их собственном доме, то там колдун Топор погулял не на шутку, разделившись, как мы уже знаем, на бабушку-2, Кузю-2 и кота Мишу-2.

Зятя Валерия это не коснулось, а все бедствия легли на плечи бедной толстухи Татьяны, которая очнулась у себя в разгромленном жилище от какой-то очень громкой музыки. Гремели барабаны в основном.

Пахло паленым, мокрым, каленым, гнилым, тухлым и кислым — как на лениво дымящейся свалке.

Не было занавесок, пол был залит какой-то мало разведенной сажой, со стен свисали клячья мокрых обоев, потолок мерно истекал черными каплями.

Татьяна поднялась со стоном и крикнула:
— Ма!

Голос у нее был какой-то дикий, она и сама себе подивилась. Просто рев какой-то:

— Ма!!!

В ответ шевеление и короткое мычание.

— Ну ма!!! Че это все, а? Че стряслось, а?

Татьяна зывала к матери, потому что считала, что именно мать во всем виновата, напилась пьяная и все подожгла.

Пора было ее судить судом совести с позиций невинного, честного, все потерявшего человека.

— Убить тебя мало, паскуда, — звенящим от слез голосом постановила Татьяна. — Кузя! Ты где? Ох, голова моя.

— Что те, — возник в дверях ее здоровенький, грязненький, хулиганистый пацан.

— Ты что наделал, а? Ты зачем все порезал, мать твою? А? — завопила Татьяна, вытрясая из шкафа свое погубленное имущество — платья, юбки, свитера, колготки и, на закуску, полулысу шубу. — Где все отцовы доллары, а?

— Мать твою, — откликнулся боевитый парень. — Молчи, сука! Я на тебя обиделся, все! Я с тобой, блин, не разговариваю! Все!

— А ремня не хочешь? — выкрикнула Татьяна. Она была потрясена. Ее тихий, разумный, задумчивый мальчишечка, нежно любящий всех, тихий, безобидный, — вдруг стал оторвой, причем за одно утро!

Вползла мамаша. Грязная, какая-то хитроватая, с прищуренными глазками, красным носом и черными ногтями. На голове у нее красовались сальные лохмы.

— Ты че наезжаешь на пацана, — спросила мать и выругалась последними словами. — Я его в обиду не дам. Иди отсюда, это моя квартира, ясно! Иди к своему хрену позорному. А меня не волнует, — завопила она, видя, что Татьяна хочет возразить, — что вы ее сдали! Снимайте другую, мне это по семечку! Вы мне не платите ни хрена! Мне юбку не на что купить! Ему костюм, ему свитер! Вот пусть он больше сюда не суется, Валерка твой. Посмел плеснуть в меня компотом! — горделиво произнесла она. — Я ему кто, кули? Хозяин какой, ваш пропуск! Ты тоже, вообще. Расползлась как квашня, никто на тебя и взглянуть не захочет, вот ты перед ним и пляшешь. Ублажаешь. А у него таких, как ты, пол-

ный офис. Секретутки и уборщицы. Денег в дом не дает! Ни зарплату, ни за свою квартиру! Все на твои денежки живем с хлеба на квас! Якобы Валерка копит на машину! Да он купит машину и поминай как звали, сядет кому-то еще на шею. Ты зарабатывай, зарабатывай. Гнись на службе. Одна такая нашлась.

То, что говорила ей ее мать, Татьяна не раз и сама себе говорила, но все оставалось как оно есть. Мать ее жалела, и они часто вместе, без слов, сидели вечерами пили чай, и мама иногда гладила ее по голове.

Однако сейчас Татьяна готова была эту мать убить.

— Вот так, да? — загудела она, пробираясь на кухню. — Я вот сейчас тебя поглажу... утюгом по башке. Сидишь на моей шее! Вот огребешь у меня...

Неожиданно мать встретила ее на пороге кухни со сковородой в одной руке и с ножом для рубки мяса в другой.

Татьяна в панике обернулась — на пороге стояла еще одна мать, такая же поганая, и показывала грязный кукиш, и вертела им, произнося нехорошие слова.

Кузя сидел на кровати и резал подушку ножичком, а другой Кузя в это время поливал у ее ног пол маслом из бутылки.

Два кота драли когтями ковер.

Татьяна взвыла и бросилась вон с криком: «Врача! Врача! В дурку меня положите! На помощь!»

Но по дороге она поскользнулась на пролитом масле и со всего маху грянулась головой об пол.

Тут же пришли люди, подняли ее, положили на носилки и отвезли в больницу. Там она быстро поправилась, ее навещали и мама, и Валера с сыном, никто ни о чем ее не спрашивал, а сама она временно потеряла дар речи.

А потом ее выписали, но родные что-то говорили, что сегодня все идут на концерт и надо идти и так далее.

Там был театр, Татьяна немного стеснялась своего вида, что слишком толстая и платье дешевое (мать сшила из каких-то уцененных отрепьев ей и себе).

Вдруг, прямо перед началом концерта, мать зачем-то встала, вышла из ряда и потопала вниз, на сцену.

— Че она? — спросила Татьяна мужа.

Он пожал плечами. Кузя сказал:

— Бабушку сейчас будут награждать! За безупречное служение!

Выговорил все правильно, надо же!

— Видишь, — сказала Татьяна мужу, — какая у нас мама?

— Да уж, — усмехнулся Валера.

— Не то что твоя! Вообще не обращает! На Кузю совсем!

Валера только рукой махнул.

Когда бабушка добралась до сцены, вдруг открылся занавес, и все увидели стоящую за занавесом ракету. Рядом были накрыты богатые столы.

— Ракета?

— Ее будут отправлять на другую планету, — сказал каким-то взрослым голосом Кузя. — Но там такое время, что она уедет туда на сто лет,

а вернется к нам прямо сейчас. Но она проживет лишних сто лет для себя. Это награда для Золушек.

Татьяна ничего не поняла.

Потом вдруг ракета осела, расползлась в талии, стала похожа на яйцо, треснула, оттуда покатились волны грязи.

Все повскакали с мест, Валера схватил парня на закорки и двинулся через толпу, но снизу тут раздался жуткий крик мамы:

— Валерик! Таня! Руку хоть подайте!

Они обернулись и увидели маму, стоящую внизу в грязи по колени, оплетенную какими-то черными лентами или (они шевелились) бесконечными змеями.

Вот одна лента вздыбилась, сделала петлю и стала дрожать у лица мамы, упруго примериваясь то одним боком, то другим, как живая.

Валерик шагнул уходить, но в этот момент завертелся на его плечах Кузя, завизжал «баба, баба!», стал ползти вниз и сполз как-то, и бросился вниз к бабушке, где вскипала черная грязь, полная змей.

— Мама, я иду! — закричала на бегу Татьяна, спускаясь, а мужу гневно сказала: — Лови Кузю, раз ничего больше не можешь!

— Тещу не выдам, хватай Кузю, — отвечал Валера, бросаясь вниз как русская ракета, как хоккеист на ледяном поле.

Татьяна догнала маленького Кузю, схватила его и потащила наверх, а Валера в это время выловил из грязи бабушку.

А тут и ракета взорвалась и все исчезло. Долго Татьяна отмывала в театральном туалете свою маму.

Валера исчез за дверью рядом. Потом они воссоединились и пошли домой. Отперли дверь, а в квартире, в черной жиже на полу, вертелись, вздымались и опадали черные живые веревки...

Семейка оказалась на улице и пошла в скверик. Во дворе было неудобно сидеть в таком грязном виде.

Татьяна опять стала плакать и проситься в дурдом, крича, что ей все показалось, что на самом деле мир это сон и ей все снится.

— Не хочу просыпаться, — твердила она как в горячке. — Дайте мне укол.

Пока она так плакала, ее семья сидела рядом на скамейке, а потом настала ночь, и все растворилось во тьме.

Татьяна очнулась, лежа у себя в квартире на полу, потому что в дверь стучали и звонили.

Она с трудом встала, открыла дверь.

Там стояли запыленные, грязные, как бомжи со свалки, мама и Валера. Мама причем с двумя мешками наперевес.

У стоящих в дверях были усталые, какие-то чумовые лица и круглые от изумления глаза.

Татьяна сказала:

— Мам, ты почему?.. Ты там? Как ты чувствуешь?

Ей никто не ответил. Пришедшие осторожно заглядывали в квартиру.

В доме зияла пустота. Ветерок из открытых, полусгоревших окон гулял, шевеля лохмотья обоев.

— Что смотрите? — спросила Татьяна. — Змей уже нет, проходите.

Они переглянулись, кивнули и вошли.

— От это да, — загудел Валерий. — Погуляла без нас.

— Не я погуляла, — тихо возразила Татьяна.

— Как ты похудела! — закричала мама.

— А ты как! А Валера!

— Кузи нет дома? — осторожно спросила бабушка.

— Слава те, нету, — ответила Татьяна и заплакала. Бабушка поставила свои мешки на стол, единственное сухое место в доме, и сказала:

— Большой мешочек — это был Кузя.

Татьяна отвернулась и заплакала, затыкая себе рот рукой.

— А маленький? — из вежливости к больной старушке спросил Валера.

— Маленький — это был Мишка.

— Здорово. А они не разговаривают?

— Пока что нет, — ответила бабушка неуверенно.

— А что там внутри-то? — спросил опять зять. — Можно посмотреть?

— А песок. Песочек, — объяснила помертвевшая баба Лена. — И все.

Она тяжело опустилась на обгорелый диван. Зять взял в руки маленький мешок, развязал его своими могучими пальчищами, и вдруг в образовавшуюся горловину оттуда на волю вылезла усатая голова! И тут же стал выдираться сам Мишка (уши на всякий случай прижатые). Он выскочил и от радости начал делать плотные восьмерки вокруг ног бабушки! И обвивать ее хвостом! Не обращая внимания на мокрый пол.

— Вот, — заключил Валера самодовольно и стал развязывать следующий мешок.

Через две секунды они уже все обнимались, Кузя молчал, тыкался носом то в бабушку, то в маму, Татьяна плакала, а отец всех отодвинул и стал подбрасывать Кузю до грязного потолка.

Бабушка твердила:

— Ну-ну, ну-ну, ну хватит...

А сама шмыгала носом.

Шесть рук, ведра и тряпки, пакет побелки для потолка и обои на стены...

Потом все пировали в чистой квартире, было много гостей, бабушка сделала тазик холодца и тазик винегрета. Люди натащили всякого добра.

— Мы бедные, — объяснял всем захмелевший зять, почему-то очень добрый. — У нас нет ни-че-го! Принимаем в дар любое. На тебе небоже, чего нам негоже.

Потом народ пел любимые «То не вечер» и «Ой, мороз», печальные песни, но очень громко и радостно.

Кузя молчал, не путался под ногами, он сидел и смотрел по принесенному кем-то телевизору новости, все подряд.

Что-то он там кивал, шептал, показывал на экран пальцем, как все маленькие дети, а потом уходил и рисовал войну, взрывы или солнце, цветы и домик ниже цветов и один раз сказал бабушке, когда взрослые уже прощались в прихожей:

— Ты не умрешь.

— А как же, — закивала усталая бабушка. — А как же. Вот вырастешь, изобретешь лекарство от смерти.

— Да, — ответил он. — Приблизительно так.

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕЛЕНА ПРЕРАСНОА

Как известно, раз в тысячелетие рождается Прекрасная Елена, и в ту ночь, когда она должна была выйти из морской пены на берег, в данной приморской местности на одном из прилавков появилось зеркальце с некоторым свойством: кто отразится в нем, того перестанут замечать.

Зеркальце приготовил местный волшебник, пьяница и хвастун, который много думал ночами о судьбах мира, читал старые газеты и книги, паял, точил, клеил, смотрел на звезды и точно рассчитал время появления Елены Прекрасной.

Сам волшебник женщин не любил (так же как и мужчин), он уважал только слабых стариков, старушек и больных детей, несмотря на их капризы и скверные характеры, и вот о них-то он и заботился, соорудая волшебное зеркальце для Елены Прекрасной: как известно, если идет война, то прежде всего гибнут именно старики и дети.

А с появлением Елены Прекрасной, это тоже широко известно, каждый раз начинались долгие и жестокие войны, не говоря уже о неприятностях типа исчезновения целых народов.

И волшебник, потратив целый год, выточил из хрусталя сверкающее зеркальце, покрыл его

с одной стороны жидким серебром — и не посмотрелся в него сам ни разу, а отразил (без спросу) в этом зеркале один памятник в центре города, и о памятнике забыли в тот же момент.

Он исчез, никуда не исчезнув.

Его просто перестали замечать.

Правда, утром, на трезвую голову, волшебник кое-что еще подклеил, подпилит и напоследок капнул из черной бутылочки на зеркальную поверхность.

Это было дополнительное свойство — если зеркальце разбить, то предмет снова становится заметным.

В глубине души волшебник был добрым, но его так раздражало человечество, что он иногда на всю улицу орал, топал ногами и махал руками — последний раз это произошло, когда у бедной дурочки сторел домик.

Прибежавшие на пожар соседи вытащили дурочку из пламени, поскольку она твердо решила не расставаться со своим диваном.

А пока одни соседи воевали с огнем, другие втихаря на огорожке собрали урожай с яблонь и слив (все равно испечется в пламени) и поперетаскали корзинки к себе в клетки, клуни, хламовницы и чуланчики.

Причем волшебник никак не помог бедной дурочке.

Волшебник — не благотворительная организация и не Красный Крест, чтобы немедленно приходить на помощь.

Он не занимается мелочами.

Пусть эти люди сами себя отпевают, считал он.

Дурочка тоже была не слабого десятка и неоднократно колотила свою старую тетку, живущую напротив, и никто не вмешивался.

И вот погорелая дурочка весь день, голодная, просидела на траве около своего обугленного домишки, а к вечеру одна добрая женщина опомнилась и позвала ее поесть, а на ночь дурочка постучалась в дом своей старой тетушки, которая не забыла, что ее неоднократно колотили и ругали в прежние дни, так что тетушка боялась племянницу как огня в свои восемьдесят пять лет и старалась держать дверь на запоре.

Но тут тетушка открыла дверь и впустила к себе глуповатую племянницу со словами «иди в баню», баня у тетки была просторная и с печкой.

Правда и то, что и сама тетушка в молодости поворовывала кур, а та добрая женщина, которая покормила дурочку в ночь после пожара, весьма жестоко обращалась со своей старшей сестрой и рассказывала о ней по соседям всякие жуткие истории: и не моет посуду, и барыня, и грязнуха и т. д.

Но это мы вам открываем тайны, никому не ведомые, а вот о краже в день пожара стало известно всем, и именно благодаря тому, что волшебник бушевал в пивной насчет преступления и наказания, что яблоки и сливы кое-кому встанут поперек горла!

И ему в ответ кивали головами две его постоянные подруги, пожилые и накрашенные, у которых тоже много чего накопилось на душе против народонаселения (а у народонаселения, особенно у женщин, против них).

Но волшебник уважал своих подруг, как и большинство мужиков.

Кого человек уважает, с тем он и проводит время, справедливо считали две пожилые подруги волшебника.

Результат крика в пивной был такой, что уже с утра в дом тетушки пошел гуськом народ со старыми кофтами, шелковыми бабушкиными платьями и зимними пальто без меховых воротников, все это были щедрые дары для погорелицы от добрых соседей.

И это то, что касается нравов данного приморского городишки.

А теперь вернемся к Елене Прекрасной.

Итак, волшебник нашел противоядие от ее красоты, а вот как эта великолепная, но до мозга костей глупая новорожденная женщина набредет на зеркальце — был вопрос профессиональной техники колдуна.

Прекрасная Елена должна была купить зеркальце на базаре, а уж чтобы женщину не потянуло бы на базар — такого быть не может.

Тут волшебник все рассчитал правильно.

* * *

И вот настала ночь рождения из пены.

Начало было самое обыкновенное, то есть Елена Прекрасная вышла из морской волны в чем мать родила, но мало ли ночных купальщиц в приморском городе, которые любят плавать при свете звезд без ничего!

Волшебник даже не вышел ее встречать, он опасался влияния чудовищной красоты Елены, боялся потерять способность колдовать и не хотел бросать насиженное место и бежать за красавицей куда глаза глядят — а именно такая

судьба была уготована всем лицам мужского пола, причем войны начинались оттого, что задние ряды напирали на передние, эти передние ряды оглядывались, чтобы дать кому-то по зубам, задние отвечали не задумываясь и т. д.

Елена Прекрасная, таким образом, родилась незамеченной из морской пены, затем набрела на кучку оставленных кем-то вещей, медленно вытерлась чужим полотенцем, надела чужой халат и тапочки, взяла чужую сумку и отправилась в город, нимало не заботясь о судьбе той дамы, которая выскочила из морской же пены пять минут спустя и не нашла на берегу ничего, кроме мокрого полотенца.

Заметим, что такова уж судьба и линия поведения прекрасных женщин — не думать о последствиях.

И к тому же — что спрашивать с существа, которому исполняется пять минут!

Единственное, что было у пенорожденной (такое второе имя Елены П.) в избытке, так это любопытство и стремление учиться у других женщин, отбирая себе самое лучшее, по ее мнению.

Но других женщин в том темном переулке, по которому шла Елена вверх от моря, ей попалось немного, одна пожилая бабушка, видимо кошачья пастушка (она сидела у дома на стуле в окружении своего стада), и одна немолодая дама под единственным в округе фонарем.

Кошачья пастушиха окинула Елену Прекрасную пронизательным взором и сказала: «О, смерть идет», а кошки, все как одна елены прекрасные своего племени, спокойно вылизывались, сидели или лежали, кошки бы были образ-

цом поведения для Елены П., но она не обратила на них внимания, а пошла к фонарю, под которым обреталась Женщина, только что доставшая из сумочки зеркальце и жирный черный карандаш.

Елена Прекрасная впервые увидела перед собой Женщину (кошачья бабка не в счет).

Женщина на глазах у Елены стала тщательно рисовать себе черным карандашом брови в виде больших запятых хвостами врозь.

У Елены замерло от восторга сердце. Но это было еще не все.

Покончив с бровями, Женщина стала рисовать себе черным карандашом глаза, теперь уже в виде рыбок, тоже хвостами врозь.

Затем, положив карандаш в сумочку, Женщина (черные брови изменили ее внешность в сторону большей свирепости) — итак, Женщина достала помаду и испещрила свои выпяченные губы густыми мазками красного цвета туда-сюда, а потом сделала ртом «ум», и помада хорошо распределилась по всему рту.

Покончив с этим, неизвестная красotka еще навела поверх покраски лукообразные красные линии — сверху и понизу ротового отверстия, и у нее губ стало впятеро больше, как ловко отметил один писатель в одном романе.

Сделав так, Женщина посмотрела на себя в зеркальце и удовлетворенно сказала:

— Восстановление лица по черепу!

После чего нарисовала на щеках два красных яблока, посмотрела на себя снова и спрятала инструмент в сумочку.

Надо ли говорить, что Елена Прекрасная, полураскрыв свой алый ротик, с восторгом наблю-

дала за незнакомкой, которая показалась ей чудом красоты: черные брови, низко лежащие над черными глазами, плюс красные огромнейшие губы и в них один золотой зуб (остальные тоже были желтые, но не сверкали).

И когда Елена Пр. увидела, как незнакомка закуривает папиросу, вставив ее с левой стороны золотого зуба, тут дело было сделано.

Пенорожденная поняла, какой ей надо быть.

* * *

Она подошла к неизвестной красавице, стоящей под фонарем, и услышала ее отчетливые слова:

— Шарь отсюда, пока по ведру не стукнули.

— Алле? — переспросила Прекрасная Елена.

— Але, гараж, — ответила красавица.

Елена Прекрасная смутилась и замолчала.

Женщина под фонарем горько сказала:

— Тебя кто сюда втюрил, такую жвачку? Твоя мать меня моложе.

Елена Прекрасная смотрела на Женщину в изумлении. Та усмехнулась:

— Че, глаз выпал? Иди, не белейся тут.

И она добавила еще несколько длинных непонятных фраз, закончив их так:

— Это я здесь дежурю.

Елена Прекрасная пошла дальше, немного сбитая с толку, но избегая фонарей, под каждым из которых кто-то «белелся», по выражению Незнакомки.

Но, тем не менее, она на ощупь проверила содержание своей сумочки и нашла там карандаш, губную помаду и кошелек с небольшим количе-

ством денег (все это взяла с собой та купальщица ночью на пляж, только зеркальца не прихватила, ночью все равно ничего не видать).

И Елена Прекрасная, хоть и была глупа как пробка, но поняла, что тут не хватает еще одной вещи, в которую надо смотреться.

Она вертела в руках помаду и карандаш, и желание стать красавицей, такой же как та неизвестная под фонарем, кружило ей голову.

Еще она страстно хотела вставить себе золотой зуб.

Надо сказать, что немногочисленные прохожие не особенно обращали внимание на Елену Прекрасную благодаря ее банному наряду, лишь некий миллиардер, приехавший на отдых в эту морскую местность в полном одиночестве, т. е. без подруг, только с охраной, — вот он-то как раз и обратил внимание на девчонку в халате и домашних тапочках, которая, сидя на рассвете под деревом, рылась в сумочке и считала на ладони две бумажки.

Она один раз подняла голову, рассеянно посмотрела вверх, и тут же вся округа осветилась ослепительным золотым блеском, но это чудо длилось недолго, девчонка опустила голову, видимо сосчитав, сколько будет один да один.

Миллиардер, молодой человек спортивной наружности, кинулся вниз один, без охраны, но свои же ребята его затормозили, связались по радио с шофером и т. д., и когда он вышел на улицу в сопровождении свиты, девчонка исчезла.

Только в воздухе что-то сверкало и искрило. И пахло как после грозы.

А Елена П. шла по улице, ища что-нибудь, во что можно посмотреться.

Луж не было, а какие были, отливали нефтью.

Перед витриной или чужим окном краситься не будешь, неудобно.

Но, будучи женщиной до мозга костей, Прекрасная вскоре сделала некоторое наблюдение: все дамы города шли в одном направлении.

Поток этот густел, в него вливались ручейки из боковых проулков, Елена спешила вместе со всеми, и наконец перед ней открылась громадная торговая площадь.

О чудо!

Елена начала присматриваться, как себя ведут другие женщины, они шли, останавливались, спрашивали: «А почему это», рылись в кошельках, потели, нервничали, считали, отдавали деньги и получали свертки, пакеты, коробки, кастрюли, сумки, меряли тут же обувь и т. д.

Елена Прекрасная почувствовала себя прекрасно.

Зажав в руке кошелечек, она продвигалась в плотной толпе и наконец увидела зеркальце на прилавке и спросила каким-то необычным голосом:

— Алле! Почему это?

Продавец, смуглый человек, посмотрел рассеянно на Елену Прекрасную и вдруг покраснел, закашлялся, глаза у него остановились, и он сказал:

— Бери все что хочешь бесплатно, дорогая! Меня бери!

Тут же оглянулась продавщица, увидела Елену Прекрасную и багровый затылок продавца, и началась одна из тех мелких, но долгих семейных войн, которых так опасался местный волшебник.

Елена Пр. тут же убежала от этого прилавка, но дело было сделано: за ней мчался продавец, за продавцом его жена и теща, и все торгующие мужского пола покидали свои рабочие места и пристраивались к процессии.

Однако Елена Прекрасная не была бы подлинной женщиной, если бы не сжимала в руке зеркальце — она воспользовалась первым же предложением продавца (бери все что хочешь бесплатно, дорогая) и схватила сокровище с прилавка.

Она бежала впереди толпы, но тут всю обширную манифестацию задержал милиционер.

— Что происходит? — гаркнул он, хватаясь за оружие.

— Слушай, кобура! — запыхавшись, вопила жена продавца. — Воровка она, зеркало украла!

— Подарил ей, а не украла! — кричал в отчаянии продавец. — Подарил той, которая похитила мое сердце! Пусть ее глаза будут моим единственным сокровищем!

Но женщина уже вцепилась одной рукой в прекрасные волосы Елены Прекрасной, а другой рукой в зеркальце.

Мужчины кинулись на защиту невинности и красоты с воплем «наших баб бьют», но Елена Прекрасная сама времени не теряла, тут же взвизгнула и, как истинная женщина, укусила ту руку, которая вцепилась в зеркальце, а сумочкой шарахнула продавщицу по голове, и их связь распалась, но милиционер, разглядев Елену Прекрасную, побурел, как свекла в супе, и резко зашвистел, причем его дубинка машинально начала прыгать по головам собравшихся.

Народ слегка потеснился, образовавши круг, и остолбенело глядел на Елену Прекрасную.

И тут она, стоящая в золотом сиянии посреди рынка, румяная и кудрявая, сверкая глазами от обиды, подняла к глазам зеркальце, чтобы посмотреть, что с ней наделала продавщица, — и мгновенно свет погас, и все перестали обращать на Елену внимание.

Волшебное зеркальце сработало!

Елена оглянулась и увидела удаляющиеся спины.

Война была предотвращена.

И Прекрасная Елена смогла свободно уйти с места событий, и в скверике, на просторе, вооружившись черным карандашом и красной помадой, она приступила к «восстановлению лица по черепу», как это дело назвала ее первая из знакомых на Земле.

Елена накрасила брови двумя запятыми, затем глаза рыбками, затем рот сердечком, потом щеки яблочками.

Потом она поискала и нашла на земле золотую бумажку от шоколада.

Оторвав от нее кусочек, Елена Прекрасная обернула фольгой передний зуб и посмотрелась в зеркало.

Она все смотрелась в него, не в силах оторвать взгляда от своего прекрасного облика, и цыкала зубом, и делала губами «ум», и шептала: «Рой отсюда, жвачка, че белеешься».

Потом она нашла на земле окурок и, прищипив его своими красными губами, стала смотреться в зеркальце.

Наконец она встала и пошла по городу той звинченной походкой, которой прохаживалась ее первая знакомая под фонарем туда-сюда.

Но никто не замечал Елену Прекрасную!

То есть если бы не зеркальце, Елена Прекрасная вызвала бы в таком виде просто войну с осадой, налетами бомбардировщиков и шпионажем.

Ее бы самое держал в дальнем бункере главнокомандующий как свою радистку, и Елена Прекрасная прекрасно бы выглядела в защитного цвета юбочке, гимнастерочке, в пилотке и коротеньких сапожках!

И с этими черными бровями и румяными щеками!

Но зеркальце волшебника оставило данный регион на мирном положении, поскольку Елену так никто и не заметил.

Мало того, никто не обратил на нее внимания и тогда, когда она вошла в первый попавшийся магазин самообслуживания и взяла с полки булочку и бутылку воды.

Она вышла, спокойно жуя булочку, а потом разохотилась (все-таки Елена от рождения ничего не ела), зашла в ресторан, села за столик, и официант, не замечая ее, машинально накрыл на стол (может, для кого-то еще), принес еду, и Прекрасная Елена прекрасно пообедала, а потом встала и пошла, и ее никто не остановил.

Елена Прекрасная была немного разочарована этим открытием.

Конечно, быть причиной бесконечных скандалов, драк и шествий неприятно.

Не хочется, чтобы мужчины столбенели и кидались в бой с собственными женами за право подарить красотке какой-нибудь пустячок.

Невыносимо, когда эти жены вцепляются в волосы и царапаются ногтями.

Как правило, у таких невозможно прелестных красавиц один путь спасения — побыстрее спиться и потерять всю свою красоту, или пойти в артистки с тем же результатом.

* * *

Быть красавицей трудно.

Но и когда вообще не замечают — тоже противно.

И, задумавшись впервые в жизни, Елена Прекрасная, как все женщины, стала искать причину.

Первая причина была, что все мужчины дураки.

Не замечать такие брови, такие щеки! Золотой зуб!

Но потом, будучи наблюдательной, Елена Прекрасная стала именно наблюдать за женщинами.

И если по улице шла парочка, Елена Прекрасная смотрела не на мужчину, а как раз на даму.

В ресторане она не только во все глаза таращилась на девушек, но и подходила к ним вплотную и даже щупала материю на их платье (они этого не замечали, кстати).

В больших магазинах она буквально преследовала красивых женщин, забиралась к ним в примерочные и, сидя там в уголке, наблюдала процесс переодевания.

И через час сделала замечательный вывод: не все дамы так красятся, как та незнакомка от фонаря.

Почти все они так ходят и так курят, но накрашены и одеты они по-другому.

Не такие глубокие декольте, в которых аж живот видать, и юбки не такие короткие, чтобы руки не поднять (когда поднимается рука человека, автоматически поднимается и юбка человека, но некоторые именно этого и добиваются, думала пенорожденная, только чтобы обратили внимание).

И каблуки у женщины под фонарем были, видимо, слишком высокие, незнакомка на одной ноге держалась, а другая все время у нее подкашивалась. И золотые зубы Елена Прекрасная встретила только один раз, затесавшись в толпу цыганок, — и сразу после этого она вынула изо рта кусочек фольги.

Самообразование Елены П. шло полным ходом, и она уже пятижды посетила разные магазины и, никем не замеченная, оделась с головы до ног, а в парикмахерской она стерла с лица сажу и помаду и намазалась лучшими кремами без спросу.

Карандаш и помаду она выкинула, а вот зеркальце оставила, оно лежало в ее сумочке из белого крокодила.

Время от времени она смотрелась в него, видела свое симпатичное, чисто умытое личико — но ее не замечал никто.

Парочки гуляли, бегали, сидели за столиками, одинокие мужчины и женщины загадочно проходили мимо, никого не ища (все-таки курорт, духи, туманы, шляпы с перьями, упругие шелка, очарованные дали, тра-ля-ля!).

Кто никого не ищет, того все ищут, и наоборот: таково правило курортных городков.

А Елена Прекрасная, ничего этого не зная, к вечеру устала и пришла к тому дереву, под которым утром рано она, в тапочках и халатике, считала чужие деньги.

Ноги гудели, и Елена села под деревом в своем синем шелковом платье и в белой шляпке.

А на балкон напротив как раз вышел тот самый одинокий миллиардер и с тоской стал смотреть на Прекрасную Елену, то есть на то пустое место под деревом, где утром имело место ее божественное присутствие.

А она вдруг подумала, что он ее заметил, и страшно смутилась, порозовела, покрылась золотом с головы до ног, глаза ее нестерпимо сияли и посылали синие лучи на балкон.

Если бы миллиардер был одним из миллионов, которые желали бы положить свое сердце к ногам Прекрасной, она бы на него не обратила внимания.

Но он сейчас был единственным, кто заметил ее.

Поэтому (на безрыбье рак рыба) Елена Прекрасная села даже немного боком и в упор стала смотреть на первую слабенькую звезду над горами, чуть выше и левее незнакомца, а потом перевела взор на собственные босоножки (быстро) и так же мгновенно взглянула на сам объект, который в ответ на это зевнул, потер руками лицо и ушел вон.

Е. П. ничего не могла понять.

«Дурак», — с тоской подумала она.

Ее золотой свет погас.

«Вот пойти и поселиться в его дворце, — подумала она. — Надо же где-то жить».

Это, конечно, была у нее отговорка, она просто полюбила этого молодого человека, единственного, кто зевнул, глядя на нее в упор (другие краснели).

Сказано — сделано, и незаметная Елена прошла сквозь все преграды на пути к своему любимому — как теплый нож проходит сквозь масло: она миновала охрану, которая смотрела телевизор, поигрывая автоматами, миновала секретаря, который сидел за двадцатью телефонами и тоже смотрел телевизор, и затем вслед за лакеем, который привел с ужина собак, вошла через закодированную дверь в комнаты миллиардера — он тоже лежал и смотрел телевизор.

Елена легла рядом с ним на кровать, широкую, как теннисный корт, и тоже принялась смотреть телевизор — в первый раз в жизни она видела мексиканский сериал и к концу даже заплакала, так ей понравилось.

Миллиардер должен был ехать на ужин в казино, согласно курортному контракту, заключенному еще год назад (в жизни миллиардеров все расписано на несколько лет вперед), он был обязан проиграть там сто тысяч, получить в подарок утешительный приз, часы с компьютером, и подарить эти часы красотке из кабаре, а далее следовал танец с красоткой, ужин, который снимался телевизионной командой CNN International, и затем следовала ночь в клубе, и все это ему оплатили: само присутствие миллиардера было рекламным трюком, тоска зеленая.

Он уже не мог просто пойти куда-нибудь, просто подарить барышне цветов, просто искупаться в море.

Все немедленно снималось на пленку и падало в газеты и на TV.

Миллиардер собрался, и Елена Прекрасная побежала следом, села с ним в лимузин, где тоже работал телевизор, прибыла в казино, но тут все было нарушено, потому что, болея за миллиардера, Елена Прекрасная задержала рулетку именно там, где стояли его фишки.

Никто не заметил подлога, Елена Прекрасная оказалась умной девочкой и замедляла ход рулетки постепенно.

Далее, получив огромный выигрыш в сто тысяч, миллиардер не получил утешительного приза и ничего не подарил ожидавшей его солистке кабаре, сам растерялся и даже не пригласил ее на танец, однако заказанная музыка заиграла, и Елена Прекрасная очутилась в объятиях миллиардера, и он, как во сне, начал кружиться совершенно один, причем так мастерски изображал, что нежно прижимает к себе партнершу, что режиссер CNN был в восторге, и эта запись была потом показана по всем программам как образец пантомимы: миллиардер даже целовал руку воображаемой партнерше!

Все заработали на этом кучу денег.

Никто не ожидал от него таких актерских способностей!

Все, разумеется, в мире считали его издавна круглым идиотом, которому повезло найти какой-то способ быстро зарабатывать деньги.

Окружающие бешено аплодировали, миллиардер смущенно кланялся, думая, что сошел с ума: он только что прижимал к себе девушку,

такую нежную, прекрасную, неуловимую, пахнущую лучшими в мире духами...

(Разумеется, Елена Прекрасная взяла себе в магазине флакончик этих духов, ей понравился запах, только и всего, она же не знала, что это дело, один флакончик, стоит как дом на набережной...)

Миллиардер оглядывался с улыбкой на лице — кто-то подшутил над ним, наверно.

Все кругом тоже улыбались, а дальше миллиардер должен был вдвоем с артисткой кабаре ехать в ночной клуб, за это миллиардеру было заплачено агентами артистки, как и за съемки TV, и эта артистка, немолодая, после тридцати двух косметических операций, звезда кабаре, уже тронулась за миллиардером, но кто-то наступил на шлейф ее платья, и подол оторвался, артистка оглянулась на треск, увидела собственные трусики и зашла за занавеску ближайшего окна, как луна заходит за облако: только что была, и все, нету.

Миллиардер в полном одиночестве сошел в лимузин, но, когда дверца захлопнулась, у него опять закружилась голова — рядом с ним сидела Прекрасная (он уловил духи), и она тихо смеялась...

— Поехали домой, — сказала она.

Миллиардер не услышал ни голоса, ни смеха, он никого не нашел рядом с собой, сколько ни махал в воздухе руками, но внезапно лимузин развернулся и вместо ночного клуба отвез своего хозяина на квартиру, к одинокому телевизору и трем собакам, которые уже спали на его широкой, как теннисный корт, кровати, только на противоположном поле, в ауте.

Всю ночь миллиардеру снился дивный сон, Прекрасная сидела под деревом на берегу моря, а он стоял на коленях рядом с ней, они то ли плели венок, то ли играли в шашки, на ней был халатик и тапочки, ее спутанные кудри затеняли розовое лицо, и золотой свет струился вдоль ее нежных рук...

У миллиардера наступила странная депрессия, похожая на состояние тихого восторга, он забросил все свои дела, не являлся на пресс-конференции, не ездил на лошадах, не посещал гольф-клуб, его видели только в казино, где каждый вечер он выигрывал свои сто тысяч и отчаливал домой.

Елена Прекрасная ела с ним с одной тарелки, спала с ним в одной постели — только в другом углу, метрах в пяти от хозяина, вместе с собаками, которые, кстати, ее ужасно полюбили, и она выбегала с ними погулять, когда лакеи их выводили, и собаки прыгали и скакали от радости, а хозяин встречал их всех как после долгой разлуки.

Но долго так продолжаться не могло.

Елене Прекрасной такая жизнь нравилась — тепло, сытно, весело (каждый вечер мексиканский сериал), рядом любимый человек, но при этом никто не хватает руками, не краснеет как свекла, не пыхтит от страсти, не крадет, нет драк и побоищ, не начинаются войны.

А вот миллиардер сходил с ума, видел сны, в которых ему являлась все та же простенькая девушка в халатике и тапочках с двумя бумажками на ладони.

Он все мечтал ее найти, чтобы осыпать золотом, одеть в платье с жемчугами, водить всюду с собой, гордиться ею, и чтобы она родила ему детей, и они бы жили на острове и т. д.

Он плакал и томился.

А волшебник потирал руки в своей берлоге, еще немного — и миллиардер напишет завещание в пользу бедняков города и прыгнет с балкона к подножию того самого дерева, на которое он так любит смотреть вечерами.

* * *

Но нет такой женщины, которая, полюбив, не нашла бы выход из положения.

И однажды Е. П. дождалась ночи и отправилась к единственной знакомой женщине в этом городе, то есть посетила тот приморский проулок, в котором у фонаря ей впервые встретилась Женщина.

Она подошла к Женщине, которая топталась под фонарем туда-сюда, а ночной ветерок по-свистывал, начиналась осенняя пора

Женщина была одета в меховой драный жакет, и с перекрестка на нее злобно посматривала кошачья бабушка, которая подозревала в жакете несчастную судьбу десятка кошек.

Когда Елена Прекрасная встала под фонарем, озябшая Женщина сказала:

— Кто тут?

И сама себе ответила:

— Кто, кто, конь в пальто.

Потом помолчала и, зевнув, добавила:

— Раздался голос из помойки, когда в нее влетел кирпич.

Елена Прекрасная сказала:

— Алле! Здравствуйте!

Женщина вздрогнула и пробормотала:

— Эх, жись, только держись.

Из потемок вышла другая Женщина, тучная как гора, тоже в драном меховом жакетике, в короткой красной юбке и в высоких алых сапогах на босу ногу.

— Ты с кем тут?

Кошачья старушка внизу, на перекрестке, сердито колыхнулась на своем стуле и подобрала несколько кошек с тротуара себе на колени.

— А, сама с собой. Пойти, что ли, к колдуну, пусть он даст мне лекарства от старости. Или зеркальце, чтобы уйти из жизни. Жить, все видеть, но чтобы тебя никто не замечал. Он же орал, что сделал такое. Он хвастал, что вроде спас мир от войны. Только это зеркальце сейчас не у него, а у какой-то Лены, а ее не видно. Сам же сделал, сам ее найти не может! Кто в это зеркальце посмотрит, тот исчезает!

— И че хорошего? — сказала толстуха. — Это как умереть!

— Колдун с пьяных глаз говорил в пивной, что если разбить зеркальце, то можно вернуться в этот мир. Потому что Анюта его спросила, а как же так, навеки стать незаметной, кто на это пойдет! Это же трагедия! Он и ответил: не навеки.

Тут же раздался звон разбитого стекла, и во тьме под деревом возникла новая фигурка, закутанная в роскошный мужской банный халат.

Дико оглянувшись, две женщины завизжали.

— Кто тут? Пугаешь людей, мартышка, — успокоившись, сказала худая.

— Вот оно, это зеркало, — сказала Елена Прекрасная.

Тут же толстая подобрала с земли самый большой осколок, машинально поднесла его к лицу и исчезла.

Худая тогда кинулась к разбитому зеркальцу, сверкающему в свете фонаря, и быстро сказала: — И я, и я!

И она посмотрелась в маленький огрызок стекла и растаяла.

Елена Прекрасная подумала, подобрала с земли последний осколок и спрятала его в карман.

Утром миллиардер, как всегда, вышел из спальни на балкон, посмотрел под дерево и увидел там шумную толпу.

Трое свирепо дрались, остальные кричали, а в центре стояла та самая девочка с розовым лицом и золотыми кудрями и смотрела на него. Милиционер держал ее за руку.

Миллиардер свирепо сплюнул и убежал с балкона.

Только через пять минут ему удалось продраться сквозь кольцо своей охраны, но толпа уже лениво расходилась. «Скорая помощь» хлопотала над двумя ранеными.

Стоящие у края тротуара старушки говорили что-то о том, что «наши этих били».

— А где девушка тут стояла? — спросил миллиардер.

Старушки подозрительно на него посмотрели и отодвинулись.

Никакие поиски по тюрьмам и милициям ничего не дали.

Свидетели говорили, что была какая-то девочка, но потом то ли сбежала, то ли что.

Тогда миллиардер обзавелся веревочной лестницей, которую укрепил на своем балконе втайне от охраны.

Он ждал, что девушка появится еще раз.

Но осень плавно перетекла в дождливую, грязную зиму, а под деревом никто не появлялся.

Даже команда ТВ уехала вон с курорта.

— Ну что мне, повеситься, что ли? — отчаявшись, спросил однажды вслух миллиардер. — Я же не могу уехать, она где-то здесь, я чувствую! Слышишь? Я готов умереть, только бы тебя увидеть!

И вдруг он заметил, что кто-то пускает ему в лицо зайчик света.

Миллиардер понял, что некто невидимый подает ему сигнал с земли, из-под дерева.

Он сразу же бросил вниз лестницу и спустился с балкона без охраны.

В воздухе плавал узкий осколок зеркала.

Миллиардер взял его в руку и машинально посмотрелся в это кривое зеркальце.

Тут же он неслышно закричал, заметив свою девочку — она стояла рядом и улыбалась ему.

И больше никто не видел миллиардера.

Он исчез, не оставив завещания, а поскольку миллиардера не нашли ни живого ни мертвого, его капитал не достался никому, лежит себе в банке.

Следствие выяснило, что вся охрана была подкуплена телевизионщиками и не выпускала своего подопечного, не предупредив их, и телевидение зарабатывало огромные деньги на этих съемках.

Следствие обнаружило также спущенную с балкона веревочную лестницу — и шесть отпечатков домашних тапочек миллиардера, а далее след терялся.

И ничего подозрительного в городе больше не было.

Колдун, правда, как донесли полицейские осведомители, пил всю ночь в кафе один, никого не допуская за свой столик, хотя было два свободных стула — но, видно, с пьяных глаз он разговаривал с этими стульями и делал вид, что с кем-то чокается, и кого-то хвалил за платье от Шанель и сапоги от Версаче, за свежий вид и чудесные шляпки.

Так что миллиардер исчез, и, возможно, зеркальце лежит сейчас в кармане у Елены Прекрасной, чтобы в один прекрасный момент они с миллиардером могли бы вернуться в этот мир, однако что-то до сих пор никто не слышал ничего о них.

Возможно, они живут вдвоем где-нибудь в императорском дворце на острове, не видимые никому, путешествуют на самолетах, плавают на кораблях, счастливые, веселые, и никто не зарабатывает на них денег, не подкарауливает с камерой, никто их не похищает, не стреляет по ним, не устраивает из-за них войн...

И когда они тихо состарятся, то, может быть, разобьют зеркальце вдвоем и выйдут в мир — никому не известные, мирные старички, и поселятся в маленьком городке...

Но до этого еще далеко.

ИСТОРИЯ ЖИВОПИСЦА

Жил-был художник, но он был такой бедный, что не мог купить себе ни карандаша, ни бумаги, а про краски и кисти нечего и говорить. Он, конечно, пытался рисовать кирпичом на асфальте, но дворники и милиционеры не любили таких художеств и звали друг друга на помощь.

Наш бедняк мог бы также расписывать стены и заборы, однако каждая стена кому-то принадлежит. Кроме того, это тоже надо было делать ночью, когда народ не шляется туда-сюда и не мешает: а какое же рисование ночью!

Тем более что кирпичом не порисуешь на стене, кирпич стену не берет, только царапает.

Хорошо еще, что у художника была крыша над головой, однако эту берлогу нельзя было назвать жильем, просто один дворник отгородил под лестницей угол, чтобы не таскать домой метлы, лопаты, ломы, валенки и телогрейку. Дворник навесил туда дверь, снабдил ее ржавым замком и тут же, подумав, повесил объявление, что недорого сдается отдельная квартира б/у.

О том, как художник снял эту квартиру б/у (без удобств), рассказывать долго, только заметим, что он спал там, подстелив на пол свое пальто, и был рад, что все-таки не на улице валя-

ется, где дует, капает и каждый может отобрать пальто.

Как художник дошел до этой нищеты, говорить не хочется, достаточно упомянуть, что его обманули, как обманывают многих простодушных и безденежных людей, которым обещают большие кошельки за их маленькие квартиры, и, проснувшись однажды, такой будущий богач видит, что он лежит на скамейке в парке, а потом с трудом вспоминает, что в его собственном доме уже висят чужие занавески и в двери новенький замок, от которого нет ключа, вот и все.

А почему художнику все-таки достался угол под лестницей, объясняется просто: знакомый дворник сдал ему эту квартиру за приличные деньги, но в долг, надеясь, что когда-нибудь жилец выиграет судебное дело против жулика Адика, захватившего его прежнюю квартиру.

Однако должок все рос и рос, дворник по утрам приходил то за метлой, то за лопатой и, видя спящего без дела художника, раздражался, как каждый честный труженик, который рано встает и вдруг видит перед собой лежащих лодырей. Начинался скандал, и спящий натягивал пальто, на котором находился и которым укрывался, еще и на уши. Это происходило регулярно в семь утра: дворник орал, что в мире один такой нашелся добрый дурак, который бесплатно раздает направо-налево свои квартиры и при этом терпит, что ему не платят вот уже шесть месяцев. А шесть умножить на шесть плюс двадцать шесть будет миллион с копейками, да убить тебя мало, вопил дворник, маша лопатой над головой художника, гони миллион! Или вытряхивайся, у меня на эту

квартиру вагон желающих! Или, мечтал вслух дворник, давай я продам тебя в рабство, что ли. Дам объявление, сдается раб на разные работы, оплата вперед за три года! Но этим надо заниматься, вопил дальше дворник, объявление денег стоит! Короче, орал дворник, иди сдавай почку в больницу, у тебя почек целых две, куда тебе одному столько.

Кончалась эта утренняя беседа всегда одним и тем же:

— Выходи, — говорил дворник, — ты уже на свои деньги выпался! Иди в больницу!

Художник, толком не проснувшись, плелся на улицу и в который раз думал, почему хозяин все время посылает его лечиться?

Дворник, как петух, кричал каждое утро, и спасибо еще, что у дворников, в отличие от петухов, есть два выходных дня: тут-то бедный постоялец отсыпался.

Итак, рано утром он выбирался из своего логова и шел гулять с тайной целью найти где-нибудь кусочек хлеба или стакан горячего чаю, такая у него была мечта. Кроме того, наш художник все время околачивался близ родного мусорного бака, который стоял у его прежнего дома: была надежда, что новый владелец квартиры жулик Адик возьмет и вынесет на помойку кисти, краски и полотна прежнего хозяина. Умный художник рассчитывал, что Адик когда-нибудь да начнет делать ремонт, и вот тогда придут рабочие и все выкинут, и можно будет нарисовать картину и продать ее!

Но где плохо, там будет еще хуже, и бедняга упустил свое счастье: придя однажды к родному

дому, он увидел такую картину: в его квартиру въезжают совершенно посторонние люди, семья с пятью собаками, роялем и не очень взрослой дочерью, которая держала всю свору на поводке и руководила отцом и матерью, а также четырьмя грузчиками. В подъезд вносили книги, полки, ноты, рояль, затем потащили клетку со взъерошенным котом, и собаки подняли приветственный лай (одна из них была явно слепая, но она тоже гавкала и веселилась вместе со всеми).

Художник сразу же, не сходя с места, полюбил эту странную семью, особенно слепую собачку и девушку-хозяйку, такую разумную в свои небольшие годы, — и затем он, повесив голову, пошел прочь: против этих людей он никогда бы не стал выступать в суде, требуя их выселения.

Жулик Адик, обманом захвативший его квартиру, знал что делал, когда перепродавал ее такому семейству.

И художник, как всегда, отправился бродить по городу и рисовать свои картины. Надо сказать, что он все-таки рисовал, но мысленно. То есть, найдя какую-нибудь выгодную позицию, он, как полководец, озирает пространство: тут домишко, тут церковь, тут облако и дерево, из булочной вышла толстая тетя с батоном, остановись, мгновенье, ты прекрасно! (Так восклицал про себя художник.) Это была его никому не видимая картина, где все краски играли, переливаясь, где мир светился, небеса становились бирюзовыми, хлеб и стены храма отливали золотом, а теткино платье пышно расцвело, как букет сирени, и в добавление ко всему

у булочной останавливалась бабушка в оранжевом байковом халате: все.

Художник вздыхал, создав это произведение, руки его шевелились, а в глазах стояли слезы восторга, потому что если бы кто-нибудь увидел его картину, мир бы засмеялся от удовольствия, ей-богу (думал художник). И картина бы излучала свет далеко, метров на десять! И в музее вокруг нее бы толпились!

Закончив свой ежедневный труд, наш мечтатель брел в булочную и вдыхал там аромат свежего хлеба, а также глубокий, сладкий, сытный запах деревенского каравая и поджаристо-легкомысленное дуновение от горячих булочек. Художнику не приходило в голову просить милостыню, он не искал огрызков на полу; он просто стоял, закрыв глаза, и грелся душой, такая у него была ежедневная программа.

Затем он находил в своем тайнике, под крыльцом соседнего дома, необходимые вещи, куски известки, кирпича и черного каменного угля, и шел, спотыкаясь, искать свободный метр асфальта. Такое пространство обычно имелось где-нибудь в дальней аллее парка, где не было сторожей и садовников, и художник до темноты ползал на коленях, рисуя цветы, птиц, кошек и собак. Он устраивал дело так, чтобы все эти создания, как живые, красовались бы на куске асфальта: вот присел воробей, недалеко от него кошечка, которая не обращает никакого внимания на воробья, тут же из асфальта робко вырос кирпично-красный мак (а кошка была, разумеется, белая, а воробушек серый, а тени от них черные как уголь!).

В тот день, когда рухнули его мечты отсудить свою квартиру, художник нарисовал на асфальте свору из пяти собак, одна из которых стояла с зажмуренными глазами, рядом он изобразил клетку с белым котом, затем рояль (вид сверху) — а строгую девушку он нарисовал прямо у себя под ногами, так как боялся, что ее тут же затопчут ногами прохожие.

Что интересно — иногда художнику некоторые сердобольные люди совали деньги, на это он и жил. Вот и сегодня вокруг его картины собрались зрители: дети с мороженым, их бабушки с запасами на случай жары, дождя, холода и голода, затем пенсионеры в светлом с газетками по причине грязных скамеек плюс какие-то небритые дяди со следами страданий на лице и совершенно пустыми руками. Такие люди никогда ничего не подавали панельному живописцу, для этого существовали женщины средних лет, способные расплакаться при виде одинокого худого заброшенного мужчины.

Надо сказать, что публика не всегда одобряла произведения на асфальте. Многих не устраивало, что художник рисует мир только тремя красками. Им также не нравилось, как он рисует, — фотограф бы сделал это лучше, говорили зрители вслух. А так и мы можем.

Что касается детей, то они, как наиболее впечатлительные создания, тут же кидались тоже рисовать, причем они хотели калякать и малякать не на свободном месте, которого было полно кругом, а именно на этой картине, а некоторые совсем маленькие дети засыпали данное произведение песочком и землей, потом еще

трудолюбиво приносили в ведерках воду из ближней лужи и поливали образовавшийся огород, а другие с удовольствием шаркали сандаликами в этом болоте. Художник не возражал, он понимал, что они тоже создают свою картину из грязи, полотно, натоптанное ногами, насыпанное руками. Возражали бабушки, которые прибежали со скамеек, уводили внуков и кричали насчет промокших ног, простуды и попачканных колготок.

Дети исчезали, а рисовальщик оставался со своей грязью на асфальте и думал, что такая картина из земли, воды и маленьких следов тоже достойна оказаться в каком-нибудь музее, неизвестно только в каком: в музее почв или в музее современного авангарда.

Так было и сегодня. Дети нарисовали собакам очки и рога, цветок мака щедро полили, так что он растаял, на рояле принялись играть ногами и быстро его затоптали, на изображение девушки тоже покусились, а денег не дал никто.

Однако в тот же момент судьба улыбнулась художнику: к нему подошел мужчина в кожаной куртке и с очень грязными руками — особенно выделялись его белые ногти. Этот мужчина жевал жвачку и плюнулся ею довольно-таки метко: прямо на изображение рогатой, в очках и с бородой девушки у ног художника.

Этот мужчина сказал:

— Дашь переночевать? Заплачу тебе, много дам.

— Деньги вперед, — возразил оголодавший художник, подумав, что нынче суббота, дворник завтра не придет, а на одну ночку можно и потесниться.

Мужчина дал ему комок мелких денег и потребовал, чтобы его немедленно отвели ночевать.

Придя к каморке под лестницей, мужчина взял у художника ключ, а затем скрылся за дверью, шлепнулся на пол и затих. Подождавши, хозяин каморки услышал призывный свист, затем хрип удушья и тут же тоскливый стон. Хозяин каморки испугался, что его квартирант задохнулся без свежего воздуха и умирает, и попытался открыть дверцу, но это ему не удалось, постоялец лежал как раз на пороге, занимая туловищем все пространство. Впору было выламывать дверь, но тут свист, хрип и стон повторились, и не раз (фью-хрры-ууии и т. д.), и стало понятно, что человек уснул.

Деликатно удалившись, владелец комка мелких денег пошел сразу же в булочную и там купил себе дешевого хлеба полкило и одну легкомысленную булочку. Денег хватило еще и на бутылку дрянной сладкой воды, а затем художник с битком набитым животом стал гулять и прогулял целый день, наслаждаясь жизнью, а вечером вернулся к себе домой под лестницу спать, но ему не открыли: за его дверцей громко ругались на непонятном языке и даже не заметили, что хозяин стучится.

К ночи дверь отворилась, но только для того, чтобы впустить тетю с двумя огромными полозатыми сумками. Художник было сунулся следом за сумками, но его вытолкнули руками и ногами. По первому впечатлению, в каморке под лестницей находилось человек пять, они лежали на тюках и узлах, наваленных до самого потолка, и как-то умещались.

Ужасно расстроенный, несчастный хозяин лег, дрожа, под свою дверь и всю ночь слышал, как двое храпят, а остальные ругаются, и еще плакал откуда-то взявшийся младенец: может, только родился.

Утром в каморку въехали еще три тетки с узлами, они скрылись за дверью, переступив через лежащего снаружи хозяина каморки, и тут же по подъезду поплыли запахи хлеба с чесночной колбасой. Художник постучал насчет денег, в ответ на что дверь приоткрылась и показался огромный грязный кулак с золотым перстнем. Кулак вслепую помахал по воздуху, и тут бедный прежний жилец понял всю безнадежность своей ситуации, тем более что сразу же подвалили новые люди, они заняли все пространство под дверью каморки вещами, они галдели, какие-то дети доверчиво шарили у художника в карманах, кто-то уже снимал с него пальто, и напуганный бывший владелец чулана, вырвавшись, побежал вон.

Что ж, вроде бы программа оставалась той же самой, надо было идти рисовать мысленно, затем так же мысленно есть хлеб и так далее, счастливая жизнь бедняка, но этот бедняк, замерзнув и не выспавшись, пал духом, он ругал себя за глупость и доверчивость, за то, что уже дважды потерял все.

Он больше не мог рисовать глазами, хотя шел мелкий дождь и из-за этого повис сиреневый туман, любимое состояние погоды, при котором краски окружающего мира отдавали радугой, а то, что оставалось вдали, выглядело загадочно. Он очень любил раньше рисовать такие картины, особенно акварелью, достаточно было намо-

чить лист бумаги в первой попавшейся луже, натянуть его на доску, приколоть кнопочками — и широкой кистью создать золотое небо (смесь сажи газовой и оранжевого кадмия, много воды), а дальше уже можно было писать размытые сизые дали, а на пустом, специально оставленном месте появлялись попозже разноцветные кубики домов и — последний мазок — возникала ярко-изумрудная машина на переднем плане, такого цвета, какого в природе не бывает, и этот химически чистый цвет должен был частично отражаться в светлой, но рябой луже.

А теперь, голодный, мокрый и бездомный, художник плелся по улицам, не замечая окружающего его туманного воздуха и сырых разноцветных стен. Все, что раньше его радовало, кончилось. Не живя теперь нигде, он не мог больше думать о прекрасном и мечтать насчет выигрыша в судебном деле, насчет победы над проклятым жуликом Адиком и дальше, насчет рисования полотна для музеев всего мира.

Он не хотел больше притворяться, что его жизнь вся в будущем, что она ему удалась, что ничто, кроме живописи, его не волнует. Ему было обидно, холодно и плохо.

Он брел, присаживался на какие-то ступеньки, заходил греться в магазины, и вдруг — так бывает — на исходе сил, когда уже он совсем приготовился лечь и умереть — этот бедный художник сообразил пойти в свой прежний дом, где он когда-то жил, и пристроиться там у бывших родных дверей.

Там он и задремал, а очнулся только утром, когда в его прежней квартире залаяли собаки

и по лестнице поплыл запах свежесваренного кофе. Затем кто-то прекрасно заиграл на рояле. Продрав глаза, ночующий увидел, что около него стоит литровая банка с горячим кофе и скромно лежит пакет. Там было много жареной картошки с сосиской, пластмассовая вилка и огромный кусок хлеба. О, как долго и радостно бедный насыщался этим неожиданным даром! Как плакал, сидя под стеной, о своей неудачной жизни! Как клялся себе, что добьется всего — только бы увидеть еще хоть раз эту семью, только бы иметь возможность подарить им свою картину, ту, которую он нарисовал тогда на тротуаре, — усатая и бородатая девушка с рогами и в очках, а вокруг нее, как козы, рогатые собаки тоже в очках, и среди них слепая собачка, наполовину засыпанная песком со следами детских сандаликов, совместная работа всех детей с аллеи парка, которые дети хорошо умели рисовать только усы и рога, а очки ловко приделывал один малый лет пяти, особенно талантливый.

Как только наш ночлежник позавтракал, за дверью раздался скрежет замка, и художник, подхватив банку и пустой пакет, ринулся вниз по лестнице, только чтобы его не застали здесь эти милые люди: он стеснялся, что ему подали милостыню.

К вечеру, после долгих блужданий, замерзший бродяжка присел под каким-то навесом на крыльцо. Дождь все еще шел, идти было некуда. Ни за что художник бы не вернулся к той двери, за которой слышался лай собак и звуки рояля. К своей конуре тоже незачем было идти, отнимут последнее.

Он сидел, закрыв глаза, и ждал, когда его выгонят отсюда (любая крыша кому-то принадлежала).

Действительно, вскоре кто-то толкнул его в плечо.

Бедняк открыл глаза и увидел незнакомого человека, жирного и радостного, который тут же заявил, что является его старым товарищем по художественному училищу, но что теперь уже давно не рисует, так как стал богачом.

Этот человек хорошо знал, как зовут художника.

— Игорь! — рявкнул якобы старый якобы друг, которого этот Игорь вспомнить пока не мог. — Хочешь, я отдам тебе все свое оборудование для живописи? Сам я разучился рисовать, не могу и не хочу, да и неохота пачкаться. А ты, я вижу, материально нуждаешься!

— Оборудование? — переспросил художник. — Краски и кисти?

— Ну да, Игорь, и все остальное!

— Холсты?

— И не только. Пошли со мной.

Художник был рад, что кто-то зовет его куда-то идти, может быть, там будет сухо и тепло, может быть, этот неизвестный старый товарищ даст поесть и (чем черт не шутит) оставит ночевать где-нибудь под крышей?

Взять с меня нечего, думал несчастный, и вдруг это просто какой-нибудь вор, в котором внезапно проснулась совесть и захотелось сделать доброе дело. Доброе дело делать очень приятно! Но откуда ему известно имя, вот вопрос.

Так думал он про себя, сидя перед неизвестным другом, а тот тем временем сказал:

— Так идем?

Однако художнику было неудобно соглашаться вот так, сразу, с первым попавшимся предложением. И он сказал:

— Да я вообще-то не знаю... Я в целом спешу.

— Спешешь? — нетерпеливо воскликнул Старый Товарищ и даже заплясал на месте от возмущения. — Спешешь куда? — заорал он, и из его рта повалил пар, а может, и дым.

— Я очень спешу... Извини, друг... Я не знал...

— Тебе некуда спешить! — радостно воскликнул Старый Товарищ. — Ты что, забыл меня? Я же Извося! Помнишь? Я в школе отнимал еще у тебя деньги!

Художник сразу его узнал, этого жуткого гада Извося, который, будучи старше на два класса, отбирал у него деньги, карандаши и ластик.

— Тебе некуда спешить! — кричал этот Извося. — Ты же бездомный! Я был в твоей старой квартире и все знаю! Я тебя искал! Адик обманул беднягу, а? — Тут Извося захохотал, и опять изо рта его повалил пар (было очень холодно и сыро). — И под лестницей у тебя уже живут!

— Я спешу... — был ответ.

Пар и туман заволокли лицо Извوسي, и оно стало как-то расплываться.

«Ну, — подумал художник, — я от голода схожу с ума».

— Ты, — прокричал Извося уже откуда-то издали, — хорошо, оставайся. Каждый сам себе злобный дурак!

И он растаял в вечерней мгле.

«Это я уже точно сошел с ума», — подумал художник и поднялся, чтобы идти дальше.

И тут он разглядел дом, на крыльце которого сидел. Там не было окон и дверей, в подъезде росло маленькое дерево, а пол давно искрошился.

Наш бродяжка вошел в дом, увидел там в углу старый диван и заснул, наконец-то на мягком.

Утром, правда, его вырвал из сладких снов грохот.

Какой-то механизм виднелся в окне, он рычал и разбивал стену.

И едва ночующий выскочил из дома, как крыша обрушилась.

Художник вздрогнул от холода и пошел прочь.

Однако вскоре его догнал какой-то незнакомый человек и сказал, запыхавшись и пританцовывая от спешки:

— Это ваше?

И протянул ему холст, натянутый на подрамник, со словами:

— Это лежало там, в вашей комнате.

Художник застеснялся сказать «да, это мое» про чужую вещь и пожал плечами:

— Нет, это не моя была комната и не мой холст.

И он пошел дальше, но, пройдя какое-то расстояние, все-таки обернулся.

Под бетонной оградой на земле лежал одинокий белый холст, а около него стоял фанерный чемоданчик — явно складной мольберт для рисования.

Причем ограда уже почти висела над этим богатством, еще минута, и она тоже должна была рухнуть. Художник не выдержал, подбежал, схватил холст и мольберт и отскочил в сторону.

В ту же секунду бетонный забор упал.

Новый владелец холста и мольберта стоял, прижимая к себе чужие сокровища.

Он с детства помнил Извосою, вора и негодяя, из-за которого голодал все школьные годы, и поэтому никогда в жизни не стал бы брать у него ничего — он вообще никогда не брал чужое.

Но тут был особый случай, можно считать, что ему пришлось спасти от уничтожения чьи-то ценные вещи.

Надо было отнести их в какое-то бюро находок.

И художник поволок довольно тяжелый мольберт (скорее всего, в нем лежали кисти и краски). Холст пришлось нести под мышкой.

Но тут путнику встретилась резвая старушка с пухлым смеющимся лицом. Художник спросил ее:

— Вы не знаете, кто жил в этом доме?

— Там жил рисовальщик, он заключил контракт на рисование портрета своего старого товарища, уже выполнил работу, но тут вдруг погиб, а родни не было. И что здесь началось! Понаехало машин! Выставили охрану! Нам, бедным людям, ничего не досталось, все разобрали богачи!

— Возьмите это, — предложил художник и протянул старушке свои сокровища.

— Да ну, — сказала она, — я уже набрала себе в том доме барахла, кисточек, красочек, холста два рулона, за это на базаре никто ломаной копейки не дал. Пришлось так и выкинуть. Никому не нужно. Теперь все художники обходятся без этого. Рисуют пульверизатором, что ли. Даже цветную клизму себе ставят и этим добром льют на холст. А кисточки-шмисточки уже устарели. Мне объясняли.

Какая-то особенно знающая и веселая была та старушка и от веселья приплясывала на месте.

И быстро исчезла за углом.

Тут же художник помчался на любимое место у булочной. Его глазам предстала обычная картина: золотые батоны плыли в руках, в пакетах и сумках из дверей булочной, а вдали сияло бирюзовое небо — почему-то дождь кончился и стало опять тепло, — и громоздились розовые, зеленые и желтые дома, а также стоял маленький храм с серебряной крышей. К булочной, хромя, приближалась старушка в оранжевом халате.

Художник установил мольберт и заработал как фонтан, кисти так и мелькали в его руках, и холст очень быстро засиял, загорелся, прохожие в удивлении останавливались и говорили «хлеб не похож» или «небо не такое», то есть пошли знакомые, привычные дела.

(Он слышал эти слова часто и уже не обращал на них внимания. Кстати, жулик Адик, который как-то подошел к нему на улице, вел себя иначе, он стал неумеренно хвалить едва начатую работу. А ведь каждому приятно, когда находится справедливый судия, настоящий знаток и ценитель твоего труда, и художник пригласил Адика в дом, посмотреть другие работы. Адик опять же восхитился и захотел помочь такому талантливому живописцу с выгодой продать квартиру и купить другую подешевле: так как было ясно, что тут имеются долги, краски стоят дорого, картины никто не покупает. Сам художник, конечно, не смог бы повернуть такую сложную операцию, и в тот же день он дал Адику доверенность на все свое имущество. И чем это

кончилось, нам уже известно, владелец продаваемой квартиры вскоре устроился ночевать на лавочке в парке.)

Итак, быстро написав картину у булочной, художник вдруг подумал, что надо зайти к своему адвокату, который вел дело против жулика Адика. Художник помчался прочь, но на ходу оглянулся, прощаясь с любимым местом.

Однако отсюда не было видно ничего — ни церковки, ни булочной, ни домов. Свинцовый туман опустился на знакомый перекресток и накрыл собой все, что только что было нарисовано.

«Надо же, как меняется погода», — рассеянно подумал наш живописец и двинулся вперед.

Как ни странно, адвокат был на месте и сразу ему сказал:

— Знаете, у вас, кажется, все в порядке, и квартиру отберут у этого жулика Адониса прямо сегодня! Имейте в виду, с вас десять процентов! И не тяните! Каждый день ваш долг мне будет расти!

Художник на радостях даже не понял о чем идет речь, выскочил на улицу объятый счастьем, но тут же остановился как вкопанный; что же это, ведь сегодня из его квартиры выгонят не Адика, а ту семью, девушку и ее родителей и пять собак с котом!

Художник ринулся обратно к адвокату, но тот уже ушел; художник хотел написать заявление, что отказывается от своей квартиры в пользу тех, кто там живет, однако его не пустили подать бумаги, сказали, что сегодня неприемный день.

Затем началось самое печальное — придя в свой бывший дом, он обнаружил там суматоху.

Наверху лаяли собаки, дверь в его квартиру стояла нараспашку, и видно было, что жильцы собирают вещички.

Квартировладелец вошел к себе домой, поймал за руку девушку, которая запихивала кота в клетку, и сказал ей:

— Вам совершенно не нужно отсюда выезжать! Живите!

— То есть, — поморщившись, ответила девушка, потому что кот топырился задние лапы и не пролезал в узкую дверцу.

— То есть я хозяин квартиры, — заявил художник, — и я получил ее обратно, и живите в ней, пожалуйста.

— А, — равнодушно сказала девушка, — так это вы тот человек, который ограбил Адика? Отнял у него все имущество, посадил в тюрьму, а потом вам стало его жаль и вы отдали ему одну из своих квартир? Это вы?

— Адик жулик, — сказал сбитый с толку художник.

— Адик? — холодно переспросила девушка, окончательно запихнув кота в клетку. — Адик мой муж.

Она сказала это безо всякой горечи или гордости, но с особенной силой. Как будто кому-то возражала. Как будто кто-то в этом сомневался.

Девушка понесла кота вон, и тут обнаружилось, что она хромает.

— Давайте я вам помогу, у вас же нога болит, — сказал художник.

— У меня? — переспросила девушка, — у меня нога не болит.

— Но я же вижу! — заволновался художник.

— У меня ничего не болит, — заявила девушка и потащила, явно стараясь не хромать, клетку с котом вниз.

А рабочие уже подводили ремни под рояль, и квартира постепенно пустела.

Художник — что делать — начал помогать носить стулья, даже обвязал веревкой две стопки книг, как вдруг явился отец девушки и что-то сказал грузчикам.

Они мигом ушли, ушел и девушкин папа, растерянный человек с бородкой, а рояль, стол и книжные полки остались стоять среди мелкого мусора.

Внизу зарычала и уехала машина, художник выглянул в окно. Там, на тротуаре, на чемоданах, сидела вся семья, клетка с котом находилась на коленях у девушки, а собаки легли веером.

Они явно кого-то ждали.

Весна в тот год не удалась, часто шли дожди, и в данное время суток (в полдень) облака зависли низко и тяжело, плотной массой, как будто поверх города положили полную грелку, и сомнений не было: вот-вот это резиновое небо лопнет.

Художник боялся спуститься вниз, боялся предложить свою помощь. Семья, видимо, ждала Адика.

Адик все не приходил, и из окна художник видел, что семья достала две лакушки, для собак и для кота, и девушка насыпала туда корм и извлекла кота из клетки. Звери начали обедать, собаки строго поочередно, кот в стороне, а люди все так же сидели на чемоданах.

Начался мелкий дождь.

Художник, несмелый человек, не решался даже как следует высунуться из окна, настолько чувствовал себя виноватым.

Когда такие же несчастья происходили с ним, он как-то успокаивал себя и ни о чем не думал, жил и жил, ловил счастье, если оно выпадало, — то есть все его мысли были о нынешнем моменте: спрятаться от дождя, найти монетку на земле или хороший кусок хлеба в помойке. Далеко вперед он не заглядывал.

Но, например, представить себе, что его родители сидят бездомные на улице и мокнут под дождем, он не мог. Он бы с ума сошел!

А тут руки у него были связаны. Жулик Адик обобрал и покинул свою жену и, видимо, продал ее квартиру с обещанием приобрести жилье побольше и переселил сюда, на чердак, — и теперь его бедная жена не хочет слышать ни слова о своем Адонисе: он ей, видимо, напел, что у него трудности, его преследуют, грозят убить и так далее.

Так прошло некоторое время, и внезапно за спиной у художника появился Адик и сказал:

— Я беру ключи от квартиры, потому что я подал в высший суд, а пока что это мое жилье. У меня все документы, что ты мне должен большую сумму и в залог отдал свою квартиру, подписал полную доверенность. И выйди отсюда вон, паскуда, я тебя замочу вообще. Найму ребят. Найдут твой труп. Они бьют только один раз, второй раз уже по крышке гроба. Но тебя не похоронят, а бросят на свалке собакам или рыбам в пруд. Ясно?

— Ваша жена мне говорила, что вы продали ее квартиру, это было?

— Какая моя жена? — глупо спросил Адик.

— Ну, с собаками. С больной ногой.

— Хромая Вера, что ли? — засмеялся Адик. — Чего выдумала. Она мне никакая не жена. Жена. У меня таких жен как грязи. Смешно. Короче, катись отсюда. Я эту квартиру уже опять продал одним новым русским.

На лестнице гомонили, подымаясь, какие-то очень знакомые голоса: ругались, кричали, хохотали. Плакал ребенок, его крик приближался.

— Сейчас, — сказал художник. — Скажи, Адик, а эти новые люди, они деньги уже отдали?

— Какое дело тебе! — воскликнул Адик.

— Такое. У них фальшивые деньги, понял? Ты не успеешь вынуть бумажку из кармана, как тебя опять арестуют.

Художник врал вдохновенно.

Адик покосился на свой нагрудный карман, который, чем-то набитый, висел над рубашкой, как старый балкон над домом.

— У каждого человека свои взлеты и посадки, — быстро ответил он.

— Адик, я им сдал свою комнату, они мне заплатили вперед, я пошел в магазин, подаю деньги за хлеб, а кассирша подняла крик. Я сбежал.

— Так. Стоп, — сказал догадливый Адик. — Ты сиди здесь и никого их не пускай. Меня нет. Понял?

— Дай-ка ключи, я запру, — потребовал художник, получил ключи и вовремя закрыл дверь.

Адик, бледный и потный, услышал барабанный бой в дверь и крики и прошептал:

— Что делать?

— Хозяйва! А хозяйй! Открой! — вопили за дверью.

— Я буду охранять квартиру, но ты забери с улицы Веру и всех, потому что через них тебя вычислят быстро.

— А как, как я заберу? Как я выйду вообще?

— Там справа у окна есть пожарная лестница на чердак. Там выход по крышам.

Адик тут же ушел в окно, сказав:

— Я тут сделал ставни из стального прута, закрой их и запри! А то влезут!

Дверь сотрясалась от грохота, но это была двойная железная дверь, тоже поставленная хитрым Адиком.

Художник закрыл решетчатые ставни на всех окнах. Смотреть вниз он уже не мог и решил пока что поработать. Как молния, он кинулся к мольберту и начал писать картину прямо поверх предыдущего: другого холста не было.

Через небольшое время, сделав первый набросок девушки, ее родителей, кота и собак, он открыл окно, распахнул ставни и выглянул: тротуар был пуст, если не считать прохожего с зонтом.

Художник остался жить в своей квартире.

Он рисовал, питаясь остатками крупы, которые нашел на кухне, и прислушивался к крикам на лестнице — а там шла кипучая жизнь, там расположились, видимо, лагерем по всем ступенькам, там пели песни под гитару, там бегали, как кони, маленькие дети, там происходили громкие скандалы, провоцируемые другими жильцами с нижних этажей (художник со своей мастерской занимал нечто вроде чердака). В лифте, видимо,

кто-то тоже поселился (судя по крикам), там (судя по скандалам) жил глава этой огромной семьи, и лестничные обитатели то и дело орали:

— В лифте! Он лежит в лифте! Там, на подушке! Ему говори! Он на ковре, Рома!

И громко говорили:

— Рома, эй! Там Рому спроси!

Художник очень живо представлял себе лестницу, сидящих и лежащих новых жильцов: ступеньки спускались как места в театре, а в лифте восседал на подушке, не хуже чем на сцене, Рома в кожаной куртке и с золотым перстнем на грязном пальце. Но это все не касалось нашего художника, он был занят своей картиной: ему казалось, что любимая семья принадлежит ему, он даже мог каждый день менять выражение лица у девушки — она смотрела на него то полуприщурившись, насмешливо, то радостно и нежно. Слепую собаку он сделал пока что одноглазой, так все-таки было лучше. Котову клетку нарисовал попросторнее и так далее.

В то утро, когда художник, таким образом развлекаясь, сварил последнюю горсть манной крупы и открыл последнюю баночку кошачьего корма с запахом мяса, в окне за решеткой показался Адик. Он терпеливо стоял снаружи и смиренно, как голубь, постукивал по ставню ногтем.

Художник подошел, жуя корм, и отрицательно замотал головой.

Адик закричал:

— Пусти! Все, пусти меня! Я обнаружил!

Художник сказал:

— Не проси!

— Твои условия! — крикнул Адик.

— Женись на Вере! Слышал?

— Сошел с ума! А? — опять прокричал Адик.

— Слушай! Здесь запасы еды года на три, газ есть, вода есть, а квартира моя, — гремя голо- сом как железом, отвечал художник.

— А если женюсь, ты отдашь мне квартиру?

— Ну да!

— Да я женюсь на фиг хоть завтра! Где Вер- ка? — завопил Адик.

— Но квартира будет только ее и без права продажи, понял?

Тут Адик без единого слова спорхнул с по- dokonника и умотал вверх по крышам.

Из этого разговора художник с ужасом понял, что Вера с родителями не живет у Адика и исчез- ла неведомо куда.

И он решил их найти. Все забыв, он открыл дверь и вышел вон, собираясь запереть ее, одна- ко тут же обитатели лестницы, как вода сквозь прорванную плотину, хлынули через порог в квартиру. Они врвались в коридор и рассыпа- лись по комнатам — люди с узлами, детьми, пе- ринами, сумками, подушками, самоварами, они не радовались, а гомонили, на ходу ругаясь, спо- ря, видимо, кому где жить, в дальней комнате — грянул рояль, кто-то раскрыл его и прыгнул внутрь, наверно, а остальные всем скопом заба- рабанили по клавишам. Последним в квартиру вошел огромный Рома с подушкой, весь в золо- те, в джинсах, в кроссовках, в кожаной куртке и с прилипшим перышком на красной от сна ще- ке. Он заглянул туда, сюда и исчез в ванной ком- нате, где по непонятной причине никто не на- ходился.

Только что это была пустая, голодная квартира — а теперь всюду лежали на полу люди, поверх своих матрасов и под своими собственными перинами. Над подушками торчали носы стариков, дети бегали прямо по телам лежащих, из кухни доносился легкий бытовой крик, какой бывает, когда сразу несколько хозяек очень спешат приготовить свой обед. Там звенела посуда, кастрюли, там лилась вода.

— Хочешь кушать? — спросила бедного живописца толстая бабушка, закутанная во многие шали.

— Спасибо, нет, — ответил художник и вернулся в ту комнату, где обычно рисовал. Вокруг его картины толпились дети. Кто-то находчиво открутил тьюбики с краской, и результат этого был ужасен: дети стали похожи на маляров, особенно их лица, не говоря о руках, ногах, штанах и волосах. При виде хозяина дети отскочили от картины, которая вся оказалась густо замазана красным, как кровью.

Непоправимо испорчен был драгоценный портрет семьи.

Художник вздохнул и машинально начал писать поверх предыдущей картины. На алом фоне полотна появилось множество глаз — живых, любопытных, горящих детских и прижмуренных стариковских, огромных девичьих и хитроватых женских очей, затем художник нарисовал узлы, перины, красные цветастые юбки и черно-алые шали, окна с нагромождением кастрюль и банок, изобразил медный самовар, уже горячий, стоящий на полу на белой скатерти, и множество красных чашек вокруг него, а также груды золотых

баранок, тарелку с малиновой карамелью, банку соленых огурцов, грудку нарезанного черного хлеба и заварочный чайник, алый с золотом, литра на три.

На одном полотне разместились вся бесхитростная, бедная кочевая жизнь, — все было на виду, но еще столько же оставалось внутри.

— А меня, а меня! — вопили дети, и художник щедро рисовал каждого, и население квартиры всем кагалом толпилось вокруг.

Он так увлекся, что не замечал времени.

Когда картина была уже почти закончена, художник услышал за спиной, в отдалении, испуганный плач. Обернувшись, он увидел, что комната, в которой он рисовал, опустела, а в дальнем углу, под стеной, сидит маленькая девочка с младенцем на руках и рыдает. Живописец понял, что она обижена, и тут же нашел место и для этой малышки. Он нарисовал ее юбки, бусы, слезы, черные слипшиеся кудри, худые ручки, которыми она прижимала к животу мирно спящего крошечного младенца — и его розовые щеки, черные густые ресницы, темный пух на кукольно-маленькой голове.

Когда художник перенес эту пару на полотно, в квартире воцарилась гулкая тишина.

Теперь, вытерев кисти, художник огляделся вокруг. Было пусто. Девочка с ребенком исчезла.

Только в углу еще лежал узел, из которого блестела кружевная крышечка самовара.

Художник, преодолевая себя, нарисовал внизу, в углу, и этот самовар в пестром платке.

Теперь можно было спокойно вздохнуть.

Художник прошелся по комнатам и вдруг обнаружил, что этого последнего платка с самоваром нет на месте.

Видимо, люди умчались и унесли с собой все. Испугались, что ли, что их рисуют?

Художник сходил проверил, закрыли ли за собой дверь его гости, и для верности еще задвинул внутренний засов.

Квартира была совершенно пуста, валялся только мелкий житейский мусор, да еще из ванной несся знакомый храп со свистом и стонами.

Художник открыл дверцу, увидел там могучего Рому, который спал в ванне на груди перин в полном обмундировании животом вверх.

— Слона-то я и не приметил! — воскликнул художник и помчался писать Рому.

Рома уместился у него на полотне поверх груды узлов над роялем.

Работа шла на удивление легко, десяток мазков — и спящий вождь своего племени предстал во всей своей красе, как бы паря над народом.

Закончив картину, художник заглянул в ванную проверить, все ли получилось.

Высокое ложе Ромы опустело.

Проверив засов на двери, наш живописец убедился, что никто не выходил из квартиры.

На окнах были все те же решетки.

Художник сел на пол и по-настоящему испугался. Кочевой народ ушел в его картину?

Тогда где те, другие, — тетка с батоном на углу Сивцева Вражка, колченогая бабушка в оранжевом халате у дверей булочной? Где семья с пятью собаками и котом? Там, где бродячее племя?

Художник давно подозревал, что те, кого он рисует, как-то растворяются, плошают, выцветают, что ли, после того как картина бывает закончена. Розы вянут, люди бледнеют, небо линяет, оно уже явно не то сияющее небо, которое горело над улицей два часа назад.

И автор тайно гордился, что только на его картинах сохраняется свет, и этот свет всегда можно увидеть, ощутить снова... И семейство с собаками он рисовал, чтобы оставить его жить вечно, и переулочек с булочной, и своих кочевников.

А завтра будет новый день, так он считал раньше, новое солнце и другие обстоятельства, у Бога всего много. Все вернется, не вернется только то, что уже было однажды написано на холсте, всего и забот.

Но теперь, после исчезновения самовара и Ромы, сами собой возникали ужасные мысли и подозрения.

Этот холст и краски — не дар ли страшного Старого Товарища?

Иногда самые безобидные вещи убивают, если ими орудуют злодеи.

Что уж говорить о таком сложном деле как рисование, с помощью которого живописец может остановить мгновение и сделать бессмертным любого человека! А сам может погибнуть как собака под забором, в позоре, нищете и безумии! Спросите историков — они много знают подобных случаев.

В ужасе смотрел художник на свою картину, и с картины смотрело на него семейство, которое он, может быть, убил.

Печальные черные глаза как будто просили его о чем-то.

Мигом собрав краски в мольберт и прихватив картину, художник помчался как ветер на улицу и дальше, дальше, к знакомому переулку, к булочной...

Он не нашел этого места.

Шел какой-то вселенский ремонт, вместо мостовой зияла как бы преисподняя, везде громоздились механизмы, заборы, кучи земли.

Стоя над этой свежей могилой, в которую ушел его любимый переулок, художник дрожал: он понял, что такое был подарок Старого Товарища. Ничто, нарисованное на холсте, больше не вернется. Все. Миру приходит конец. Сколько еще таких холстов и мольбертов раскует по магазинам Старый Товарищ, сколько художников по дешевке купит эти орудия смерти...

Значит, нельзя выбрасывать холст и краски.

И художник потащился со своим смертоносным грузом вдаль по городу. Он хотел найти то место, где ему всучили эти опасные дары.

Он шел и шел, то и дело ему преграждали путь свежие развалины, среди которых хлопотали огромные, как звероподобные ящеры, механизмы.

Он хотел встретить Извосою и договориться с этим Старым Товарищем, чтобы тот взял обратно свое «оборудование» в чистом виде, а то, что было нарисовано на холстах, вернул бы в жизнь.

Художник собирался предложить жадному Извосою свою квартиру — все равно нечем платить адвокату.

Или пусть берет тогда жизнь, зачем жить, если хроменькая девушка Вера погибла вместе со своей семьей?

Наконец художнику Игорю показалось, что он добрался до проклятого места — зрительная память у него была прекрасной. Вот здесь кончалась улица, здесь стоял дом и забор...

Но теперь тут возвышался настоящий дворец — с башней этажей в пять, с балконами, красной черепичной крышей и глухим забором вокруг, снабженным колючей проволокой.

Художник попытался позвонить в железную дверку, вмурованную в стену, но ему ответили только собаки. Сколько раз он нажимал кнопку, столько раз ужасно взирали псы, как будто их пытали током.

Дом хранил молчание, все было неподвижно.

Машинально, по своей всегдашней привычке, художник Игорь снял с плеча мольберт, установил его, раскрыл, выдавил краску из тюбиков, налил скипидара в чашечку, поставил проклятый холст и начал писать поверх прежней картины.

Он быстро набросал контуры дома с забором, положил холодные голубые тени, горячие пятна света, наметил редкую зелень, цветные пятнышки занавесок на окнах, он не забыл ничего, только не стал писать ворону, которая недвижно сидела на краю крыши. Он боялся убить эту ни в чем не повинную птицу.

В одном окне вдруг дернулись занавески и мелькнуло бледное пятнышко лица с открытым ртом — художник тут же поставил белесую точку с черной запятой внизу — лицо исчезло.

В другом окне блеснуло что-то темное — художник и тут мазнул кисточкой. Черный блеск исчез. Похоже, это был пистолет.

Дальше необходимо было писать замок тщательно, прорисовывая все детали, начиная с нижнего ряда окон.

Замок начал растворяться. Башня уже просвечивала, крыша обнажила белые стропила, ворона в ужасе снялась и стала кружить над тающим, как сахар в чае, дворцом...

Тщательно нарисовав забор, который тут же исчез, художник увидел какой-то халат, который держал в руках поводки, готовясь спустить бешено лающих псов...

Делом двух секунд было наметить собак.

Не сделав и шага, они все мирно уместились на картине в своих угрожающих позах.

Художник, разумеется, не писал ни неба, ни леса на горизонте, ни домов по соседству, не говоря уже о маленьком стаде коз и старушке на пеньке.

— Ты! — воскликнул из пустого пространства кто-то без головы, но в бархатном халате и золотых туфлях. Голос шел оттуда, где над плечами вместо головы можно было рассмотреть дальний кустик распутившейся сирени.

— Игорь, друг, давай договоримся! — продолжал Голос.

— Подожди ты, — сказал художник, дописывая эту безголовую фигуру, так что вскоре находившийся во дворе куст сирени проявился без помех в полный рост и засиял своими свежими, темными листьями и яркими, как на цыганской шали, кистями. Сирень художник рисовать не стал.

На картине стоял дворец, в одном из окон которого виднелась маленькая, как запятая, кричащая голова. Тело этой головы возвышалось на переднем плане в роскошном халате и золотых тапочках. Голос из пространства возопил:

— Ну и чего ты добился? Я без фигуры не могу тебе помочь. Я могу только тебя уничтожить, но вот вернуть к жизни твоих друзей я уже буду не в силах. Сотри меня с картины, тогда я сделаю все.

— Давай уничтожай меня, я согласен.

— Ты что, я же твой старый товарищ! — закричал невидимый Извоя.

— Хорошо, если ты всехпустишь на волю, тогда я выпущу и тебя. И чтобы они были здесь сейчас же.

— Это конкретный разговор, — сказал Голос. — Я знаю, ты честный мужик. Ты всегда без единого слова отдавал мне деньги. Теперь я тебе заплачу. Скажи так: чао, чао, бамбино! И первыми оживут последние, остальных найдешь где оставил, клянусь честью!

— Чао, чао, бамбино! — сказал быстро художник.

Тут же картина опустела, возник белый холст, а замок стал на свое место, затем возникла веселая и чумазая орда во главе с Ромой, и все эти поселенцы мигом преодолели бетонный забор и вместе со своими самоварами, перинами и детьми оказались внутри замка. Их лица замелькали в окнах, затем на крыше, и возникший из воздуха хозяин в бархатном халате с криком «убью стерв» кинулся в калитку спускать воскресших собак — однако художник быстро написал его на

холсте, и его, и псов, все по памяти, а память у Игоря была фотографически точная.

В окнах дворца уже вывешены были на просушку простыни и подушки, из трубы валил дым, дети вопили во дворе, трещала ломаемая сирень, все шло как полагается в таборе.

Голос из воздуха печально сказал:

— Ну скажи еще раз чао, бамбино! Ну скажи! А то так и буду все время звучать у тебя в ушах!

— Звучи, я заткну их, — ответил художник и пустился бегом домой, а оборудование для рисования перебросил через забор, и слышно было, как тут же радостно заорали дети, прыгая по фанерному ящику, и как затрещал раздираемый в ключья холст.

Через полчаса ходу он нашел на тротуаре у своего дома недвижно сидящую на чемоданах знакомую семью — кот и собаки все еще ели из мисок, а взрослые все еще кого-то ждали.

Художник спрятался в подъезде и видел, как девушка встала, позвонила по телефону-автомату, коротко поговорила и вернулась к родителям. Лицо у нее было удивленное.

— Адик сказал, — произнесла она громко, — что если я подарю ему квартиру какого-то Игоря, то он, так и быть, на мне женится. Даже не поздоровался, сразу объявил. Сделал заявление: жениюсь за квартиру. Печать и подпись: твой Адонис, твоя мечта.

Родители тихо засмеялись.

Девушка, подумав, тоже.

Художник вышел из подъезда и сказал:

— Ваша квартира свободна, вот ключ.

И взял в обе руки по пачке книг.

И семья вдруг похватила чемоданы, Вера собрала с асфальта миски, подтянула к себе собачью свору, и все пошли к лифту.

Дальше, можно уже сказать, все пошло прекрасно, художник в будущем женился на своей прекрасной Вере, но заранее предупредил ее, что он пишет только абстрактные картины, без людей и домов, а этим много не зарабатываешь. И еще одно: время от времени он слышит укORIZненный голос, идущий ниоткуда, и тогда приходится затыкать уши. Такая маленькая странность.

Вера же ответила на это, что ты у меня глупенький и всегда был глупенький.

КОРОЛЕВА ЛИР

Было дело в одном государстве, что старушка королева, которую все звали Лир, слегка рехнулась, сняла с себя корону, отдала ее своему сыну Корделю, а сама решила наконец отдохнуть, причем где-нибудь в глухих местах и безо всяких удобств.

Это ведь только простые и рожденные в тяжелых условиях богачи строят себе роскошные дворцы, а аристократы любят все натуральное, хотя обязанности не позволяют им переезжать из своих замков в избы, бани и сараи.

Но наша королева-бабушка, как женщина сильная и свободная, решила, что выполнит свои мечты тут же. Она построила себе недалеко от королевского дворца дом, на который пошло восемьдесят штук новеньких картонных ящичков из-под макарон.

Строила старушка сама, с помощью липкой ленты, и добилась удивительных результатов: к ночи дом был готов.

Также старушка остановила готовый к выезду из королевских ворот огромный мусоровоз и заставила водителя вытряхнуть на дорогу все, что содержалось в машине.

Покопавшись в образовавшейся куче, королева распотрошила пластиковые пакеты, нашла

много газет и застелила ими пол своего дома — не на земле же валяться!

Одновременно она нашла пару сломанных ложек и семь свечных огарков (хотя откуда во дворце огарки, подумала королева с подозрением — но потом сказала себе: это уже не мое дело! Извиняюсь, меня нет).

Во дворце, однако, зашумело, потому что всех имеющихся в штате садовников по радиотелефонам пригласили загружать обратно в мусоровоз то, что не пригодилось Лир, и поднялась возня, сбор с асфальта банановых шкурок, мелкой яичной скорлупы и других сокровищ.

Попутно выяснилось, что королева-бабушка не желает пользоваться ничем дареным и ей ранее принадлежавшим, а будет сама добывать себе пищу и все что надо! (В поте лица своего.)

К старушке спустился сын, король Кордель, дал ей какую-то карточку и сказал при этом:

— Матушка, эта карточка волшебная, если вы ее опустите в щель ящика, расположенного около банка, то вам выскочат денежки, и вы сами, по своей воле и своими руками, сможете купить себе что вам надо!

Но бабушка со словами «Ничего я от вас брать не намерена» отвергла волшебную карточку и сказала, что больше не желает жить на деньги своих подданных, а будет добывать средства к существованию хотя бы на помойках — так честнее!

Кордель покраснел и исчез, и вскоре во дворце все забегали и снарядили новый мусоровоз, — в который побросали матрас, две подушки, простыни, верблюжье одеяло (подарок от монголь-

ского цирика сто лет назад, вот и пригодилось), затем пару новеньких ведер (взяли в долг у уборщиц), кастрюлю, потом стали горестно думать, а что будет, если в этой кастрюле Лир начнет готовить суп, не выходя из своего макаронного вигвама, то есть не стотовится ли она сама вместе с супом, — и кастрюлю изъяли из мусоровоза, а вместо этого покидали туда разных упакованных булочек, арбузов, яиц, джемов, колбас и сыров, все это перемешали для подлинности с порванными в клочья газетами и задраили люк.

И мусоровоз тут же забибикал у картонного дома старушки королевы, а когда она выскочила на порог, то шофер щедро вывалил всю эту гигантскую помойную посылку прямо на дорогу.

Тут же бабушка начала весело добывать себе пропитание из-под матраца и подушек (продукты накрыло постельными принадлежностями, придворные не рассчитали порядок вываливания мусоровоза, сперва из него лезет все положенное сначала, а после все положенное в конце, знайте на будущее!).

Короче, бабушка с натугой залезла под матрац и стала выковыривать оттуда маленькие колбаски, сырки, булочки и джемы, и ликованию ее не было предела, причем на помощь примчалась любимая правнучка, принцесса Алиса, и они вдвоем повеселились, возясь под матрацем и удивляясь, как много полезных и вкусных вещей выбрасывается во дворец!

— Но меня это уже не касается, — подмигнув внучке, заявила королева, буквально глотая слюни. Никогда еще у нее не было такого аппетита.

Алиса даже нашла маленький бочонок черной икры, которую она вообще-то терпеть не могла, но тут, на свежем воздухе, в диких условиях лужайки, и икра вполне сошла.

Короче, все содержимое мусоровоза к ночи перекочевало в картонную хибару старой королевы: пол был устлан поверх газет найденными в мусоре коврами, в углу хозяйка держала припасы, бумажные тарелки и пластмассовые ложки, а на самом возвышенном месте дома, на подушке, лежал и светил мощный фонарик, который тоже кто-то выбросил, вот безголовые-то! (говорила бабушка внучке).

Короче, когда взошла первая звезда, Лир с Алисой решили поужинать всем тем, что выудилось на помойке.

А дело было в том, что ни та, ни другая никогда сами ничего не готовили: в жизни не открыли ни одного пакета или банки и ни разу не вскипятили себе воды!

Они сидели над кучей продуктов и соображали, как ко всему этому подступиться.

— Я знаю, — сказала умная бабушка, — что яйца должны быть теплые!

С этими словами она поднесла яйцо к фонарику и минут пять нагревала его.

— Вот так и готовят еду, учись, Алиса, дружок, — сказала бабушка-королева.

Они выпили одно теплое сырое яйцо на двоих (остальные яйца разбились при выгрузке мусора), немножечко у них пролилось на платья и на ковер, ну да ладно.

Затем обе долго мозговали, как открыть запечатанный в целлофан хлеб, и наконец эта упа-

ковка была прокушена внучкой, у бабушки зубы оказались туповатые, фарфоровые.

После чего внучка, насобачившись, перекусила также упаковку апельсинового сока и весело захохотала, потому что брызнул целый фонтан и залил картонный потолок, бабушкино платье целиком, опять ковер, бабушкину прическу, не говоря уже об Алисе, которая немного захлебнулась в этом фонтане. Они долго высасывали остатки сока из пакета и веселились при этом как никогда в жизни.

Затем внучка, науськанная бабушкой, притащила в ведре немножко воды для умывания, воду она взяла у садовников, которые дежурили в отдалении, как оказалось, вперемешку с гвардейцами, таились в кустах.

Другое ведро, пустое, бабушка поставила в уголок на всякий случай и прикрыла его газетой — все надо предусмотреть!

Потом раздался сигнал королевской трубы, и за внучкой явилась рота конного караула, капитан позвал Алису якобы для переговоров да и похитил ее обратно во дворец. Там с ней неизвестно что происходило, возможно, ее пытались накормить ужином и т. д., бедную девочку, а старушка бабушка решила постелить себе сама первый раз в жизни постель.

Она примерилась и положила на пол одеяло, сверху бросила простынку, потом повалила на это дело матрац, на матрац шваркнула подушку, потом подумала и аккуратно застелила все это дело газетами и со стоном изнеможения улеглась.

Сверху она укрылась запасной газетой, стало мягко и тепло, и королева уснула.

Утром бабушка сделала зарядку — она решила начать совершенно новую жизнь — и захотела также облиться из ведра водой (кстати, и платье помоеется, подумала практичная Лир), но впопыхах перепутала и облилась не из того ведра, после чего взяла правильное ведро и облилась еще раз, а ковер вытерла подушкой.

Но королеве не понравилось жить в таком загаженном домике, везде были крошки, объедки, обрывки и мокрые места, и она выбралась наружу.

И здесь Лир увидела на газоне то, что она, возможно, не заметила накануне — то есть во вчерашнем мусоровозе, вероятно, находился еще и поднос с горячим серебряным кофейником, булочки с джемом и кастрюлька овсянки, а также тарелка, чашка и серебряные ложки. Может, шофер заметил это уже позже, вернулся и оставил на газоне — честные люди эти мусорщики! (вздыхнула королева, набрасываясь на еду).

А затем она обнаружила совершенно рядом с кофейником волшебную карточку — видимо, сын Кордель выбросил ее в раздражении, и теперь она была ничья (можно сказать, помойная).

Королева спрятала карточку в карман на всякий случай, а грязную серебряную посуду она, будучи аккуратной женщиной, собственноручно отнесла в ближайшую урну — вот она, новая жизнь: королева решила, что всегда теперь будет выбрасывать использованную посуду сама.

Затем Лир тут же вышла вон из ворот королевского дворца, и гвардейская охрана окаменела, не зная, что предпринять: у них было задание никого не впускать, а насчет никого не выпускать

им было ничего не сказано, нельзя было ничего выносить, это да.

А так — выходи кто может.

Королеву, разумеется, они не узнали в таком-то виде (мокрое платье все в пятнах, шляпки нет, королеве пришлось ее выбросить, о чем скажем дальше).

И в первый раз в жизни Лир помчалась пешком по улице одна.

То есть за ней сразу ринулся отряд вооруженной охраны, таившийся до той поры за кустами, однако их-то привратники задержали, опомнившись, и потребовали какие-то пропуска на вынос оружия!

Еще бабульку без вещей они могли выпустить, но вооруженный отряд охраны нес при себе имущество дворца: мундиры, знамена, кальсоны, сапоги, сабли, портянки, шашки наголо, носовые платки, пики за плечами и т. д.

Таким образом, королева-бабушка пилила вдоль по улице одна и без шляпы, при этом светило солнце, а волосы-то были нечесанные! (В витринах все отражалось как в зеркалах.) Королева оказалась без головного убора по следующей причине: мокрой шляпкой пришлось подмести пол, а затем бросить ее в поганое ведро. Почему шляпой пришлось подметать — просто королева-бабушка утром вспомнила, как гвардейцы с поклоном снимали свои шляпы и легко — раз-раз — подметали перьями королевский паркет. И она тоже попробовала подмести крошки и огрызки в одну кучу, но шляпка тут же поделилась на две части, на поля и донышко, не вынеся объема работ, так что место ей было в ведре!

Ведь — заметим — уборка в королевских по-
коях всегда ведется в отсутствие хозяев, поэто-
му у Лир не было опыта: она просто в глаза не
видела ни веника, ни совка! Видимо, так и пред-
ставляла себе, что уборщицы работают шляпа-
ми, бедная Лир.

Кстати, многие мужчины и дети этого же до-
бываются и в своих семьях, чтобы ничего подоб-
ного не знать: дескать, я хочу лишь видеть ре-
зультат, требуют они. Но поневоле наблюдают
весь процесс, всю стирку, глажку, подметанье,
чистку картошки, пар от макарон, а иногда и вы-
нужденно принимают во всем этом участие —
что ж, не короли ведь.

Однако вернемся к Лир.

Обычно ее причесывали дважды в день, утром
и перед балом, но к описываемому времени про-
шли уже сутки без парикмахера, причем короле-
ва, даже если бы и купила себе расческу, не суме-
ла бы понять как ею пользоваться, не смогла бы
воткнуть ее поперек шевелюры и с силой протя-
нуть по направлению к ботинкам, безжалостно
выдирая по дороге все, что мешало движению.
Это ведь целое искусство!

Итак, нечесаная королева рысью мчалась, от-
ражаясь в витринах, лохматая как новый веник,
и вдруг видит: за окном мужчина в белом халате
трудится над кудрями дамы. Причем дама сидит
вся в пене, как морская волна.

Лир затормозила, вошла в парикмахерскую
и села в кресло со словами:

— Лапочка, я готова.

Парикмахер живо вызвал другого мастера, и
тот встал за креслом королевы с вопросом:

— Желаете постричься?

— Желая, — отвечала Лир.

Она была очень покладистой и никогда не спорила со слугами.

— А как? — спросил назойливый дядя.

— Вот как, — ответила королева и ткнула пальцем в картинку на стене.

На этой фотографии (это оказалась реклама краски для волос) был изображен молодой человек, бритый наголо, но с полосой щетины вдоль черепа, примерно как у коня. Полоса эта была зеленая.

Возможно, Лир хотела стать неузнаваемой, чтобы никто в нее не тыкал пальцем и не дразнил «Королева, выдь из хлева!» или еще как-нибудь.

А может, она хотела теперь прожить совершенно иную жизнь, которая ранее ей была недоступна.

Хотя вполне вероятно, что она просто не рассмотрела фотографию, очки-то остались во дворце!

— Так?! — спросил на всякий случай парикмахер.

— Да, — подтвердила Лир. Она не выносила долго разговаривать с лакеями. Всякий слуга знай свое место!

Короче, мастер выполнил прическу не моргнув глазом, и в таком виде Лир выкатилась на улицу, розовая, чистенькая, лысая, с зеленой щетиной повыше лба.

Парикмахер, увидев дело рук своих, окаменел и даже забыл про деньги, велосипедист на улице тут же, засмотревшись, налетел на столб,

таксисты загудели, школьники приветственно засвистели, старушки-прохожие преувеличенно заплодировали, такой был эффект.

Что касается самой королевы, то она тоже не вспомнила про деньги, ведь она никогда в жизни ни за что не платила, даже и не думала ни о чем подобном. А суматоха на улице была ей хорошо известна, Лир всегда так встречали, гудели, свистели, хлопали, толпились и т. д.

Но ее обычно быстро увозили с этих мест скопления, а на сей раз надо было уехать самой.

Лир тут же села на первый попавшийся мотоцикл, это был гоночный «харви» красного цвета, и уехала вон.

(У королевы была одна ошибка юности, офицер по особым поручениям на мотоциклетке, он разрешал ей покататься, когда занималась утренняя заря, о, жизнь! О, надежды! О, противные фрейлины...)

Ключ зажигания торчал на месте, поскольку хозяин мотоцикла был самый известный в городе вор (Фердинанд по имени), и он не следил за своим имуществом, будучи уверен в том, что он один тут такой нехороший, а остальные все честные люди. Эту мысль ему ошибочно внушили в первом классе, после чего бедный Фердинанд бросил школу, не желая быть самым плохим. Кому охота! Среди воров он был, кстати, лучшим.

Короче, Лир неслась на чужом мотоцикле по улицам, не соблюдая никаких правил уличного движения (она их и не знала).

Чему только учат королей, спрашивается?

Конец наступил очень быстро: крутая наездница (зеленый кок, синее заляпанное платье,

мокрые туфли) заметила вдали полицейского и резко затормозила. К счастью, она его заметила издали, — у пожилых людей дальнейшее зрение как у ястреба!

Так что когда полицейский подошел, Лир уже исчезла в первом попавшемся магазине, а полицейский потому приближался, что заметил красный мотоцикл вора Фердинанда в чужом для Фердинанда микрорайоне: что бы это могло значить? (У воров и полицейских все строго поделено на зоны влияния.)

Однако, когда он заметил постороннюю фигуру (зеленые волосы, синее платье) на мотоцикле Фердинанда, удивление его возросло: вор этот никогда никому ничего не давал, тем более мотоцикл. Уж не кража ли здесь?

С того и началась подпольная жизнь и полицейские преследования королевы Лир, а она тем временем нырнула в магазин и тут же нашла себе интересную одежду: кожаную курточку всю в заклепках, бархатные сапоги выше колен (как у прадеда на охоте) и белые джинсы, почему-то они ей пришлись по душе!

Она быстро переделалась перед зеркалом и тронулась восвояси, бросив платье и туфли на пол, а на выходе прихватила еще и седой парик с черными очками.

После чего Лир беспрепятственно удалилась, ничего не заплатив по все той же указанной выше причине. А продавец в глубине магазина раскладывал товар и даже и не подозревал, что кто-то его обманывает. Так они и разминулись.

Старушка королева в новом наряде шла вдаль по улице, наслаждаясь свободой (полицейский

ждал у мотоцикла указаний начальства и не узнал Лир совершенно) — все было великолепно, однако наступало время второго завтрака, и в животе у королевы заурчало, как будто там работал забуксовавший грузовик. Королева не могла понять, что это у нее за звуки, она никогда в жизни так не урчала. Но при виде первого попавшегося уличного буфета ее поволокло, как на веревке, к булочкам и сосискам.

— Мадам? — спросил продавец, и через минуту Лир, держа в руке бутерброд длиной в полметра, впилась в него своими фарфоровыми зубами с яростью уличной кошки. Для удобства Лир стащила с себя черные очки и парик, так что продавец, увидев лысый череп старушки с зеленой грядкой волос (как будто это вырос укроп), окаменел и замер с протянутой рукой (известно зачем протянутой).

Тут же, из деликатности не глядя в сторону Лир, к киоску набежал народ, а поскольку толпиться без повода в этом королевстве было не принято, то все начали активно покупать булки (тараша глаза в сторону Лир), и продавец вынужден был отвлечься.

А королева, съев половину бутерброда, вернула продавцу недоеденное со словами «Благодарю, лапочка, можете убрать это». Она всегда так говорила слугам.

Продавец почему-то низко поклонился, но сделал вид, что это у него развязался шнурок. Ему было неудобно, но, с другой стороны, и приятно. Какое-то чувство восторга разлилось в его груди, а деньги ерунда!

Королева же, сытая и свободная, стала думать о принцессе Алисе: малышка томилась во дворце под конвоем, а тут шло такое удивительное житье! Надо бы ее вызвать по телефону, подумала королева, однако она никогда в жизни не звонила сама себе во дворец, вообще никогда не набирала номер, это за нее делали другие.

Так что она остановилась в задумчивости, постояла среди жующей с выпученными глазами толпы, затем вздохнула, надела очки и парик и нырнула в первый попавшийся магазин — ей понравилось в магазинах!

Это была лавка новейшей техники. Тут, как позже выяснилось, продавалось все от компьютеров до телефонов — а Лир как раз нуждалась в телефоне.

Продавца опять не было видно нигде.

Лир погуляла среди полок, повертела какие-то штучки, пощелкала тумблерами, и вдруг раздался немыслимый вой. Откуда-то появился жующий продавец, он выключил то, что включила королева, и в наступившей тишине королева произнесла:

— Будьте добры, лапочка... Телефон...

— Вам какой телефон? — спросил, утираясь салфеткой, продавец.

— По которому можно позвонить, — ласково сказала королева.

Продавец понял, что перед ним редкостная идиотка (кому бы в голову пришло спрашивать телефон, по которому НЕЛЬЗЯ позвонить). Но малый не растерялся. Такую клиентку можно было и нужно было надуть.

— По которому можно позвонить?

— Да, в королевский дворец.

— Момент, мадам, у нас как раз такой один имеется.

И он исчез. Лир еще долго торчала перед дверью, за которой он скрылся. Правила, в которых королева выросла, не позволяли ей выходить из себя, и поэтому она простояла ближайšie полчаса вроде солдата на посту, милостиво улыбаясь, прямая, как на параде. Она так ежедневно выставляла, ожидая, когда кончится марш кавалерии и пойдет оркестр или когда все скажут свои речи и можно будет разрезать серебряными ножницами ленточку.

А продавец тем временем искал номер телефона дворца. Если бы он его нашел, то можно было бы продать глупой бабушке какой угодно аппарат за бешеную цену — как тот телефон, который именно один и звонит во дворец.

В этом королевстве среди продавцов иногда встречались нечестные люди, стремящиеся за дешевый товар взять большие деньги.

Наконец через двоюродную сестру, которая была замужем за сыном грузчика буфета парламента (и очень этим гордилась), продавец нашел телефон дворца (он обещал сестре за это продать ее старый компьютер по цене нового).

Вспотевший от переговоров, он наконец выскочил:

— Мадам! Это тот телефон, по которому можно позвонить во дворец. Пожалуйста!

И он торжественно набрал номер.

— Алло! — скромно произнесла королева Лир. — Это вы, Вильгельм? Лапочка, дайте мне кабинет принцессы Алисы. Спасибо. Алло, это

кто? Брунгильда? Дай мне мою девочку. Неважно. Это нестрашно, уроки у нее каждый день. Вы слышите или нет, БРУНГИЛЬДА, алло. Это ты? Алиса, это я! Тут на улице замечательно. Приезжай ко мне. Сообщите ваш адрес, — сказала Лир продавцу. — Так. Улица Булочек, дом десять. Но никому не говори. Выходи из дворца, потом направо, налево, и я тут.

Десять минут Лир провела в магазине, вежливо слушая продавца, который, как ему казалось, уже уговорил ее купить педальный телефон, прибор для ужения рыб на мелком месте, бамбукокосилку, устройство ночного видения в условиях театра, стимулятор аппетита с дистанционным управлением и домашний преобразователь навоза...

На одиннадцатой минуте улицу Булочек огласил вой сирен, и рота мотопехоты ворвалась в магазин. Однако умная старушка Лир еще при отдаленном вое успела смыться на противоположную сторону улицы, причем сняла парик и очки. В таком виде она схоронилась в магазине напротив и через витрину наблюдала нашествие полиции, журналистов и операторов. Алису привезли в черном лимузине размером с волейбольную площадку, принцессу сопровождали две молодые фрейлины, появившиеся во дворце всего сорок пять лет назад (Брунгильда и Кунигунда). Они тут же ринулись в магазин, кто скорее схватит королеву, а Алиса слегка приотстала. Этим и воспользовалась Лир, которая дико заорала с другой стороны улицы:

— Алиса, куку!

Алиса обернулась (куку — это был их боевой клич при игре в прятки на королевской постели) и вскоре уже спокойно переходила улицу среди мотоциклов, бронетранспортеров и полицейских автобусов.

И бабушка увлекла девочку в свой магазин, где не было ни единой души. Королева уже имела опыт и знала, что продавцы — самый редкий и ленивый зверь в городских джунглях. Покупатель должен завлечь этого зверя криком, выманить его к прилавку и заставить взять деньги! Так что никого в магазинчике не было, и одинокие королева и Алиса с интересом наблюдали толчею на улице, прибытие группы вертолетов и полка собак-ищеек, а телевизионщики быстро заняли все остальные свободные места, в том числе и тот магазинчик, где пряталась Лир со внучкой. Оператор нахально попросил Алису поддержать кабель, а бабушке дал в руки ящик с чем-то, тяжелый и грязный, и, когда в магазин заглянули полицейские, они приняли Лир и Алису за мелкий обслуживающий персонал, потому что на них обеих в этот момент орал администратор, упрекая Лир в том, что она разбила оборудования на миллион (дело в том, что Алисе надоело держать кабель и она бросила его на пол, а бабушка через него переступила, но не полностью, и немного зацепилась каблуком и т. д. На полу лежал ящик, почти неразбитый, а когда оператор взял его в руки, внутри раздалось мелодичное дребезжание, как у старых часов во дворце).

— А штырь где, девочки? — орал оператор. — Где теперь штырь? Отдайте штырь, дуры!

Полицейские, слыша такую ругань, деликатно удалились.

Что касается Лир, то она никогда не слышала такого слова как «дуры» и нимало не обиделась, а сказала Алисе:

— Детка, они, как мне кажется, потеряли какой-то штырь дуры, если я не ошибаюсь.

— Но, бабушка, у меня, как мне кажется, его нет! Если я не ошибаюсь!

— Куда ты его заныкала? — вопил оператор.

— Если мне не изменяет память, ты его не заныкала? — спросила Лир свою внучку, и когда та отрицательно затрясла головой, бабка ласково сказала оператору:

— Если я не заблуждаюсь, мой друг, она не заныкала ваш штырь дуры. Поищите его в другом месте, дорогой.

На крик оператора откуда-то вылезла утомленная продавщица.

— Лапочка, — сказала королева, — нам нужен какой-то выход. Тут все оцеплено полицией.

Продавщица молча повернулась и пошла, а царственные бабка с внучкой последовали за ней и в результате выбрались на соседнюю улицу Коровий Брод черным ходом.

Продавщице очень, видимо, хотелось уйти из магазина вместе с ними, но она пересилила себя и вернулась на место работы.

А принцесса и Лир пошли куда глаза глядят по улице Коровий Брод, они осматривали прохожих, витрины, трижды заходили в магазины и переодевались там во все новое, и их там никто не останавливал: повторяю, в этом королевстве было ограниченное количество воров, Ферди-

нанд и пять штук других, да и то Фердинанд в данное время находился в полицейском участке, куда принес заявление об угоне мотоцикла.

Так Лир и внучка гуляли до вечера — что может быть приятней неторопливой ходьбы по магазинам!

Причем бабка, как более опытная, при каждом переодевании прятала в новый карман волшебную карточку сына, заметьте!

К шести вечера внучка оказалась одетой в тельняшку и кожаные штаны, при этом она выступала на высоких каблуках, а в руках она держала хохочущую куклу: при каждом нажатии на живот эта кукла заливалась бешеным смехом, в котором ясно слышался испуг и даже ужас. Алисе очень нравился этот жуткий хохот, она никогда ничего такого не слышала во дворце, и поэтому принцесса почти все время нажимала на живот кукле.

Что касается Лир, то она переделалась в миленький красный костюм, который она бы никогда раньше не осмелилась надеть: он был весь в золоте, а декольте такое глубокое, а юбка такая короткая! Старушка Лир почувствовала себя молоденькой глупышкой, особенно когда напялила на себя кудрявый соломенного цвета парик, черные очки и сверху ковбойскую шляпу с дырочками!

Кудри совершенно заслоняли лицо и шею, и это было волшебное ощущение, и королева в своих бархатных сапогах шла как юная балерина, а рядом ковыляла на высоких каблуках Алиса Четырнадцатая с дико хохочущей куклой: парочка была просто загляденье!

Правда, на выходе в дверях очередного универмага раздался заунывный вой: это включилась сирена. То есть это был сигнал, что из магазина выносят неоплаченные вещи (а Лир всегда так и поступала). Однако охранник даже не стронулся с места: покинешь пост, станешь ловить вора, поймаешь, поведешь к директору, а тем временем другие воры выгребут из магазина вообще все!

Это был ловкий, известный всем прием, и охранник с мудрой улыбкой проводил взглядом двух дам, одна из которых, вся завешанная золотыми кудряшками, буквально верещала от смеха, при этом делая вид, что спокойно идет! А другая терзала двумя руками куклу, как будто хотела ее придушить.

Правда, охранник погрозил двум воровкам своей дубинкой, подняв ее вверх, и вот тут Лир по-настоящему испугалась:

— Алиса, бежим, он нас узнал и воздает нам королевские почести, приветствует жезлом!

Тут же они выскочили на улицу и помчались по Коровьему Броду, толкая прохожих с криком «извините, дорогая» и «о, простите, лапочка».

Километра через два они пошли медленно. Тем временем наступал вечер.

У Лир в животе опять завелся мотор, как будто его прогревали с мороза, а у Алисы позванивало и пищало, и, разумеется, они остановились около торговца пирожками.

Это был бедный и неумелый продавец, он первый раз вышел на улицу с корзиной — его жена напекла пирожков со всякой дрянью и выгнала

мужа торговать, приговаривая «без тысячи домой не являйся!».

Хозяйка, кстати, начинила свои изделия вареной яблочной кожурой и полусырыми зелеными листьями капусты, которые обычно люди выкидывают.

Продавец искренне считал поэтому себя нечестным человеком, а если кто плохо относится к самому себе, то он так же плохо обращается с другими, известный эффект. Короче, продавец видел во всех покупателях воров и громко и злобно кричал: «А вот кому пирожки с экологически чистой начинкой! Ни грамма сахара (что было чистой правдой), ни капли жира (тоже не соврал), мука грубого помола (т. е. отходы для скота), ура!»

Он орал, а покупатели, спеша с работы, хватили горячие пирожки, но стеснялись их есть на улице, уносили домой. В этом королевстве не принято было есть в постороннем окружении, а вдруг рядом находится голодный прохожий, у которого могут возникнуть неприятные чувства от чужого чавканья! В таком состоянии и убить можно.

Короче, обманутые покупатели разбежались кто куда, а вот обе королевы взяли из рук продавца последние пирожки якобы с капустой и тут же начали их пожирать.

— Але! — сказал, скосоротившись, продавец, — а деньги? Девочки!

— Алиса, — заметила Лир, — ты не находишь, что эти пирожки чем-то напоминают такой материал для горшков, я не помню, кажется, называется сырая глина?

— Горячо сыро не бывает, — обозлился продавец. — Гони монету, бабуля.

— Я опасаюсь, что вы правы, бабушка, — отвечала внучка, вытаскивая изо рта размокший кусок бумажного шпагата, сваренный по ошибке вместе с капустой.

— Я боюсь, что нам придется вернуть вам ЭТО, дорогуша, — сказала бабушка, с трудом отлепляя от своего роскошного фарфора кусок сырого теста. — Держите, держите. Съешьте ЭТО в любое свободное время.

Алиса же просто плюнула на газон кусок пирожка с веревкой.

Что касается продавца, то он оскорбился и закричал перекошенным ртом:

— Вызываю полицию!

— Да-да, вы правы, — сказала Лир, освобождая челюсти от кусочков теста с помощью мизинца (а что делать, мы не во дворце же!). — Этим должна заняться полиция.

Продавец помчался к телефону-автомату, но он не учел одного момента: обе дамы не знали обычаев данной страны — что если вызвана полиция, то ты обязан стоять не шелохнувшись возле места твоего преступления!

Короче, наши путешественницы, заметив, что продавец закрылся в автомате, тут же очень быстро пошли вон и вскоре скрылись в туманных далях улицы Коровий Брод.

Полиция приехала к продавцу через час (вспомним, что все машины и сотрудники этого учреждения толпились около улицы Булочек, дом 10, ища Лир).

К этому моменту продавец был уже побит собственной женой, которая пришла его проверять и недосчиталась денег за две штуки пирожков. Он стоял злой и обиженный с синяком под глазом и тут же заявил полицейским, что его избили и ограбили две шлюхи, одна из них молоденькая кудрявая в красном платье, лица не разглядел, а другая лилипутка в матросском наряде и на каблуках, которая все время хохочет как ненормальная.

— А-га! — сказал полицейский, — только что звонили из магазина «Меха», что пара грабителей оставила на полу красный костюм и кожаные штаны с тельняшкой. А есть какие-нибудь следы?

— Вон следы, — обрадовался продавец. — Они плюнулись моими пирожками!

Полицейские тут же собрали вещественные доказательства с газона, прихватили продавца как свидетеля и бросились в магазин мехов.

А Лир с Алисой давно уже оттуда смылись и, посетив по дороге одно мужское кабаре, решили прерваться и теперь сидели в пивной, то есть завернули в первые попавшиеся двери отдохнуть от приключений.

Там они сказали, что очень хотят пить.

Но надо знать, куда ты заходишь!

Официант принес им по кружке пива, чего же еще ждать от официанта пивной.

А надо сказать, что во дворце пиво дамам не подавали никогда!

И из-за этого все в дальнейшем сильно осложнилось.

Бабушка с внучкой накинулись на пиво, дружно сморщились, но побоялись оскорбить официанта и не сделали ему замечания, что ваш лимонад слегка горчит, не кажется ли вам!

Кроме того, младшая дама заказала «вон ту штуку», а старшая сказала: «Да, пожалуй, и мне, дорогой мой».

Официант принес парочку сосисок.

Дамы отважно хлебали из своих кружек, съели сосиски и дружно сказали:

— Еще раз вон ту штуку.

Официант шел на кухню оборачиваясь. Еще бы! По виду это были совершенные японки в кимоно, с черными как бы лакированными прическами. А вот глаза у обеих были круглые и голубые. Как странно!

— Еще сосисок! — сказал официант на кухне. — Эти японки вообще не знают как называются сосиски и что такое пиво! Но выучили наш язык в совершенстве! И так вежливо разговаривают! Меня называют «дорогой».

— Японки! — многозначительно ответил повар.

— А глаза у них голубые, видал что творится? — воскликнул официант.

— Так они линзы вставили, — догадался повар. — В Японии все могут.

— А круглые глаза-то, — сказал официант, принимая горячие сосиски.

— Пластическую операцию сделали? — изумился повар. — Они на все способны, японцы.

— Вот ты умный, — сказал официант, — а я не понял.

Правда, когда он принес своим клиенткам «вон те штуки», они уже сидели опустив головы, при этом глаза у них были совершенно японские, узенькие.

«Во дают, — подумал официант. — Теперь они косые!»

Бабушка с внучкой действительно сидели как настоящие японки, в кимоно и в черных париках, только как японки засыпающие. Они с трудом, промахиваясь мимо рта, стали есть по второй сосиске, но не доели. Практичная Лир спрятала свою сосиску в карман на всякий случай.

Это был самый конец их приключений, а перед этим, как мы уже сказали, наших дам занесло в магазин «Меха для новобрачных», где они переоделись в роскошные шубки, а затем они свернули в кабаре, где выступали мужчины с программой «Танцы девушек мира», но королева Лир и принцесса Алиса вошли туда по ошибке со служебного входа и попали прямо в коридор за кулисами, где на вешалке висели приготовленные для артистов костюмы. И путешественницам так понравились первые с краю халатики и парички, что обе мгновенно переоделись, оставив на полу два меховых пальтишка — одно из серебристых горных лис, другое из пуха розового фламинго.

Костюмеры сразу прибрали оба манто подальше, а насчет пропажи дешевых кимоно и париков даже и не стали заявлять в полицию, мало ли что бывает! Ну не будут японские девушки сегодня танцевать, да и какие это девушки, если честно говорить, — перед выступлением бреют мало того что лицо, но и горловину вынуждены по-

чти до пояса, и руки и ноги, а спины им бреют костюмеры, одну японку зовут Герберт, другую Владимир, обе японки эти женаты, просто артист должен же зарабатывать хоть как-то, хоть в виде тетки.

Так что меха исчезли навеки, кимоно и парики тоже.

Таким образом, полицейские появились в телевизионных новостях с ошибочным сообщением, что в районе улицы Коровий Брод разгуливает парочка грабительниц в дорогих манто (из лис и фламинго), причем на их счету многое, чувствуется, действуют опытные зарубежные группировки, колумбийские женщины-боевики или, о ужас, русская мафия.

За этой мафией числится: угон мотоцикла, кража кожаной куртки, белых джинсов, парика, сапог и очков, затем кража тельняшки, кожаных штанов, красного костюма и белокурого парика, шляпы, а также двух пирожков с начинкой из вареных веревок (эксперты изучили вещественные доказательства) плюс похищение двух меховых пальто и одной куклы.

— Неслыханное преступление, — заявила полиция, — за это ворах полагается в общей сложности пожизненное заключение плюс еще сорок пять лет ссылки, а также лишение водительских прав и лишение права, сидя в тюрьме, смотреть по телевизору на королевскую семью!

Официант, который ухитрился и обслуживать столики, и смотреть на экран, ахнул и сказал обоим японкам (с очень уже косыми глазами):

— У вас в Японии воруют?

— Простите? — откликнулась Лир, находящаяся под большим впечатлением от бокала пива и ошеломленная передачей по телевизору. Неужели это их с Алисой ищут?

— У нас вот воруют по-черному, — сказал официант. — У нас в королевстве.

— Сомневаюсь, что я вас поняла, — отбрила Лир официанта. — Еще, пожалуйста, две штуки вон того. Аудиенция окончена, ступайте, детка.

— О японская мать! — воскликнул официант, кланяясь. — Ну все для вас сделаю.

Это обещание он вскоре выполнил, поскольку обе японочки заснули головой на стол, и пришлось их вести к такси и сопровождать в гостиницу «Две звезды», где обычно ночевали самые нестойкие посетители пивной.

Утром этим посетителям, как правило, подавали счет (пиво, такси, гостиничный номер, разбитое зеркало, врач, перевязочный материал, перевязочный материал доктору, перевязочный материал ночному портье, сиделка у постели до утра, вооруженная пистолетом, в мундире и при фуражке и т. д.).

Официант был уверен в том, что японки не подведут в смысле денег: из кармана кимоно у старушки выглядывал уголок королевской кредитной карточки, так что официант сам сопровождал своих клиенток в гостиницу и добился для них самого лучшего номера.

На следующий день Лир проснулась в каком-то странном месте: не было золотых зеркал, постели оказались без балдахинов, вместо ковра лежала какая-то лысая тряпка... Ни одной спящей фрейлины, нет служанок и оркестра за ширмой,

голову что-то стягивает, но явно не корона, во рту вкус немытой железной вилки (королева один раз ела такой вилкой во время визита в хижину бедняка на острове Туруроа, этот бедняк был местный царь).

На соседней кровати в парике, кимоно и башмаках спала бедная Алиса.

«Боже мой, — подумала Лир, — мы в тюрьме!» Она все тут же вспомнила и поняла, что их с Алисой осудили на пожизненное заключение!

— Алиса, вставай! — железным и острым, как вилка бедняка, голосом завопила Лир. — Ты арестована!

В дверь грубо постучали.

— Не кажется ли тебе, Алиса, что нас идут казнить? — продолжала гордая королева. — Встань! Встретим их как подобает! Казнь всегда бывает на рассвете! Сейчас как раз одиннадцатый час утра!

Алиса сказала:

— Ой, бабушка, мне неохота вставать в такую рань... Пусть казнят меня лежа...

В комнату вошла тетенька с пылесосом:

— Алле! Разрешите?

— Мне о вас не докладывали, — сказала Лир.

— Я хочу убраться.

— Убирайтесь, моя милая, и немедленно, — заявила Лир.

Тетенька кивнула, включила пылесос и стала носиться по тюремной камере с ревом и грохотом.

Когда она скрылась в ванной и начала там лить воду и стучать щеткой, Лир воскликнула:

— Надо срочно бежать! Она забыла запереть камеру!

Они тут же выскочили в гостиничный коридор и помчались куда-то, нашли лестницу и вихрем скатились вниз, прямо к стеклянным дверям.

— Стойте! — закричал портье. — Стойте!

Он кричал не просто так, клиентки не заплатили ни за ночлег, ни за побитые зеркала (портье как раз фантазировал, вписывая количество покалеченной мебели и порванных полотенец в счет, уши его горели).

Однако Лир и Алиса выпрыгнули из гостиницы и тут же вскочили в отходящий автобус.

Шофер увидел в зеркальце двух румяных японок и стал ждать, когда они подойдут купить билеты (в этой стране было принято стоять в очереди к водителю с целью отдать ему деньги за проезд).

Японки, тяжело дыша, подошли к шоферу, и старшая на прекрасном местном наречии (хотя и несколько старомодным языком) сказала:

— Здравствуйте, дорогой мой! Доложите мне, лапочка, где тут находится дворец?

— Дворец? — задумался паренек, ведя свою тяжелую машину. — Вам дворец спорта?

— Если я не ошибаюсь, нет, — сказала Лир вежливо.

— Или дворец бракосочетаний?

— О, не думаю, — улыбаясь, ответила Лир.

— Или дворец культуры имени Пьера Великого?

— Не уверена, дорогой, — торжественно произнесла Лир. — Боюсь, мне нужен королевский дворец.

— Западный монастырский, что ли?

— Опасаюсь, что именно так.

— А что вам там надо? — весело спросил шофер.

— О, ничего особенного, — улыбаясь, возразила Лир. — Вы нас туда не отвезли бы, котенок? К четырнадцатому подъезду. Вы не пожалеете, мой милый.

— Четырнадцатый подъезд — это не мой маршрут, — от души смеясь, сказал шофер.

— Я повелеваю вам, — беспомощно, но с угрозой в голосе произнесла Лир.

— Исключено, мадам, — весело ответил водитель.

— Вы пожалеете об этом, — провозгласила королева Лир. Она имела в виду, что не наградит его орденом Синего Носка, как намеревалась.

Тут старушка вспомнила про волшебную карточку, с которой никогда не расставалась. Может, показать ее шоферу?

И Лир полезла в карман кимоно, где, как оказалось, у нее лежала почему-то вчерашняя недоеденная, совершенно окоченевшая сосиска.

Лир смутилась и стала выуживать карточку, минуя сосиску.

И сквозь карман кимоно явственно проступили грозные очертания продолговатого округлого предмета, похожего на дуло.

Шофер был зоркий паренек. Краем глаза уловив решительные движения японской бабушки и выступающее сквозь шелк дуло, он сказал:

— Куда едем?

— Четырнадцатый подъезд, если можно. Сразу за конной статуей моего дедушки!!!

Королева уже говорила с шофером голосом этого самого дедушки, воинственного генерала: в минуту опасности он срывался на визг, который разносился по всему полю боя (мегафоново раньше не было!).

Лир дико была испугана. Дело заключалось в том, что Алиса давно толкала ее в бок, приглашая оглянуться: за автобусом ехала полицейская машина со включенной мигалкой, и там из окошка махал рукой гостиничный дежурный!

— Хорошо, мадам, не волнуйтесь так, мадам.

Бабушка кивнула и рявкнула голосом своего прославленного деда:

— Быстрее! Как можно быстрее!

И она с еще большей нервностью затрясла карманом кимоно, ища проклятую карточку.

— О, не надо волноваться! Это недалеко! — завопил встревоженный водитель, кося глазом на пляшущее под шелком кимоно здоровенное дуло. — Сейчас!

Полицейская машина тем временем вырулила среди потока транспорта и помчалась на обгон автобуса.

— Еще быстрее! Вперед, мой мальчик! — гаркнула королева.

Алиса, слыша, что полицейская машина включила сирену, вцепилась в живот своей куклы, и жуткий хохот перекрыл все окружающие звуки.

Бедный шофер втянул голову в плечи, вторая японка за его спиной была к тому же и сума-

сшедшая, так дико смеяться! Это надо подумать!
У нее прямо истерика! Застрелят как зайца!

И водитель поступил так, как поступают все люди, стремящиеся уйти от опасности: он помчался на своем автобусе вперед как ошалевший мамонт. Он загудел, затрубил, и все машины впереди свернули с дороги.

Пассажиры автобуса вцепились в свои кресла, а некоторые даже легли на пол.

— О, браво, лапочка! — перекрывая бешеный куклин хохот, вой сирены и клаксон автобуса, воскликнула Лир.

Гремя как таратайка, автобус поехал на красный свет, пересек площадь и нацелился в открытые ворота дворца.

У ворот мирно стояли гвардейцы в медных касках с перьями.

При виде автобуса они заметались, но королева и Алиса нагнулись и приветственно помахали руками.

Гвардейцы оцепенели.

— Так, теперь направо... Нам сюда, дорогуша, — милостиво сказала Лир.

Шофер затормозил своего мамонта у подъезда и открыл дверь.

Королева спросила Алису:

— Тебе понравилось, детка?

— Боюсь что да, — ответила Алиса.

— Когда-нибудь еще погуляем, а? --- произнесла шепотом Лир, и Алиса сдержанно кивнула.

Шофер автобуса, бледный, наблюдал за тем, как к японкам со всех сторон бегут люди в мундирах, камзолах, халатах, ливреях, как вываливаются из этого четырнадцатого подъезда дамы

в декольте и со шлейфами, как они приседают, как трубят музыканты, бьют в барабаны, как ведут японскую девочку две пожилые тети и как они падают в обморок при звуках бешеного механического хохота, который вырывается у этой юной японки из груди, к которой прижата кукла...

— Ах да, — сказала, возвращаясь к автобусу, старая Лир (при этом она стащила с головы ненужный японский парик и обнажила свою лысину с грядкой зелени, и шофер побагровел и покрепче уселся на сиденье, вцепившись в рычаг), — ах да, этому милому человеку надо дать орден «Львиная грива за спасение королевы» и орден «Кошачьи усики за спасение принцессы». Запишите, Вильгельм!

И при этом она зорко, как ястреб, посмотрела за ворота, где остановилась полицейская машина...

ДЕВУШКА НОС

В одном городе жила очень красивая девушка по имени Нина. У нее были золотистые кудрявые волосы, большие синие, как море, глаза, огромный нос и прекрасные белые зубы. Когда она смеялась, казалось, что светит солнце. Когда она плакала, казалось, что падает жемчуг. Одно ее портило — большой нос. Однажды Нина собрала все деньги, какие у нее были, и пошла к врачу. Она сказала:

— В этом городе у меня никого нет, я сама зарабатываю себе на жизнь, а мои папа и мама живут далеко, и я не могу у них просить денег, они и сами небогатые. Вот все мои деньги. Сделайте мне маленький нос! Когда я родилась, мои родители совершили ошибку и не позвали на праздник старого колдуна, который жил в лесу. Как только он узнал, что его не позвали, он страшно обиделся и сказал, что сделает мне очень важный и ценный подарок. И с этих пор у меня стал расти нос. Когда мои родители пошли упрашивать колдуна, он сказал, что, если у меня будет маленький нос и я стану красавицей, меня полюбит любой подлец, а так меня полюбит единственный человек в мире. И потом он сказал моим родителям: «Посмотрите на себя! Ведь вы нормальные некрасивые люди и никогда не заботились

о своих носах!» Мои родители ответили: «Но она ведь у нас растет красавицей, ее жалко!» Но волшебник ничего не сделал для меня. Теперь я выросла, я работаю парикмахершей, я хороший мастер, ко мне стоит очередь. Но счастья у меня нет. Врач сказал ей:

— Я тут бессилён. Поедете в другой город, там живет волшебник, может быть, он вам поможет.

Девушка поехала в другой город. В одном купе с ней ехал бедно одетый молодой человек, который читал толстую книгу. Он не обратил на Нину никакого внимания. Однако ночью поезд сильно тряхнуло, и во сне Нина упала с верхней полки. Она потеряла сознание и очнулась на руках у молодого человека. Он сказал ей:

— Хорошо, что я не спал и успел вас поймать.

— Спасибо вам, молодой человек, — сказала Нина вставая. — Если хотите, приходите ко мне в парикмахерскую, я работаю на главной площади, я вас постригу и побрею.

— Нет, я сам стригусь раз в полгода большими овечьими ножницами и подравниваю бороду. Спасибо.

— Ну, тогда, — сказала Нина, — приходите ко мне просто выпить чаю.

— Спасибо, чай я люблю пить в одиночестве, — ответил молодой человек и стал читать свою книгу.

— Ну тогда просто так приходите, — сказала Нина.

— Просто так я не приду, — ответил молодой человек, — мне некогда.

Тем временем поезд уже прибыл в другой город, и Нина отправилась к волшебнику. Это оказался симпатичный молодой человек с черной бородкой и в очень красивых темных очках. Он сказал, что может помочь Нине, но за это потребовал большой палец ее правой руки. Нина согласилась, стала невероятной красавицей, но без одного пальца. Когда она вышла на улицу, прохожие начали останавливаться, машины загурделли, а молодые люди пустились провожать Нину до самого вокзала. В поезде ей уступили нижнее место, принесли несколько букетов роз, лимонад и много коробок шоколада. Когда она приехала в свой город, повторилась та же картина, и за Ниной поехала машина графа, который, опустив стекло, умолял Нину из окна выйти за него замуж. Но Нина не села к нему в машину. Целыми днями она теперь бродила по городу, надеясь разыскать того молодого человека из поезда. Работать парикмахером она больше уже не могла, поскольку на правой руке не хватало главного рабочего пальца, но немного денег у нее было, так что она целыми днями ходила по городу, а за ней всюду следовала машина графа. Каждый день Нину приглашали на балы, она была объявлена королевой красоты города, а некоторые думали, что и мира. Но никто не знал, что у нее не осталось денег и она ест один раз в день — вечером, на балу, кофе с мороженым. Наконец она не выдержала и устроилась работать уборщицей, скопила денег и поехала опять в другой город к волшебнику.

Она сказала ему:

— Возьмите все мои деньги, но скажите мне, где найти моего милого, того человека из поезда.

— Хорошо, — сказал волшебник, — возвратите мой нос и возьмите прежний, тогда скажу.

— Нет, — ответила Нина, — просите что хотите, только не это.

— Ладно, — сказал волшебник, — придется взять у вас еще один палец на правой руке, теперь указательный.

— Хорошо, — ответила девушка не задумываясь.

— Адрес его такой: он живет в вашем городе, улица Правой руки, дом два, на чердаке. Поторопитесь!

Нина помчалась на вокзал, приехала в свой город и разыскала тот дом. Она вошла к своему милому на чердак и спросила:

— Вы меня узнаете?

— Нет, — сказал он.

— Помните, вы еще меня подхватили на руки, когда я упала с верхней полки.

— Нет, это были не вы, — ответил ее милый. — У той девушки было совершенно другое лицо. Она была такая смешная!

Нина не знала, что ей еще сказать, и ушла. Но каждый день она приходила на улицу Правой руки, чтобы взглянуть на окошко молодого человека. Нина теперь постоянно носила перчатки, снимая их только ночью при мытье лестниц. Ее по-прежнему приглашали на балы, дни рождения и городские праздники, машина графа все так же ездила за ней, и граф два раза в месяц делал ей предложение выйти за него замуж. Но Нина не соглашалась и отвечала так:

— Мало ли какой вы окажетесь человек. Сейчас вы готовы сделать для меня все, а потом вы окажетесь ревнивым или скупым, будете меня попрекать куском хлеба. Мало ли...

Но вот однажды ночью, убрав лестницы, Нина пришла взглянуть на окно молодого человека и увидела, что занавески задвигает какая-то старушка вся в черном. Не помня себя от страха, Нина взбежала на четвертый этаж и позвонила в чердачную дверь.

Ей открыла та самая старушка в черном.

— Что вам надо? — спросила она.

— Что с ним случилось? — спросила Нина.

— С кем?

— Ну, с молодым человеком, не знаю, как его зовут. Он здесь живет.

— А вы кто ему будете? — спросила старушка.

— Он меня однажды спас в поезде, — ответила Нина.

— Ну, тогда проходите. Он очень болен.

Нина вошла в комнату на чердаке и увидела своего милого, который лежал под одеялом и тяжело дышал.

— Кто вы? Я вас не знаю, — сказал он. — Вы не та, за кого себя выдаете.

— Что с вами? — спросила Нина.

— Я заболел после тех занятий в подвале библиотеки. Я, видно, слишком много узнал. Но вас это не касается. Я скоро умру.

Старушка кивнула.

Нина выбежала вон, села в ночной поезд и приехала в другой город к своему волшебнику.

— Я ничем не могу вам помочь, — сказал волшебник.

— Я вас прошу, — заплакала Нина, — спасите моего милого! Возьмите что хотите, возьмите правую руку, я могу мыть полы левой.

— Я возьму обратно мой нос, — сказал волшебник.

— Берите и спасите моего милого, — ответила Нина.

И в тот же момент она стала такой, как была. Выйдя на улицу, она не встретила ни одного восхищенного взгляда. Никто не остановился при виде ее, никто не увязался провожать, ей не подарили ни одной розы. В поезде она не получила ни одной коробки конфет. Когда она приехала в свой город, она увидела автомобиль графа, но граф не заметил ее, хотя она была одета, как всегда, в серое платье, и на ней были мягкие серые туфли и серая шляпа.

Нина побежала на улицу Правой руки, взлетела на четвертый этаж и вошла в комнату своего любимого. Он сидел на кровати и пил пиво.

— А, это вы! — воскликнул он. — Приятно снова вас увидеть. А то тут приходила какая-то девица и выдавала себя за вас. Но меня не обманешь. Смешней вашего лица я не видел нигде. Вас так легко не забудешь.

Нина засмеялась и заплакала сразу. И в комнате как будто вспыхнуло солнце и засияли жемчуга.

— Что вы плачете? — поинтересовался молодой человек. — Не хотите ли выйти за меня замуж?

Нина ответила:

— Я ведь не та, что была.

И она стащила серую перчатку с правой руки.

— Это? Это ерунда, — сказал молодой человек. — Меня зовут Анисим, и я врач. В той библиотеке я прочел все, включая самую последнюю книжонку на сыром полу подвала. Я не хотел бы прочесть ее снова, — добавил Анисим и потянулся к полке, на которой стояли микстуры, капли и бутылки с таблетками. — Вот, примите.

Нина приняла маленькую ложку лекарства, и ее правая рука стала такой же, как прежде.

— Я только возвращаю то, что было, — сказал Анисим громко, — и ничего больше.

И Нина вскоре вышла замуж за своего милого Анисима и родила ему множество смешных детей.

ВЕРБА-ХЛЕСТ

Жил-был один слуга.

И ничего плохого в таком звании нет, работа как работа.

Тем более что этот слуга был самым первым слугой в государстве, приближенным Короля, и звали его Первый.

Король был, как все короли, обыкновенным человеком: явно не дурак, но и не академик. Не урод, но и красивым его нельзя было назвать даже на параде при мундире, что делать!

Как говаривала его нянька: «Король лучше пня елового — уже хорошо».

Но вот Первый должен был быть умным, иначе как же править королевством! И по стечению обстоятельств он был к тому же еще и красивым, да и добрым тоже.

Бывают такие совпадения.

Ну, и как слугам полагается, он отличался скромностью. словно бы специально выращивали.

И конечно, он многим поэтому не нравился.

И прежде всего он не нравился Королеве, которая, как это и полагается, сама считала себя первым лицом в государстве, раз Король рылом не вышел.

Королева была как в сказке, красотка на длинных ногах, ее и выбирали за красоту: в мыслях о потомстве.

(Между прочим, совершенно не учитывая при этом, что у нее было тяжелое детство, так как мамаша порола ее ивовым прутом в некоторых случаях, приговаривая: «Верба-хлест, бей до слез». И мамаша выбила у девочки все — доброту, нежность, кротость, жалость и чувствительность. Осталось все остальное, что бывает у вредных, злорадных детей.)

Что у нее была за мамаша, неизвестно, дело происходило на другом конце света: может, ее тоже колошматили.

Может, это была такая дикая семейка.

Короче говоря, Королева была настоящая выдра, но все-таки красотка. И на парадах и церемониях, открытиях олимпиад и теннисных состязаний Королева смотрелась великолепно рядом со своим замухрышкой супругом.

Вообще, говорили в публике, если кто и найдется под стать Королеве, то это только Первый. Прекрасная пара: зловещая Королева и мягкий, великодушный слуга, и оба красавцы.

Народ с удовольствием смотрел по телевизору, как Первый благородно поддерживает нервную Королеву под локоток, подсаживая ее в карету, и тетки вздыхали, каждая представляя себя на месте Королевы: собственно говоря, а что в ней такого?

Если любую тетку отволочь в косметический кабинет да в парикмахерскую, да на месяц на Багамские курорты, да кормить по науке, да сделать

пластическую операцию в Бразилии — то ого-го еще, неизвестно кто кого!

То есть женщины не верили в природную красоту Королевы, и правильно делали.

Если и ноги удлиняют, и носы убирают, и глаза вставляют, а волосы тем более, то вся остановка только за деньгами, девочки!

Так что народ не верил своей Королеве, не переваривал Первого и благодушно относился к дураку Королю, который изо всех наук освоил только науку анекдота и даже записывал их все в амбарную книгу под номерами.

Кстати, Королева так и не родила Королю наследника, причем все рассчитала правильно, а то бы не миновать этому несчастному ребенку (сыну упомянутых чудных родителей) тоже розги, моченой вербы, и мало ли какие могли бы быть последствия для не особенно умного народа данного государства.

Король же, поскольку он был не дурак, как мы уже говорили, то он пил, ел и гулял в свое удовольствие, и потому единственную личную королевскую обязанность — чтение речей по бумажке — он выполнить иногда был не в силах, то есть грамотно прочесть то, что ему написал Первый.

Вместо этого он вдруг оживлялся и рассказывал анекдот, и все вокруг смеялись как дети и были очень довольны, поскольку каждый чувствовал себя намного умнее Короля.

Все ликовали и рассказывали друг другу теперь уже анекдоты про Короля.

Ведь королей не выбирают, как не выбирают пап и мам — какие детки, такие у них и родители.

И государство благоденствовало.

А Первому доставалось от граждан за все промахи, и вообще его жизнь была не слишком радостная — он рано овдовел и теперь жил с двумя малыми детьми, хотя он тоже не унывал и много работал.

Во всяком случае, Король ему не мешал, Король был всеобщим любимцем за границей — он быстро забывал все, даже мелкие обиды, наносимые ему другими королями на совещаниях и конференциях.

В ответ он рассказывал очередной анекдот, и все вокруг заливались смехом.

Поэтому страна ни с кем не воевала.

Или это была заслуга мудрого Первого — кто там разберет.

После первой же рюмки Король лез обниматься и целоваться — однако только не с Королевой, только не с ней. С супругой он виделся исключительно на парадах и церемониях, так как искренне ее боялся.

У нее были длинные острые ногти, большущие зубы и стальные от постоянных занятий спортом ноги.

Руки у нее тоже были длинные и сильные, и Королева запросто побивала любого местного чемпиона по карате, да никто особенно и не сопротивлялся, ни женщины, ни тем более мужчины, еще чего.

Она даже любила заглядывать в клетку к одному опасному сумасшедшему, к Злодею, который убил пять человек просто потому, что они в поздний час шли по улице, ночью надо спать, твердил он убивая, должен же быть порядок!

Таким образом этот человек решил воспитать народ, который шлялся у него под окнами и мешал отходу ко сну.

Его не казнили, добряк Король был против смертной казни, или это его слуга Первый подложил ему на подпись такой указ, об отмене государственного убийства убийц.

Держали сумасшедшего Злодея в особой клетке, просторной, со всеми удобствами.

Он там сам у себя убирал, держал все в идеальном порядке.

Единственно что: Злодей сидел на цепи, чтобы охранники могли входить в клетку по разным делам — то ввернуть лампочку, то починить телевизор; а на крайний случай, если, к примеру, узник, обидевшись на плохое обслуживание или запах, допустим, чеснока (а также чего другого), не захотел бы порешить охрану одним ударом, цепь можно было укорачивать по желанию, держа заключенного на короткой привязи.

Клетка эта располагалась на самом верхнем этаже Дома скорби, в самом далеком коридоре.

Туда-то и любила заходить Королева, обсуждая со Злодеем разные передачи телевидения и вопросы воспитания народа.

Она восхищалась его твердостью и смелым характером, которому не было бы преград, если бы не клетка.

Сам Дом скорби ничем особенным не отличался, обыкновенная психушка с обыкновенными больными, несчастными людьми, которые считали себя кто Наполеоном, кто зернышком, а кто и будильником.

Была также целая палата лысых Лениных.

Королеву они все искренне смешили, но быстро надоедали ей своими слезами, просьбами отпустить на волю и сумасшедшей ревностью (Королева почему-то не любила, когда ее кто-нибудь любил, хотя она также не выносила, если кто-то не выносил ее самое, такая это была странная женщина).

А как раз Первый искренне, с первого взгляда, ненавидел Королеву.

Он ее не боялся, но она ему сильно вредила, после того как однажды на празднике в парке он отказался пойти с ней в известную беседку под названием «Грот Венеры».

Он отказался грубо и наотрез.

И удивленная Королева через своих шпионов вычислила: он просто трус, ему, видимо, донесли, что в этом гроте нечисто.

Действительно, там иногда под утро приходилось убивать и сбрасывать потом трупы в речку, что же делать!

Кроме того, может быть, у него были сведения, что в этом гроте всегда заготовлена охапка моченых розог для порки под названием «Верба-хлест».

Королева не знала, что Первый просто брезговал ею, как иногда люди брезгуют пауками и гадюками.

Королева, получив отказ, кротко кивнула, но затем начала строить против Первого жуткие козни.

Кто-то даже заранее подпиливал ножки у его стула на торжественных обедах, которые транслировались по телевидению, чтобы он

грохнулся на глазах у всех, и одну камеру специально ставили за его спиной.

Так бы было смешно!

И это прямо перед выборами.

Но у Первого была верная, преданная охрана, которая все видела, и как только этот стул бывал специально принесен, так же быстро он бывал и унесен.

То она посылала корзины тухлых яиц (собственноручно воспитанных в удушливом воздухе Грота Венеры) — специально расставлять их по маршруту следования машины Первого.

Вот стоит корзина с яйцами, никому не нужная, хозяина нет, а мимо едет нелюбимый населением Первый.

Все было сделано во имя народа, для блага народа, однако все до единой корзины с яйцами оказались украдены задолго до нужного момента неизвестно кем.

А неизвестно кто — это и есть народ.

И никогда не угадать, что для него благо, а что нет.

— Вот бы, — говорила Королева с тоской Злодею в клетке, — вот бы начинить каждое тухлое яйцо взрывчаткой, вот бы они зажарили омлет у себя на кухне, кровавенькая бы вышла жарёха!

Королева, правда, утешилась, представляя себе, какую вонючую яичницу приготовили себе похитители!

А насчет взрывчатки Королева даже как-то не спала ночь, все придумывая способ фаршировки яиц порохом, однако поскольку Королева в свое время училась из-под палки (из-под розги,

посредством которой мать как раз хотела привить доченьке любовь к учебе) — то ничего придумать она так и не смогла, двоечники не сильны в химии.

Но все это было еще безобидными шуточками. Пришло время решительных действий, и Королева постановила устроить вечер анекдотов. Она объявила, что это будет подарок Королю.

Все были обязаны рассказать по анекдоту, в том числе и Первый, который терпеть этого не мог.

А Королю было сказано, что Первый слегка повредился в разуме и все толкует про какую-то «Вербу-хлест, бей до слез», а это выражение запрещено в государстве.

Специально для такого случая была вызвана выездная бригада психиатров, их для конспирации одели в черные халаты садовых рабочих и расставили по лужайке с лопатами и носилками — таков был приказ Королевы.

Что касается Первого, то Королева подошла к нему перед началом праздника и сказала, что Король обожает один детский анекдот про вербу-хлест, но рассказывать ничего не придется, первые же слова «верба-хлест» вызовут у Короля приступ хохота, и дело будет сделано.

Первый пожал плечами и ничего не ответил. Наконец праздник начался.

Всем были розданы номера, и задача оказалась непростая: развеселить Короля. Но Король уж в чем знал толк, так это в анекдотах. Он помнил их все наизусть.

Придворные же, искусные дипломаты, строго воспитанные дамы, вышколенные аристо-

краты, все как один выросшие в монастырях и закрытых частных школах, — все они, к сожалению, ничем особенно блеснуть не могли.

Они, конечно, знали каждый с юности по два-три анекдота, но совершенно неприличных — чем еще могут развлекаться дети в закрытых учебных заведениях!

А неприличных анекдотов Король и сам знал сотни, и договорились, что вслух их произносить не будут, только назовут тему.

И пошло-поехало.

Один вызванный кричит:

— Я не к вам, я к вашему попугаю.

Король пожимает плечами:

— Было.

Второй вызванный говорит:

— Не мальчик, а кто?

Король улыбается:

— Помню, помню.

И настает очередь Первого.

А он молчит.

Королева тихо, склонившись к нему, спрашивает:

— Вы что? Вы забыли, что вы слуга? И, кстати, где сейчас ваши чудесные деточки? Я их так люблю! Они без охраны? О, это очень опасно! Они поехали смотреть рыбок в Океанариум? О, я им завидую.

Первый знал, что Королева готовит ему какой-то злобный фокус, но не удалось выяснить какой.

А вот теперь все стало ясно. О том, что дети поехали в Океанариум, не знал никто, кроме воспитательницы и шофера.

Мало того, это решение было принято за полчаса до праздника анекдотов и в кухне, при звуке льющейся воды, т. е. со всеми предосторожностями.

— О, — продолжала Королева, — сейчас на дорогах так опасно! То и дело ездят эти кошмарные тяжелые грузовики с капустой! Ну, так где ваш анекдот?

Растерянный Первый молчал. И все молчали. Тишина повисла над лужайкой.

Замерли садовые рабочие с лопатами и носилками.

И тут в руке у Королевы блеснул радиотелефон.

Она медленно набирала какой-то номер, выразительно глядя на Первого.

Первый с бьющимся сердцем произнес:

— Ну, верба-хлест.

— Что это такое? — робко спросил Король.

— Что-то новенькое? — подхватила Королева. — Как-как? Как называется?

— Верба-хлест.

— И в чем там дело? — испуганно спросил Король.

Первый не знал, что отвечать.

Все ждали.

— Верба же хлест, — оглядываясь по сторонам, ища помощи, повторил Первый. — Знаете?

Никто не откликнулся. Все как окоченели.

Все чувствовали, что происходит что-то ужасное.

Малейший намек на Грот Венеры карался сорока годами каторги как злостная клевета, а уж что говорить о знаменитой на всю страну

запрещенной поговорке государыни «Вербас-хлест, бей до слез» — за это награждали «деревянной вдовой», виселицей.

И тут Первый слишком поздно заметил, что охраны его рядом нет и что садовые рабочие то-ропливо снимают черные халаты, а под черными халатами у них белые.

Белые халаты окружили Первого.

— Ему плохо? — сказал Король.

— Переработал, — мягко ответила Королева.

— Перетрутился, — зашелестели придворные.

— Скорая медицинская помощь, — провозгласил один белый халат, а другие подхватили носилки, на свет появились простыня, шприц, Первому закатали рукав, и укол был сделан в течение секунды.

Тем дело и кончилось.

Вскоре он равнодушно лежал на носилках под простынкой, а его обезоруженная охрана уже была увезена на грузовике куда-то.

И карета «скорой помощи» тоже выехала из дворцового парка, а Королева тут же представила собравшимся нового Первого по имени Второй.

Второй оказался симпатичным молодым человеком, ничем не примечательным, он служил в должности четвертого помощника посла в Панголине и однажды сопровождал Королеву в поездке по этой дикой стране в течение десяти дней и ночей — и там, видимо, и зарекомендовал себя.

Второй быстро освоил свою новую должность, подсаживал Королеву в карету, сопровождал ее на вернисажи и концерты, носил Королю

на подпись указы, составленные Королевой, в числе которых был и указ об отмене указа об отмене смертной казни.

Король, как и раньше, все подписывал, и никто не мешал ему пить и гулять, и он не мешал никому.

Только он почему-то больше не рассказывал анекдотов и с ужасом отстранялся от Королевы, когда она приветствовала его на праздниках и казнях.

Теперь казни производились регулярно по воскресеньям, шла прямая телетрансляция, разыгрывались пари — помилуют преступника или не помилуют, и, говорят, Королева, которая единственная знала об этом, загребала огромные выигрыши.

— Королева тоже хочет заработать, — говорили уважительно верноподданные.

Вручался также Суперприз — и выигравший мог своей властью помиловать одного из осужденных.

То есть спутать карты Королеве и дать выиграть кому-то безымянному.

Это было опасно, что вызывало жуткий азарт в целом государстве.

Все жили от воскресенья до воскресенья.

Народ наконец получил что хотел, не отлипая от телевизоров.

Королева со Вторым присутствовала и на других мероприятиях, среди которых особой пышностью выделялся выпускной вечер школы палачей, где каждому дипломнику была дана возможность отличиться тут же на прямом эфире в воскресенье, и юные палачи могли даже выби-

рать орудие труда — то ли виселицу, то ли гильотину, то ли плаху, а медалистам можно было показать себя в стрельбе по бегущей мишени.

Тюрьмы наконец опустели, преступников ловили как дичь, кривая правонарушений пошла круто вниз, и теперь даже за кражу куска хлеба или книги в библиотеке полагалось долго отпиливать руку или ногу или выкалывать глаза по жеребьевке, кому что выпадет, и этот волнующий момент тоже транслировался по телевидению.

Короче, был наведен порядок. Люди ликovali: наконец-то!

Но и порядочные граждане иногда оказывались героями воскресных телепередач — например, за наезд на пешехода полагалось повешение, и пешехода тоже казнили из чувства справедливости, если он оставался жив, а вот если нет — шоферу полагалась гильотина плюс предварительные пытки в подвале (ночная субботняя трансляция).

Мало того, всем инвалидам было предписано жить за городом в особых домах (для их же безопасности) — ибо, завидев однорукого или одногоного, а также слепого, кто угодно мог приволочь его на казнь, крича: «вор, вор» — поскольку, если у человека не хватает руки или еще чего-нибудь, вполне вероятно, что это бывший уже наказанный преступник, и на него можно было взвалить вину за кражу, никто и не проверял, даже платили премию и отдавали квартиру казненного тому, кто поймал.

Так что за инвалидами в случае нужды тоже охотились.

Народ заговорил о твердой руке.

А Королева раз в неделю посещала свой любимый Дом скорби, оставалась в отдаленном помещении недолго и в прекрасном расположении духа ехала сразу же на площадь Казней, чтобы явиться перед камерами телевидения в лучшем виде.

Всюду при этом ее сопровождал Второй, молодой мужчина с приятной внешностью, немного капризный по виду.

А Первый все это время как раз и сидел в Доме скорби и сидел именно там, в отдаленном коридоре, в одной клетке со Злодеем.

Так придумала Королева.

И каждый раз она громко смеялась, видя, как тянется к Первому Злодей, но цепь не пускает его на каких-то десять сантиметров, а сам Первый прикован к решетке за обе руки.

Первый стоял уже многие месяцы, ноги его распухли, и только когда Злодей ненадолго засыпал, Первый мог хотя бы присесть на пол и тоже поспать — но Злодея мучила бессонница, и Первому приходилось туго.

Королева каждый раз просто стонала от смеха, видя, как Злодей натягивает тонкую цепочку и шарит в воздухе руками в десяти сантиметрах от рубашки Первого.

Иногда Королева развлекалась по-другому: она давала послушать Первому голоса его плачущих детей по радиотелефону — дети тихо пищали и просили прощения у кого-то невидимого, маленький просил хлебушка, а потом раздавались удары и покорные рыдания.

Первый смотрел в пол, а Королева радовалась как ребенок (вспомним ее детство) и говорила: — Верба-хлест, а?

Но все на свете меняется, и однажды Второй сообщил Королеве, что международная комиссия ООН решила послать инспекцию в разные страны, как там соблюдаются права человека в больницах и тюрьмах, не мучают ли людей.

А поскольку он, Второй, член этой комиссии — был грех, заставили вступить свои же из министерства, чтобы прощупать обстановку и быть в курсе дела, — то инспекция приедет и к ним в страну.

Королева чего не любила для себя лично, так это надсмотрщиков, учителей и всяких указаний — она этого не могла выносить еще со времен вербы.

Она сказала, что в свою собственную страну она никого не пустит, никого.

Второй скромно ответил, что тогда все поймут, что у них нарушаются права человека, и не пустят, в свою очередь, самое Королеву с визитами в свои государства: все поездки доброй воли в богатые и цивилизованные страны отменяются!

В бедные можно, но там всюду как и тут, стрельба, очереди и в гостиницах тараканы.

— Прекрасно, — ответила Королева, — пусть приезжают. Но только не на Вербовское шоссе! (То есть в Дом скорби.)

— Они как раз туда и едут, — возразил Второй скромно, — им кто-то наступал.

— Прекрасно, — опять сказала Королева, — ты мне начинаешь ставить палки в колеса, а? Я люблю, когда меня не любят, но люблю какой-

то странной, мучительной любовью. Ты схватываешь ситуацию?

— Схватываю, — отвечал побледневший Второй.

Короче, Королева предложила сменить название учреждения на Вербовском шоссе и вместо «Дом скорби» назвать это дело «Школа драматического искусства», а для больных ввести звания «студент» и «выпускник» (выпускниками в шутку называли самых древних старичков и безнадежных больных) — что же касается санитаров, то они отныне именовались «педагоги по технике речи», а врачи носили звание «мастеров».

Буйное отделение имело отдельную вывеску «Курсы пластической импровизации».

В нищую психушку были временно свезены театральные костюмы с киностудии.

И когда Королю и Королеве были представлены члены комиссии ООН, все уже было готово.

Глуповатый Король спросил:

— Как долго уважаемые пробудут в нашей стране?

Комиссия ответила, что они временем располагают.

Королева, в свою очередь, поинтересовалась:

— Уважаемые знают адреса учреждений?

— О да, — ответили ученые, разномастные, бородатые и лысые, в бейсбольных кепках, очках и майках, несолидные какие-то.

— А можно ознакомиться со списком? — спросила Королева.

— О да, — сказала комиссия.

— А что это у вас за адрес, Вербовское шоссе! Там нет никакой больницы, там теперь Школа драматического искусства.

— Ой, — воскликнул Король, — а я и не слышал, надо же! Молодые актриски, а? Давно это у нас?

— Ты что, — с ненавистью улыбаясь, отвечала Королева, — да ведь я кончала эту школу! Давным-давно, ты что!

— Прекрасно, — сказала комиссия, — мы изучаем также и учебные заведения, и тюрьмы, и детские сады, и казармы: всюду, где могут нарушаться права человека.

— Что вы, — сказала Королева. — Какие там права! У нас с этим давно все в порядке.

— Итак, едем на Вербовское шоссе! — заключила комиссия.

— Я с вами, — улыбнулась Королева.

— А у меня государственный вопрос, — сказал глупый Король, держась за живот. — Я остаюсь.

Но комиссия не взяла Королеву, поскольку у них был только экологически чистый транспорт, многоместный велосипед, на котором они ездили из страны в страну, ни от кого не завися; велосипед был снабжен также полевой кухней и балдахином от дождя.

И пока Королева шла вдоль почетного караула, пока гремели залпы в ее честь и раскрывались ворота, пока начальник стражи рапортовал, а гвардейцы, держа равнение, расходились в стороны — короче говоря, пока шло без сучка без задоринки ежедневное провожание Королевы за калитку (любое нарушение каралось расстрелом на месте при помощи взвода товарищей), — ве-

лосипедисты давно уже приехали в бывший Дом скорби на Вербовском шоссе.

Комиссия прошла мимо учебной аудитории, где сидели по койкам студенты, каждый в роли Наполеона, и, скандально пуская в ход кулаки и табуретки, обсуждали план действий под Ватерлоо — а педагог, кисло улыбаясь, раздавал всем очень большие витаминки.

Далее комиссия миновала комнату, где Ленин говорил речь, бегая по столу, а пятнадцать других Лениных лежали почему-то привязанные на кроватях и махали руками и ногами, а педагог ловил бегущего Ленина и орал на студентов громким голосом, как и полагается режиссеру, но его никто не слушал, потому что все присутствующие тоже произносили речи кто какую хотел.

Далее следовали курсы пластической импровизации, где шел спектакль «Каторга» и все актеры были прикованы цепями к стене, разнообразно импровизируя позы страдания, а педагог по технике речи играл роль свирепого надсмотрщика настолько удачно и был так хорошо загримирован, что комиссия даже заплодировала, — судите сами: на голове шерсть до бровей, носа нет, одни дырки, зато брови мощные, как руль у велосипеда.

И так далее, вплоть до загримированных рук (татуировка).

Когда Королева прибыла, комиссия уже просила ключи у дежурного на верхнем этаже.

Королева поднялась туда в самый разгар скандала, слегка затуманилась, но потом разрешила открыть дверь.

При этом она сказала, что тут репетируется пьеса на двоих «Казнь».

Все уже загримированы.

Комиссия увидела почти настоящего средневекового палача за решеткой в полном обмундировании, который стоял на цепи с большим топором в руке, тоже явно настоящим, и глядел на свою жертву.

Правда, топор был прикреплен отдельной цепью к стене, так что палач был не в силах дотянуться до жертвы.

А осужденный в полосатой робе с мешком на голове держался обеими руками за решетку, будучи к ней же прикован за наручники.

Педагог, красный от волнения, сидел за столиком у графина с водой и репетировал.

— Очень жизненно, — сказала Королева, — просто МХАТ имени Чехова.

— О да, — откликнулась хором разноперая комиссия.

— Ну, вы все посмотрели? — чудесно улыбнулась Королева. — Поехали, а то у нас скоро главный обед. У вас у всех есть приглашение?

— О да, — заверила ее комиссия.

— Ну и пошли.

— Так-то оно так, — сказал Председатель комиссии, по виду нищий студент, в кепке задом наперед и с болтающимися шнурками, — но вот тут нарушаются права актера. Почему ваш студент прикован к решетке? Смотрите, у него руки отекли! Кстати, и ноги!

— Вы что, это грим, грим! — зашептала Королева. — Это спецэффект!

— А зачем это он на цепи, ваш палач? Здесь резко нарушены права человека!

— Это театр! — воскликнула Королева. — Это режиссерская трактовка.

— Не верю! — завопил Председатель комиссии. — Палач не может быть на цепи!

— Ой, ну перепутали студенты, — шутливо сказала Королева, — ну простим им, они первокурсники. Я распоряджусь, им поставят двойки.

— Нет, надо его освободить, — заартачился нищий Председатель комиссии. — Мы здесь для того, чтобы освобождать и снимать оковы.

И лицо его стало каким-то светлым.

«Тебе самому здесь место, псих», — злобно подумала Королева, а вслух сказала:

— Ой, профессор ушел, а это ассистент, верно? Да нет у него ключей.

Председатель комиссии спросил педагога, сидящего у столика с графином и телефоном:

— Ключ есть?

Преподаватель вскочил, и у пояса его звякнула связка отмычек.

— Ну дай, дай им ключи, — резко сказала Королева, а сама подумала: «Если даст, казню в воскресенье с субботней трансляцией в камере пыток».

— Ну, — ответил педагог, после чего, не говоря ни слова, упал под стол, видимо от волнения.

— Обморок, артистическая натура, никогда не видел иностранцев, — объяснила Королева. И она обратилась к своему верному Второму: — Снимите у него с пояса ключи, возьмите самый большой медный и, так и быть, отоприте клетку.

Когда приказ ее был исполнен, она сказала:
— Теперь возьмите самый маленький серебряный ключик и освободите палача. Замок у него на сапоге.

— Ну уж нет, — нервно сказал Второй. — Вот уж это ни за что.

— Запомним, — сказала Королева приглушенным голосом. — Запишем в книгу Грота Венеры. В книгу уходов.

— Нет, нет, — повторил Второй, отступая от Королевы.

— Ну хорошо, — сказала Королева и протянула ключи Председателю комиссии. — Вы можете сделать святое дело и освободить этого студента.

Председатель комиссии закричал действительно как псих:

— Послушайте, а вот тут еще хуже нарушаются права студентов! Во-первых, этот студент, который так хорошо играет жертву, что у него на руках раны, он ведь может задохнуться в мешке, и его надо освободить первым! Я сначала желаю освободить этого человека! Смотрите, у него на шее ведь затянута веревка!

Тут стоящий у решетки студент в мешке на голове начал глухо мычать.

«Повешу предателя сразу же, — подумала Королева. — Он же обещал мне молчать под страхом гибели детей, подлец! Ему же специально заткнули для этого рот!»

А вслух она сказала как можно более мелодично:

— Кто-то больше никогда не увидит кого-то!

А Председатель уже тянул свою тощую руку к ключам.

— А вот и нет, — ласково сказала Королева, — первое слово дороже второго! Сначала вы освобождаете палача, а потом жертву, то есть что я! Сначала того студента, а потом этого.

— Нет! — твердо пролаял Председатель, комиссии, и вся комиссия дружно пролаяла «Нет!».

— Это я говорю здесь «Нет!», — завизжала Королева и сразу стала похожа на свою собственную мамашу (все кричащие женщины, кстати, становятся похожи на своих матерей, так как стареют прямо на глазах).

Разумеется, Королева хотела сначала освободить Злодея с топором, чтобы он тут же и зарубил бы Первого.

— Какие все мужчины дураки упрямые, — бешено сказала она, выбирая ключ от цепи Злодея. — Просто жуть какая-то.

И с этими словами она спокойно вошла внутрь клетки, а затем с ласковыми словами склонилась к сапогу Злодея.

— Сейчас ты сделаешь то, о чем мечтал, — зашептала она. — Ты сможешь убить этого дурака, подойдешь к нему и просто убьешь, отрубешь ему голову.

— Да, — сказал глухо Злодей из-под капюшона и тут же, не ожидая освобождения, отрубил голову Королеве.

— Она нарушила внутренний распорядок, — объяснил Злодей ахнувшей комиссии. — У нас сейчас мертвый час.

Затем он горделиво выпрямился и сказал:

— Прошу следующего.

Крича что-то неразборчивое, Председатель и его комиссия толпились у открытой двери клетки. А бледный Второй сказал Злодею:

— По внутреннему распорядку не полагается наличие посторонних убитых в камере и ключей на полу. Вы нарушили правила поведения, вас накажут, не дадут вам вечером конфетку.

Тут Злодей зарыдал и, утирая сопли, стал ка-нючить:

— Она сама вперлась, кто ее просил! Я не виноват! Мы отдыхали с товарищем после обеда, а она сюда втюрилась!

— Если вы перебросите нам ключи, конфетку вам дадут. Если нет, вам не видать больше вечерней конфетки, я об этом позабочусь!

— Натё, подлецы! — завизжал Злодей. — Получите ваши ключи! Конфетку пожалели!

И он швырнул ключи Второму.

Ловкий Второй, не входя в клетку, освободил Первого и потянул его к двери под пристальным взглядом Злодея, который буквально повис на цепи в десяти сантиметрах от своей жертвы.

Комиссия, волоча ослабевшего Первого, погрузила его в королевский лимузин, оставив Школу драматического искусства доигрывать свои спектакли.

Второй дал шоферу адрес, и странный караван, состоящий из лимузина в сопровождении эскорта мотоциклов и многоместного скрипучего велосипеда с бултыхающимся балдахином, под вой сирены и бешеный лай больничных собак, среди полной паники полицейских, по очи-

стившейся внезапно улице помчался туда, куда сказал Второй.

И там оказался специальный детский комбинат (тюрьма-ясли-сад), и ликующая комиссия всех освободила, то есть бледных, худых детей вывели, вынесли на руках, а не менее бледная, но жирная охрана испуганно слушалась любого слова Второго.

И Первый взял на руки сразу трех, двух своих и третьего, кто подвернулся.

Был общий праздник, и народ охотно принял в нем участие, Первому всюду аплодировали, Король со слезами на глазах (все-таки освободился от Королевы) обнял и расцеловал Первого и тут же назначил его опять Первым.

Был подписан ряд указов — о ликвидации Грота Венеры, Школы драматического искусства, субботних и воскресных воспитательно-зрелищных передач «Спи спокойно» и всех казней, а также специальных детских тюрем.

Мало того, вышел особый указ о неприменении к детям физических наказаний.

По последнему вопросу некоторые в народе остались несогласны, но появившееся вскоре жизнеописание Королевы многое должно было объяснить читателям.

Что касается Второго, то его простили и опять послали четвертым советником в государство Панголин.

А Первый все так же добр, но одного он не разрешает Королю: жениться.

Да тот и не особенно хочет.

ОСТРОВ ЛЕТЧИКОВ

Один молодой летчик слышал, что где-то в океане есть волшебный остров и на нем сад и дворец, и если пролетаешь над этой территорией, то сад пахнет на десять километров вверх, так что у экипажа кружится голова, и забыть это ощущение невозможно.

Каждый летчик стремится вернуться туда и пролететь еще раз над тайным садом, но остров лежит в стороне от всех маршрутов, его еще надо отыскать, кроме того, он не всегда является (разумеется, его нет ни на одной карте мира, не ищите), и надо потратить часы летного времени, а каждый час это сотни километров, большой расход керосина.

А у нашего молодого летчика был свой небольшой сад, доставшийся ему от матери, — обыкновенный дом, газон, пять кустов жасмина, две старые груши и одна слива.

Но летчик разводил там еще и розы, тюльпаны, пионы, ромашки, васильки и настурции, хотя в итоге никакого особенного аромата в саду не наблюдалось — пахло китайским чаем и свежестью, а после дождя пахло землей.

Услышав от одного товарища об острове, молодой летчик решил во что бы то ни стало добраться туда на самолете, и ему это однажды

удалось — он сделал небольшой крюк во время исполнения ночного рейса, пассажиры ничего не заметили, они сладко спали над океаном, экипаж тоже вздремнул, и вот тут наш молодой летчик рванул с большой скоростью в сторону, отклонился на тысячу километров от курса.

Что-то его притягивало, какой-то слабый знак или звук, он даже закрыл глаза (товарищ его говорил именно об этом странном ощущении) — и вдруг все вокруг переменялось.

Внизу во тьме светился маленьким огоньком дворец (видимо, окно под крышей), а сам летчик оказался в облаке запахов, которых он никогда раньше и не нюхал — ночь пахла не лавром и лимоном, не медом и чаем, не жасмином и белой сиренью, и не так, как новая лайковая перчатка, как рыжик во мху, как земляника в полдень на поляне, как теплая ванильная булочка зимним утром, и не как мамина ладонь у тебя на лбу, и не как фиалка ночная красавица среди папоротников — это было что-то еще, нежное, сильное, но неуловимое.

Летчик вскочил, хотел разбудить всех, но передумал, тем более что аэродром, куда он должен был приземлиться уже через полчаса, настойчиво доискивался, куда смылся целый лайнер с пассажирами.

Конечно, потом были большие неприятности, самолет, само собой, опоздал, встречающие волновались, информация сбилась с ног: короче, начальник уволил нашего летчика, да еще и приговорил его к штрафу, к такому огромному, что летчик вынужден был продать дом и сад, матушкино благословение, да еще и занять очень боль-

шую ссуду в банке — хотя все товарищи дружно защищали его, ссылаясь на то, что это был временный провал в памяти, мало ли.

Себе летчик оставил только маленький клочок земли размером с автобус (междугородний).

Однако жить было надо, и наш бывший летчик попросился назад на аэродром в так называемую наземную службу — подвозить к самолету запакованные обеды.

Его взяли, так как известна была его честность и порядочность, и за сохранность обедов можно было не беспокоиться.

А историю с исчезновением ему простили, так как, во-первых, никто не догадался, что он специально исчезал в поисках острова, а во-вторых, он полностью уже расплатился как за истраченный керосин, так и за все пропавшие железнодорожные билеты пассажиров, и он даже заплатил за авиабилет и такси одному особенно взволнованному человеку, который кричал, что ему теперь не нужны никакие деньги, так как из-за задержки рейса он упустил свой поезд, а его должна была прийти встречать одна собака, и именно к последнему вагону, она всегда приходила почему-то встречать именно его и именно к последнему вагону, и в этот раз он решил эту собаку усыновить за ее верность — и нате, самолет опоздал!

Он так кричал и бесновался, повторяя, что не знает адреса собаки, а она не знает его адреса и все потеряно, что летчик дал ему деньги на авиабилет и на такси от аэропорта к последнему вагону поезда, вот так!

Короче, наш летчик все-таки вернулся к нормальной жизни и даже стал снова выращивать

на своем клочке земли цветы — другие летчики жалели своего товарища и привозили ему семена откуда могли: трудно, что ли, проходя по чужому парку где-нибудь вдали от родины, сорвать стручок, засохший цветочек или кисточку ягод!

А ведь там, внутри, как раз и лежат нужные семена.

Наш поставщик запакованных обедов все свое свободное время трудолюбиво выращивал эти семена, и даже построил в окружении своих новых цветов дворец в полметра высотой из мелких камней, и даже провел туда электричество и ввинтил лампочку от карманного фонарика, чтобы ночами в его довольно маленьком саду горело одно окошко под крышей дворца.

Себе он поставил там же будку в три этажа, трудно, что ли, натаскал камней из оврага и построил, — на верхнем этаже у него была даже оранжерея под стеклянной крышей, на среднем этаже помещалась раскладушка и книги, а на нижнем он хранил лопату, лейку и удобрения, и имелся также большой подвал для семян, клубней и луковиц (уж под землей-то места было достаточно, рой вглубь хоть на десять метров!).

Со своего этажа ночами он прекрасно видел маленький дворец со светящимся окном, и иногда летчику казалось, что он снова летит над волшебным островом и вдыхает тот запах, который пока еще не встречался ему на земле, разве что когда мама целовала его перед сном в новогоднюю ночь, а он лежал в своей кроватке среди ее бедных подарков и был счастлив, укрыт и любим.

А у них в летном отряде был еще один пилот, тот самый, который и проговорился как-то за стаканом рома об острове своему младшему другу — знаете, как это бывает с пьяными: возьмет и расскажет о самом дорогом.

Так вот, не один наш разносчик запечатанных обедов знал про остров — ром можно купить на любом углу, и таким образом о тайне пронюхал начальник.

Этот начальник никогда в жизни не сидел за штурвалом самолета, а начальством он стал по знакомству, так бывает: его двоюродный брат женился на дочери замминистра, и пошло-поехало, вся родня вскоре была пристроена.

Сам начальник был из почтенной семьи перекупщиков краденого, а поскольку все они жили недалеко от аэродрома, то и постепенно специализировались именно на краденом авиабагаже, то есть опыт работы с пассажирами в семье уже имелся.

Поэтому, став начальником, этот сын перекупщиков краденого сделался очень строг к нарушителям дисциплины, боясь, как бы кто чего не подумал о нем.

Самые строгие начальники как раз и водятся в мире бандитов, это общеизвестно: там они не увольняют, не тратят время, а чуть что, расстреливают свой трудовой коллектив, а затем набирают новый.

Короче, как только этот начальник прослышал о таинственном острове, из-за которого нарушается дисциплина, он стал настаивать на том, чтобы его немедленно отвезли туда по делу.

Старый пилот, проговорившийся начальнику, как-то плакал за стаканом рома, а бывший летчик (ныне развозящий запечатанные обеды) сидел с ним и думал, что делать.

Положение осложнялось тем, что начальник требовал для своей командировки старинный бомбардировщик, и уже одно это было подозрительно.

В конце концов молодой бывший летчик уговорил старого (на это пошла лишняя бутылка рома) взять его с собой в этот полет на бомбардировщике, и в назначенный вечер хмурый толстый начальник в полной летной форме и при орденах (все-таки замминистры — большая сила) с каким-то чемоданчиком взошел на борт бомбардировщика, не подозревая о том, что его сопровождает еще и грузчик готовых обедов, готовый на все.

Начальник потребовал у пилота открыть бомбовый люк (этот люк открывался прямо из салона самолета, такая устаревшая была конструкция) и положил туда, очень бережно, свой чемодан, после чего прошел в кабину и сел на почетное, как ему показалось, место у окна.

Что касается бывшего летчика, который спрятался под брезентом, то он, со своей стороны, быстро вытащил чемоданчик обратно, бесстрашно открыл его и вынул оттуда одну маленькую штучку, а затем захлопнул чемоданчик, положил его на место, закрыл бомбовый люк и снова лег под брезент рядом — на всякий случай.

Самолет разбежался и тяжело повис в воздухе, гудя своими старыми моторами, и вот ближе к полуночи наш транспортировщик запечатан-

ных обедов услышал нежный, ласковый запах острова и одновременно дикый крик в кабине пилота: это орал начальник.

— Как не открывается? — вопил он. — Как это бомбовый люк может не открываться? Ты мне ваньку не валяй тут, понимаешь! Только что открывалось! Стрелять буду!

— Так вручную открывалось. Этому катафалку сто лет, механика не работает!

— Стрелять буду! — визжал начальник.

— Да заело крышку! — хрипло кричал в ответ старый летчик.

— Так кувалдой! Разводной ключ имеешь? А ну иди! Иди открывай вручную!

— Я пойду, я пойду, а кто этот гроб поведет, ты, что ли, начальник? — хрипел летчик у штурвала. — Я не хочу поцеловать носом этот островок!

— Я тебя... за это знаешь куда отдам? Да я тебя... я тебя премии лишу!

А волшебный запах заполнил весь самолет, и внизу, видимо, уже проплывал огонек замка, но молодой бывший летчик не смотрел в окно, а лежал под своим брезентом.

В кабине тем временем продолжался крик.

— Обратно, скотобойня! — кричал начальник. — Поворачивай оглобли!

— Домой? — кричал пилот.

— Не домой, хроник! Вот вернемся, я тебя уволю! Заходи над объектом, ты, независимый! Видишь, внизу лампочка светит? Вот делай круги туда-сюда, понял? А я пойду сам соображу.

И спустя мгновение бывший летчик из-под своего брезента увидел, как начальник подбегает и, пыхтя, открывает крышку люка.

Дикий, одуряющий запах сада чуть не сшиб его с ног.

Начальник даже зашатался.

У летчика под брезентом тоже закружилась голова.

Но тем не менее он выскочил из-под брезента и столкнул своего толстого бывшего начальника в бомбовый отсек, а затем захлопнул крышку и задраил ее как следует, до упора.

После чего он побежал в кабину.

Старый пилот плакал.

Бомбардировщик делал круги над островом, в кабине стоял запах чего-то настолько прекрасного, что хотелось выпрыгнуть из самолета и полететь по-глупому, маша руками.

Внизу моргал огонек под крышей дворца.

Фляжку с ромом старый пилот держал неотлучно при губе, отчего самолет бултыхался как жидкость в его посудине — или наоборот.

Грузчик запечатанных обедов сменил своего старого товарища за штурвалом и, зорко глядя вниз, повел самолет на снижение.

— Я взорвал остров, слышишь? — хрипел старый пилот. — Ты что делаешь, щенок?

— Я иду к берегу. Слушай, там есть какой-нибудь пруд на побережье?

— Навалом! Тут же пляжи, тут и бассейны. А что тебе?

— Увидишь.

Через час полета бомбардировщик нарушил границы соседнего государства и с редкой точностью сбросил в бассейн отеля «Пента» бомбовый груз, который приземлился с большим шумом в виде толстого мужчины и тут же

был выловлен двумя пьяными охранниками отеля, которые отдыхали в шезлонгах у бассейна и были теперь мокрые с головы до ног (взрывная волна).

— Что, однако, за идиоты работают в соседней стране, — думали тамошние разведчики, получив в свои руки такой подарок судьбы (где пойманный шпион, там премии и награды), — диверсанта сбрасывают в полном обмундировании, с документами и орденами, однако без парашюта, это раз. И тут же, буквально на голову ему же, сбрасывают чемодан с бомбочкой, полный бред. Но без взрывателя, что тоже необъяснимо.

Во всяком случае, пьяные охранники из отеля «Пента» прославились на всю страну, их снимали в мокром виде вместе с обалдевшим, тоже мокрым, шпионом, а также отдельно от него, на завтра их совместные портреты были опубликованы на первых страницах газет и т. д.

Происходил большой переполох. Пограничники гордились своим шпионом, как грибники белым грибом.

А старый бомбардировщик тем временем тихо-мирно вернулся на аэродром без начальника.

Вскоре из соседнего государства последовал запрос о шпионе, майоре Н., а в его доме при обыске нашли множество бомб и ножей, причем на чердаке были свалены пустые чемоданы, ранее украденные из багажного отделения аэропорта.

Мама шпиона и вся его семья тут же поклялись, что все это принадлежит только ему: такое у мужчины было хобби, воровать.

Они здраво рассуждали: если уж он сидит в тюрьме, пусть сидит.

А молодой бывший пилот, вернувшись к себе в свою трехэтажную будку, сладко заснул, потому что когда все удастся, люди очень устают и хорошо спят.

Во сне ему снился сад, и он летал среди цветов острова на маленьком самолете типа «стрекоза», и запахи сада баюкали его всю ночь.

Утром же, проснувшись, он обнаружил у себя в саду новые диковинные цветы — видимо, за эту ночь проросли все семена, зерна и бобы, подаренные ему товарищами.

Из-за ограды выглядывали удивленные соседи, все бабочки округи порхали над крошечным садом летчика, и вообще обстановка сильно напоминала сон, потому что этот клочок земли нестерпимо благоухал.

Мало того, молоденькая дочка соседей, существо, похожее то ли на подснежник, то ли на цветок земляники, — эта девушка помахала ему из-за ограды рукой, покраснела и спросила, не хочет ли сосед выпить с ними чашку чая, а то папа с мамой интересуются насчет семян, отводков и корней.

Разумеется, он тут же откликнулся на это приглашение прекрасной соседки.

Надо ли говорить, что там, где обычно кончается сказка, начинается счастливая жизнь...

ДВЕ СЕСТРЫ

В одной квартире жили две сестры, они жили очень бедно. На обед варили картофель, на завтрак съедали по куску хлеба и выпивали стакан кипятка. Они были очень худые, но аккуратные. И все у себя в доме держали в чистоте. Каждый день они выходили в магазин, и это для них было захватывающее приключение на много часов. Кроме этого, обе были записаны в библиотеку и аккуратно раз в неделю меняли книги.

Одевались они тоже очень аккуратно, сами себе вязали кофты и теплые носки, варежки, шарфы и береты. А нитки добывали из старых шерстяных вещей, удивляясь, как много выкидывают некоторые люди на помойку. Короче говоря, их дни были заполнены до отказа. Иногда они что-нибудь находили во время своих прогулок: то кипу старых журналов со всякими полезными советами, выкройками и медицинскими рекомендациями, как что лечить, а то и какой-нибудь почти новый ящик, деревянный и прочный. Сестры очень любили ящики и каждый раз, принеся домой находку, долго вычищали новый ящик и решали, куда его поставить: под стол, на шкаф или на балкон. У них уже было много ящиков и существовал целый план, как из этих ящиков

сделать красивые полки для разных вещей в прихожей.

Однако все меняется, и старшая сестра, которой было восемьдесят семь лет, заболела. Врач все не приходил, и младшая сестра, которой было восемьдесят пять лет, сидела у кровати и перебирала в коробке из-под туфель разные старые лекарства, оставшиеся еще от мамы и бабушки и от детей: какие-то безымянные порошки в пакетиках, какие-то мази в облупившихся тюбиках и уже пустые бутылочки и флакончики.

Старшая сестра умирала, это было видно. Она тяжело, хрипло дышала и ничего не могла ответить. Младшая сестра, ее звали Лиза, отчаянно перебирала порошки и мази, надеясь найти что-нибудь против старости, ибо врач на прошлой неделе сказала, что больная умирает от старости и что старость — тоже болезнь. Лиза бестолково рылась в коробке и плакала, а Рита, старшая сестра, дышала все реже и наконец замерла, глядя в окно. Лиза закричала от горя и помазала остатком какой-то мази полуоткрытый рот сестры, потом испугалась, что эта мазь может быть ядовитой, и помазала и свой рот, чтобы уйти вместе в случае чего.

В тот же момент, когда мазь начала таять на губах у Лизы, она как будто бы заснула. Во сне ей виделись какие-то люди в черном, которые падали с потолка и исчезали под полом. Они летели, как снег, их было очень много, но вдруг воздух очистился и Лиза проснулась. На кровати лежала чужая девочка в огромной ночной рубашке Риты и таращила глаза.

— Девочка, — сказала Лиза, — ты что тут улеглась? Тут тебе не место таращить глазки! Тут тебе не шутки! Где моя Рита?

— Девочка, — ответила та девочка тонким и вредным голосом, — ты как здесь оказалась, ты чего здесь делаешь? Где Лиза?

— Какая девочка? — сказала Лиза. — Я тебе не девочка!

И она потянулась, чтобы схватить ту девчонку за руку. И вдруг Лиза увидела, что из ее темного старушечьего рукава высунулась маленькая белая ручка с розовыми ногтями! Чья-то рука высунулась из ее собственного рукава! Лиза страшно испугалась. Она втянула эту чужую руку обратно в свой рукав, рука втянулась. Одежда Лизы как будто опустела, повисла на ней, как чужая.

Бедная Лиза закричала: «Что вы со мной сделали?» А девочка на кровати закричала: «Убирайся немедленно отсюда!» И стала пинать Лизу ногой в Ритином сером шерстяном носке, который Рита сама связала. Старушки ведь на ночь надевают носки. И Лиза в последний раз этой ночью надела шерстяные носки на холодные ноги умирающей Риты.

Лиза онемела от гнева и стащила Ритин носок с этой нахальной девчонки.

Девчонка же вцепилась в носок и заорала:

— Это мой носок!

— Это Риточкин носок, — закричала Лиза, — она сама его вязала, он штопанный, он Ритин!

Девчонка заорала:

— Я его вязала, я штопала, ты что? Я Рита.

— Ты Рита?

— Я-то Рита, а вот ты кто, дрянная девка?

— Я Лиза! — воскликнула Лиза.

Тут они, конечно, подрались, а потом заревели, а потом Лиза сказала:

— Я поняла, я Лиза, а ты Рита! Ты не умерла, Рита?

— Конечно, нет, — сказала Рита. — Вчера ты плакала, а я слышала и знала: напрасно она плачет. Я не умру, я это знала.

Лиза спросила:

— А ты чувствовала, что я мажу тебе рот мазью?

Рита ответила, что, разумеется, чувствовала. И это была самая большая гадость в ее жизни. Во рту горел огонь, потолок начал уходить в пол, посыпались какие-то черные люди.

— Да, да, да! — закричала Лиза. — Я тоже помазала губы себе этой мазью и тоже почувствовала, что это самая большая гадость в моей жизни!

— Где эта мазь? — спросила Рита. — Надо ее сохранить! Ты понимаешь, о чем идет речь?

— Да, — ответила Лиза, — но там ее очень мало оставалось.

— Вот если бы ты ошиблась и намазала бы мне рот погуще, я бы вообще в пеленках валялась, как дура, — сказала Рита. — Хорошо, нам сколько теперь лет?

— Мне, наверно, двенадцать.

— Мне, я чувствую, тринадцать с половиной. Я уже почти взрослая, — сказала Рита.

— А мама с папой как же? — со слезами в голосе спросила Лиза. Она как младшая была самой большой плаксой, и ее больше всех любили родители.

— Ну что мама с папой? — рассудительно ответила Рита как старшая. — Где я тебе опять возьму маму с папой, чтобы они тебя, как всегда, баловали. Мама с папой ты знаешь где. На кладбище уже тридцать пять лет.

Лиза начала плакать о маме и папе. На душе у нее было мрачно и печально, а за окном светило солнышко и летали птицы. Рита стала как старшая прибираться в комнате, а юбку свою подвязала поясом, потому что юбка с нее падала.

Лиза смотрела вся в слезах на Риту и думала, что опять Рита старше, опять она начнет командовать и не давать проходу: руки мой, кровать убирай, за картошкой иди. Маму-папу слушайся. И тут Лиза вспомнила, что мамы и папы нет, и прямо завизжала от горя.

Рита подняла с полу коробку с лекарствами и стала искать в ней мазь. Лиза все плакала. Рита не нашла мазь и расстроилась до слез. Они сидели каждая в своем углу и плакали.

— Я не хочу с тобой жить, вредная Рита, — сказала наконец Лиза.

— Я-то думаешь, хочу? Я тебя все восемьдесят пять лет твоей жизни приучала к порядку и не приучила. Куда ты засунула мазь, ты не знаешь, что это за мазь, ведь мы могли бы быть молодыми, вечно прекрасными, вечно семнадцать лет!

— Ага, тебе-то будет семнадцать, а мне еще пятнадцать, причем вечно, а я не хочу! В пятнадцать лет все тебе делают замечания, в пятнадцать лет, я помню, я все время плакала.

— Но ведь жизнь опять промелькнет как сон, — заметила Рита.

— Все равно мази нет, — сказала Лиза. — Лично я хочу вырасти, выйти замуж, родить детей.

— Охо-хо, — сказала Рита, — все снова-здорово: болезни, роды, стирки, уборки, покупки. Работа. На улице то демонстрации, то митинги, не дай Бог опять война, — зачем все это? Все любимые наши давно там, и я бы хотела быть с ними.

— А что бы я без тебя делала, одинокая больная старуха! — снова заплакала бедная Лиза, вытирая маленькой ручкой слезы и сопли своего курносого носа. — Кто бы пожалел бедную старуху, кто бы ее похоронил? — редела она.

А Рита тем временем все искала и искала волшебную мазь.

Однако ближе к ночи сестры сварили себе по картошке. Причем ели с отвращением и картофельный суп с луком, и пюре на второе, и кефир на третье. Очень хотелось пирожного, мороженого или конфет, в крайнем случае хлеба с сахарком.

— Как это мы могли есть такую бяку? — сказала Лиза, не доев картошку.

— А что делать? Пенсии-то маленькие.

— А зачем нам семнадцать ящичков? — спросила Лиза.

— Мы же хотели сделать прихожую, ты помнишь, полки?

— Да ну, — сказала Лиза, — какая-то противная квартира, нищета какая-то, никого невозможно пригласить в гости. А куда куклы-то подевались?

— Да ты помнишь, наша внучка-то три года назад...

— Ах да, она в последний раз приезжала и выкинула все старые игрушки, в которые когда-то сама играла.

— Мы берегли для ее деток, берегли, она приехала и выкинула.

— А мой велосипед? — спросила Лиза.

— Его разобрал твой внук, хотел собрать из него автомобиль, но потерял какой-то винтик.

— Ах да, он еще сломал нашу швейную машинку. Ах да.

— Милые детки, — сказала Рита. — Вот они удивятся, что вместо двух старушек у них появились две девочки-бабушки?

— Они нас не узнают, — сказала Лиза. — Они нас выкинут из квартиры и начнут вести следствие, кто убил старушек и живет вместо них, ты представляешь?

— Да! А как теперь почтальон нам отдаст старушкины пенсии?

Тут девочки всерьез забеспокоились. Пенсию принесет знакомая почтальонша. Рита получала пенсию через два дня, а Лиза через неделю. Надо было что-то предпринимать.

Теперь вопрос, как выглядеть перед соседями. Соседи были люди очень активные. Все время то слушали музыку, то ругались, то роняли посуду, то их дети сидели на лестнице, курили и громко разговаривали на таком языке, от которого у старушек закладывало уши, темнело в глазах и прекращалось всякое понимание. И так, ничего не понимая, старушки уходили в магазин, в парк, в библиотеку и возвращались в подъезд, где на лестнице очень плохо пахло, воняло дымом, как после пожара, и шел громкий разговор молодежи на непонятном языке.

Девочки Рита и Лиза стали думать, как быть.

Можно, конечно, уходить в парк или библиотеку допоздна. Но молодежь, что самое опасное, именно на ночь глядя созревала для решительных дел, и по утрам в подъезде очень ругалась уборщица, которая вообще приходила, только когда имела свободное время (а кто в наше время его имеет?). Уборщица приходила тогда, когда жильцы писали жалобы в городскую газету, а также в правительство.

Сестры и так до своего волшебного преобразования жили как возле вулкана. Соседские дети очень следили за старушками и время от времени взламывали их квартиру. Дело кончалось плачем старушек, приходом милиции и констатацией того факта, что «ничего не украдено, только приходили попить водички, а ваше барахло нам ни к чему». Составлялся акт, и еще долгое время проходы старушек через подъезд на улицу сопровождались громким искренним смехом детей.

Лиза и Рита притихли. Если бы они жили на первом этаже, можно было бы выходить через окно. А они жили на шестом. Девочки представили себе, что будет, если они выйдут на улицу.

Исключение составляло раннее утро. К утру все компании обычно уставали и разбредались. В пять утра, это было проверено, они все спали.

Но возвращаться нужно было не позже девяти. В девять утра часть детей уже была в школах, а та часть, которая прогуливала, еще спала. Те же, кого судьба в виде непреклонных родителей выгоняла на улицу идти в школу, держались первые два часа подальше и от школы, и от дома.

Надо было также избегать и взрослых. Обычно все в подъездах волей-неволей знают соседей, особенно с годами, а дом стоял уже тридцать лет. Лиза и Рита получили эту квартиру после того, как их, еще сравнительно молодых женщин, пятидесяти пяти и пятидесяти семи лет, выселили в новый район. А в их прежнем доме устроили сначала ремонтную контору, а потом вообще ничего, а теперь там был сквер и песочница. Лиза и Рита еще были тогда счастливы, что их поселили в доме с лифтом и с балконом, но все тридцать лет их донимали люди, которые обязательно хотели переселить сестер в еще худшие квартиры или вообще в другой город, чтобы самим жить именно в этой удобной квартире с балконом и лифтом. Эти люди постоянно пытались навещать бабушек, особенно когда пронюхали, что Ритины дела плохи. Разумеется, эти люди предлагали бабушкам деньги, и очень большие. Бабушки же привыкли к своему новому жилью и к двум милым чистым комнаткам окнами в садик, к балкону, на котором они гуляли, то есть дышали воздухом, когда нормальным человеческим путем уйти из дома было уже нельзя. Тогда-то старушки придумали еще и корзиночную почту. Та, что дома, спускает из окна корзинку на веревке, а та, что внизу, кладет туда покупки. Это на случай, чтобы соседские дети не обобрали по дороге к лифту, в лифте или же на выходе из лифта. Идти пешком вообще не представляло тогда смысла, да и последние десять лет не по силам. Шутка ли, шесть этажей, да еще соседские деточки, не голодные, но любопытные.

Кроме того, вставал вопрос об одежде. Невообразимо было ходить в том, в чем ходили в по-

следнее время Рита и Лиза, в этих аккуратно за-латанных, но уже редких, как решето, юбках. Причем Рита и Лиза надевали их по нескольку, одна на другую, для тепла и прочности. Кофты-то были свои и своей вязки, шерстяные. Рита даже умудрилась построить зимнее пальто: перед вязаный, спинка суконная, воротник тоже вязаный, а рукава суконные, но манжеты опять-таки вязаные. Сестры считали это их общее зимнее пальто последним криком моды. Они видели, каким завистливым взглядом провожают их старушки из очередей и со скамеек. Сестры носили это пальто по очереди, по праздничным дням. А дети давились от смеха, глядя на старушек. Дети просто плакали от смеха.

Бабушкам приходилось тяжело, но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало их, двух теперь маленьких девочек.

Рита с Лизой беседовали всю ночь, пустив в кухне для шума воду из крана.

Раньше, когда они были детьми, они ссорились, играли, сплетничали. Рита воспитывала Лизу. Лиза сопротивлялась. Кругом были взрослые, которые не разрешали поздно приходить, болтаться с кем попало и приносить плохие отметки. Времена были суровые, голодные. Однако папа и мама, хоть и голодные, но тоже были суровые. Папа и мама держались всегда вместе, потому что были времена, когда судьба их разлучала, и поэтому они молча и крепко держались друг за друга и как будто бы вели все время безмолвный разговор, прерывая его затем, чтобы сказать что-нибудь девочкам. Папа с мамой и умерли с разницей в день, словно спелись. Они

хотели умереть вместе, но не получилось. Мама умерла через сутки, полежала, полежала и не проснулась. На похоронах люди говорили, что старикам повезло и что такое бывает только в сказках: жили счастливо и умерли в один день. А все равно не в один же момент умерли эти счастливые якобы люди. Кто-то успел увидеть и понять, что остается один, и кто-то плакал.

Девочки совещались до утра.

Они сказали друг другу, что все хорошо, все прекрасно. Они молоды, они еще совсем маленькие, они умные, они не дадут себя в обиду, они будут закаляться и заниматься гимнастикой и борьбой. Мало ли школьных кружков. Одна будет шить и зарабатывать на жизнь, раньше ведь шила. Надо будет сходить по помойкам, некоторые выкидывают старые швейные машинки. Другая научится выращивать на балконе цветы. Земли кругом полно, и ящики пригодятся, а семена можно собрать по паркам. Надо только научиться лазить по канату, и тогда проблема соседей отпадет сама собой. Много планов составили две живые девочки. Один раз даже поссорились, поругались и поцарапались, но дети есть дети — в конце концов они помирились и договорились насчет получения пенсии и почтальонши, что Рита ляжет в постель под гору одеял и замотается шарфом до неузнаваемости, а подписываться будет рукой в перчатке. А Лиза будет при ней дежурной девочкой из школьного клуба милосердия. А в другой раз будет все наоборот.

Все можно устроить, ко всему привыкнуть, говорила Рита, а Лиза при этом добавляла, что хо-

рошо, что внуки совершенно не навещают, а дети и сами старики, им тоже не до визитов. А телефона в доме нет. Как хорошо, что все так совпало.

Кончилась ночь, загалдели дети под окнами, собираясь в школу, а Рита и Лиза забрались на свои кровати и заснули.

Утро тем не менее наступило, солнечное, прохладное. На завтрак у девочек было по одному куску хлеба и по стакану кипятка с ромашкой. Затем обе девочки стали думать, как одеться в такой солнечный день. Немыслимо было надевать по три юбки и шерстяные кофты. Рита, однако, вытащила еще довольно крепкие простыни, подумала, достала кипу старых журналов, в которых можно было сориентироваться, что сейчас носят дети и молодежь.

— В жизни не надену такой позор, — закричала Рита.

А Лиза смотрела во все глаза и представляла себе юбку и блузку, все белое и все с кружевами.

Лиза кинулась к старым чемоданам в кладовку, все вытащила, глаза ее сверкали, сердце билось, руки были ледяные. Лиза долго рылась, пока не вышла Рита и не увидела кавардак на полу.

— Вот, — сообщила Лиза и протянула Рите комок лент и обрывки кружев, а Рита стала громко кричать, собирать с полу лоскутки, тряпочки, вещички, все детское, все никому не нужное, ползунки, пеленки, чепчики размером с апельсин, кофточки с защитными рукавами, все, что оставляли внуки, внучки, правнуки и что, думали старушки, пригодится праправнукам.

Конечно, при этом Лиза и Рита покричали друг на друга, однако до позднего вечера они все

шили и шили, и Лиза сшила себе блузочку с кружевом, а Рита строгое платье из простыни с отделкой из ленточек от бывшего чепчика. Ленточки, когда-то голубые, давно стали серыми. Но серое с белым — это тоже изящно.

Короче говоря, к ночи сестры были одеты, оставалась проблема с обувью. Хорошо, что в старухах Лиза и Рита берегли все для черного дня, не выкидывали ни валенок, ни калош, ни сандаликов, ни сапог. Все это, правда, лежало давно, слежалось, помялось. Но, к счастью, для Риты нашлись туфли, немного стоптанные, спортивного типа, модные лет пятьдесят назад, а для Лизы сандалии, совсем новые, но спрессованные и плоские, как блины. С большим трудом Лиза натянула сандалии на свои маленькие ножки и снова была поражена тем, какие тонкие ногти у нее теперь на маленьких белых пальчиках.

— Как прекрасна молодость, — вздыхала тем временем Рита, глядя на себя в зеркало. (У них сохранилось одно отколотое сбоку зеркало, которое их немолодая внучка подарила как-то бабушкам на день рождения. Родственники иногда дарили старухам вещи, привозили порой даже целые рюкзаки.) Девочки еле-еле дождались утра, съели по куску хлеба, выпили кипятку с прошлогодней мятой и пошли быстрыми шагами вон из дома. Стоял месяц май, дети или спали, или прогуливали, или маялись в школах. И старушки почти бегом выбрались на улицу. Была огромная проблема с транспортом, так как раньше бедных старух никто не спрашивал насчет билетов, пускали даже в метро. А контролеры обходили их, как зараженные радиацией места. Сестры реши-

ли, однако, пешком сходить в библиотеку, обменять книги.

Долго сидели они, нарядные, во всем белом, в сквере, среди голубей и садовых рабочих, пока не открылась библиотека. Но и тогда они пошли не сразу. Рита сообразила, что они обязаны быть в школе. И если прийти в библиотеку раньше, как они привыкли, библиотекарьша спросит, почему прогульщицы так свободно ходят по городу.

Девочки сидели в сквере, куда постепенно стекались бабушки с внуками и молодые мамы с детьми. Мама сидели на скамейках и разговаривали, время от времени дико вскрикивая: «Куда полез?» или «Галина, встань немедленно!». Бабушки держались около своих внуков, как конвойные при арестантах, рядом с качелями создавалась небольшая очередь из бабушек, ревнивая и строгая к соблюдению очередности. И даже если внук уползал к песочнице, лелея другие планы, бабушки все равно, когда подходил их черед, насильно сажали своих подконвойных на качели.

— Какие глупые, — заметила Лиза.

А Рита не ответила. Жизнь представлялась ей сложной до невозможности. Как прожить каникулы? Это еще ничего. Как потом не учиться? Обратят внимание. Учиться — это значит быть у всех на виду. И зачем учиться? Лиза и Рита были начитанные старушки. Но химия, физика и особенно математика вызывали у них даже в детстве глубокую зевоту.

Сестры пришли в библиотеку днем, когда совсем проголодались и в их животах урчало. Библиотекарьша книги приняла и даже разрешила

выбрать новые — якобы для опекаемых и больных старушек. Операция прошла удачно. Но вместо обычных Диккенса и Бальзака сестры вдруг взяли: Лиза — сказки Гауфа, а Рита — итальянский роман «Влюбленные». На обратном пути Лиза выпросила у Риты пачку самого дешевого мороженого. А потом они, не сговариваясь, свернули в парк и вдвоем слизали это мороженое, глаза на пруд с лодками.

— Лодки, — сказала Лиза.

— Послезавтра моя пенсия, — ответила Рита.

Вздыхая и вспоминая вкус мороженого, сестры смотрели на пруд, а вечер неумолимо приближался. Рита опомнилась первой:

— Надо бежать домой, скоро шесть, в семь они все выползают во двор. (Имелись в виду дети.)

И сестры помчались что есть духу и успели. Во дворе пока что гуляла самая мелкота, приведенная из садика и яслей, на свежем воздухе дети носились, орали, плакали, а на скамейках плотно сидели родители, и полные сумки стояли у их ног.

Время подростков уже наступало, когда Рита и Лиза вбежали к себе в квартиру и заперлись на ключ, засов и на цепочку.

У Риты на вечер был большой план: связать из найденных лоскутков новый половик под дверь, Лиза же умоляла сшить ей из этих лоскутков юбку. В драке победила Рита.

На ужин был кефир, который Лиза пила ревмя ревя, а Рита — прижимая к себе старую наволочку, полную лоскутков.

— Мне нечего носить, — всхлипывала Лиза. — У меня ни часов, ничего. Ни велосипеда. Ты по-

смотри, кто на улице?! Они все с часами и все катаются. Я не видела детства, у меня не было его. У всех девочек подруги и знакомые. У меня же только ты.

— Интересное детство в восемьдесят пять, — сказала Рита.

Лиза подавилась кефиром и замолчала.

— У тебя была прекрасная старость, — сказала Рита. — И довольно с тебя.

— У меня прекрасная? Вся моя старость прошла под твою дудку! — завопила Лиза. — Я сбегу от тебя. Я больше не хочу еще раз стариться у тебя в подручных.

Рита ответила:

— Если ты сбежишь, то обязательно попадешь в детский дом. А ты знаешь, что там хорошего для девочки твоего возраста?

— Там по крайней мере много ребят, — отвечала Лиза, — там по крайней мере кормят, и там школа. Да, я поняла, куда мне надо!

— Но ты же читала в журнале, помнишь, рассказ о детдоме?

— Да, они там все ждут маму и папу. Но мне-то ждать некого!.. Мамуля, папуля! — закричала бедная Лиза. — Где вы?! — И разревелась с новой силой.

Рита не могла этого выдержать и отдала наволочку с лоскутами Лизе. Лиза все плакала.

— Бери свои лоскутки, — закричала Рита. — И перестань орать!

— Да, а что ж ты мне не шьешь?! Ты же не шьешь! Мне юбку нужно!

— Если ты сейчас почишишь зубы и ляжешь спать, я завтра начну шить тебе юбку.

Разумеется, Лиза сказала:

— Если ты сейчас начнешь шить мне юбку, я почищу зубы и лягу спать.

Рита схватилась за голову и стала вспоминать, как в таких случаях поступала мама. Вспомнив, Рита, ни слова не говоря, повернулась и ушла в ванную. И долго стояла под душем, приходя в себя. Разумеется, когда она вышла из ванной, Лиза сидела и раскладывала лоскутки на полу.

— Завтра, все завтра, — спокойно сказала Рита. — Помоги мне собрать лоскутки. Запомни, какой лоскуток с каким.

Утром они опять вышли из дому рано и, не сговариваясь, пошли в парк. Там возились садовые рабочие, было пусто. В буфете разгружали грузовик с бутылками, и толстая буфетчица караулила товар с бумажками в руках. На пруду стояли в воде лодки и плавали черные лебеди, иногда погружая голову в перья и шаря под крыльями, как рукой под мышкой. У пруда уже торчала ранняя мамаша с ребеночком и зевала. А ребеночек, лет двух с половиной, звал: «Голубеди, голубеди!» Но ни голуби, ни лебеди к нему не шли, понимая, что это несерьезно.

Лиза и Рита сели, по своему обыкновению, на любимую еще в старушках скамейку и горестно замолчали. Они часто посещали эту скамейку в предвечерние часы. У них была даже одна как будто подруга, у которой они расслышали, правда, только отчество, Генриховна. И были две нелюбимые собеседницы. Про себя Лиза и Рита называли их Чумка и Холера. Они были очень разные, но в прошлом руководящие работницы. Стриглись коротко, под императора Нерона, и обе были

на него похожи. Только у Чумки юбка была покороче. Генриховна, милая, интеллигентная женщина, бывший детский врач, осталась совершенно одна по невыясненным обстоятельствам, она никогда ничего не рассказывала.

Чумка с Холерой состояли постоянно в гражданской войне, Чумка — со своими соседями, а Холера — со своими родственниками. Из-за этой опасной обстановки Чумка и Холера находились почти круглые сутки на воздухе, сидели в парке на скамейке, питаясь хлебом и кормя голубей. Рита и Лиза, обе деликатные старушки, вынуждены были слушать рассказы Чумки и Холеры почти ежедневно. Но что делать? Это у них был единственный сквер в округе. И все скамейки тут принадлежали уже сложившимся группировкам. Старушки сидели на скамейках, а старички находились на другом конце сквера и предавались там азартным играм, толпясь вокруг доминошников и редких шахматистов. Проходы случайных старичков через круг, по сторонам которого стояли скамейки старушек, сопровождались значительным молчанием одних скамеек и щебетанием и смехом других, где сидели отщепенки, надеявшиеся выйти замуж, как видно. Молчащие скамейки мужиков ненавидели, всех до единого, все возрасты и уже давно.

Таким образом, Рита и Лиза сидели утром на своей скамейке. В этот ранний час Чумки и Холеры еще не было. Рита и Лиза подавленно молчали. Пора было идти в магазин, а потом бегом бежать по помойкам в поисках швейной машины и мчаться домой шить Лизе юбку. Но они сидели, как бы окаменев.

Внезапно на скамейку села старушка. Девочки оцепенели еще больше. Это была Генриховна. Генриховна ласково поглядела на Лизу и Риту и сказала: «Здравствуйте, дети!» Рита и Лиза переглянулись и молча кивнули. Вся их воспитанность улетучилась. Они вели себя как настоящие подростки, т. е. не поздоровались и оцетинились: с какой стати чужая старуха к ним пристаёт?!

— Девочки, — сказала Генриховна, — можно к вам обратиться?

— Ну, — ответила настороженно Рита. А Лиза встала со скамейки со словами:

— Пошли отсюда, блин!

Генриховна как-то жалко улыбнулась и закрыла глаза.

— Больная, что ли? — сказала Рита.

Генриховна не открывала глаз.

— Лиза, — сказала Рита, — я сбегая в аптеку, а ты сиди.

— Прямо, — сказала Лиза, — я боюсь мертвецов.

— Дура, — сказала Рита, — она дышит. Пощупай пульс.

— Ага, завтра, — сказала Лиза. — Я их боюсь.

Они разговаривали точно так же, как их знакомые дети, опуская только бранные слова. Рита пощупала пульс у Генриховны.

— Нужно это, ну, от сердца, я забыла, нитро... что-то... глицерин, да.

— У меня в сумочке был, — заикнулась было Лиза, но прикусила язык. Те времена прошли, когда она ходила с большой заплатаанной сумкой и с нитроглицерином. Генриховна, надо было надеяться, ничего не слышала.

— Бабка, во бабка! Зажмурилась совсем, — продолжала Лиза. — Сейчас отбросит копыта. Пошли.

— Ага, шурши пакет под лавку, — угрожающе сказала Рита. — Сиди, я сбегаяю в аптеку, а то стукну, позвонки в трусы посыпятся, сиди сейчас же. У меня еще остались деревянные.

Лиза сидела с Генриховной, которая еле дышала. «Зачем, бабка, врача не вызвала? Во, блин», — говорила вслух Лиза. А сама полезла к ней в сумочку. Наверняка там, как у всех запасливых старушек, у Генриховны находилось любимое лекарство, и действительно, оно там лежало. Лиза вынула таблетку и сунула ее Генриховне в замятый рот. Генриховна инстинктивно зачмокала, как младенец, проглотила и через несколько минут открыла глаза. Лиза на всякий случай отодвинулась.

— Что со мной, где я? — сказала Генриховна.

Лиза молчала. Генриховна спросила:

— Девочка, это ты мне дала лекарство?

Лиза сказала:

— А че? Я в сумке у вас ничего не брала. Нельзя, что ли? Жмуриться начали. Вы проверьте.

— Девочка, ты спасла мне жизнь. Ты не проводишь меня до дома?

— Нет, — сказала Лиза. — Я тут сестру жду.

Генриховна кивнула и продолжала сидеть. Наконец прибежала Рита. И на ходу затрещала:

— Поразительно неквалифицированные работники здравоохранения, — но потом она осеклась и произнесла: — Во, блин! Без рецепта не дают, а детям вообще... Вызывайте, говорят, «скорую»... А телефон у администратора. Гово-

рит: «Звони из автомата, тут нечего шляться». А автомат сломанный.

— Девочки, мне не добраться до дома, — сказала Генриховна. — Меня зовут Майя Генриховна. Помогите мне, я вам что-то дам. У меня есть не-ношенная блузочка, крепдешиновая. Может, вам подойдет.

— Ну, — сказала Лиза утвердительно, в том смысле, что подойдет. И они повели Генриховну к ней домой.

Генриховна ни о чем не догадалась. Они вскипятили ей чай, сбегали в булочную ей и себе за хлебом. Получили чудесную кремовую блузку с оборками и воланами. И что еще лучше, увидели у Генриховны старую швейную машинку. Генриховна обещала им еще дать много чего и сказала, что позвонит родителям, чтобы они не удивлялись насчет блузки.

— А у нас нет телефона, — сказала на это Рита.

— И родителей, — ляпнула Лиза и прикусила губу.

— Они не удивятся, — подтвердила Рита.

Девочки успели домой как раз перед началом вечерней прогулки детей, которых, можно сказать, вышибала из дома сама жизнь: возвращались с работы усталые и взвинченные после долгой дороги и магазинов их мамы. Дети мгновенно, от греха подальше, не слушая вопросов об отметках и домашних заданиях, выскакивали на улицу.

И еще один вечер прошел в шитье юбки. На ужин были хлеб и кипяток с мятой.

— Как мы так жили, я не понимаю, — бормотала Лиза, сшивая лоскутки в три часа ночи.

А Рита уже спала глубоким сном. И в результате Лиза утром плакала, что это не юбка, а это лоскутное одеяло, и что она такое не наденет, пусть Ритка сама носит. Рита, тоже расстроенная, пришила к юбке два ряда ленточек, подумала еще и сделала подкладку из старой простыни.

— Все, можешь надевать, — сказала Рита.

Лиза, рыдая, надела юбку и посмотрелась в зеркало. Потом, всхлипывая, она надела еще и блузку Генриховны и стала вертеться то одним боком, то другим. А потом упала на кровать лицом в подушку и сказала, что в таких сандалиях больше ходить не может. Это детский сад и кошмар.

После этого они проспали до вечера, имея в шкафчике хлеб, а в мешочке четыре картофелины, одну луковицу и одну свеклу. Рита проснулась раньше и, жалея заплаканную Лизу, сварила борщ и посушила хлеб в виде сухарей.

За дверью на лестнице до двенадцати ночи раздавался буйный хохот большой компании и звенело стекло. В семь утра, осторожно отворив дверь, чтобы вынести мусор, Рита наделала шуму. К ручке ее двери были привязаны за горлышко две пустые бутылки, которые громко брякнули о стенку. Это была совершенно обычная вещь. Это был привет от гуляющей молодежи. И Рита, поискав вокруг, отвязала еще три пустых бутылки на своем этаже, а четыре лежали в лифте. Бутылки эти были частично из-под лимонада, а две были водочные. Рита все собрала и унесла домой. Бутылки можно было сдать и получить деньги. Небольшие, но на один день жизни хватило бы.

Это-то как раз и был день, когда приносили пенсию. Рита легла, Лиза замотала ей голову и шею платком и шарфом. На руку Рита надела перчатку (на другую она надела варежку, так как перчатка у них была одна). Почтальонша позвонила, Лиза открыла со скорбным видом и сказала, что прапрабабушке плохо, у нее экзема и все лицо и руки болят. Но расписаться она распишется. Почтальонша дала Лизе карточку. Рита расписалась в комнате. Почтальонша отсчитала деньги, крикнула в комнату: «Выздоровливайте!» — и, ничуть не удивившись, ушла. А Рита, молодец, расписалась как обычно.

Но жить на эти деньги могли только слабые, нищие, нетребовательные старухи, у которых ничего уже не растет: ни вес, ни рост, ни нога, а растут только редкие усики и ногти. И для стрижки их нужны только одни ножницы на всех. Старухам достаточно было подкопить за свою жизнь тряпья и носить его без стеснения.

Рита напряженно думала, что делать. Летом можно было еще прожить. Она знала несколько магазинов, около которых выставлялись ящики со сгнившими овощами и фруктами. И многие старушки выбирали себе на компот и на суп слишком дорогие для них в неиспорченном виде продукты. Также можно было иногда посетить рынок. И богатые ленивые продавцы, преимущественно бабы, порой тешили себя тем, что дарили остатки нищим старушкам, которые, шатаясь от слабости, ходили по рядам и якобы пробовали, хороши ли сливы, кислая капуста или творог. Правда, почти всегда их гоняли от товара, как мух, крича: «Нечего тут, нечего!» Но

детям этого не простили бы. Дети не могли, не имели права попрошайничать, пробовать капусту и даже продавать вязаные варежки. Таких детей немедленно бы выгнали или сдали в милицию.

Но Рита была уже девочка с большим жизненным опытом. Она сама росла, росли ее дети, внуки. И она предвидела множество расходов. А Лиза как будто и не была матерью и бабкой. Она все забыла и видела только себя в зеркале, красивую, по ее собственному мнению, девочку, которую надо баловать и все ей дарить. Лиза всю жизнь была такая. И всю жизнь ее баловали. И баловал ее муж, который относился к ней как к ребенку. Но уже дети сами выросли балованные. И затем баловали своих детей, но только не старую, одинокую Лизу.

Когда наступило утро, Лиза не соизволила встать. Эту девчонку пришлось долго будить. Надо было быстро завтракать и живо уходить из дому. Рита не открыла перед ней своих горьких дум. Рита предпочла действовать, как покойная мама. Ни на что не жаловаться, ни у кого не просить помощи, но и требовать от ребенка неукоснительно хорошего поведения. И Рита собиралась купить две щетки и зубной порошок, которого у старушек не бывает по причине отсутствия настоящих зубов. И она собиралась заставить Лизу дважды в день чистить зубы.

В дверь позвонили.

Лиза побежала открывать. И Рита ничего не успела сказать, как в квартире появился рыжеватый крепкий мужчина.

— Это я, — сказал он. — А где хозяйюшки?

Рита ответила, сильно испугавшись:

— Бабушек нет дома.

— Гм, в такую рань я думал, что застану. А можно их подождать?

— Их не будет сегодня.

— А где они?

— Они на даче.

— А вы что тут делаете?

— А мы, — ответила Рита, — тоже собираемся уезжать.

— А что вы не в школе?

— А у нас скарлатина, — быстро соврала Рита. — Карантин в школе.

— Гм, — сказал мужчина. — Так.

Он пошел по квартире, осматривая потолки, трубы, краны, трогая оконные рамы с облупившейся краской.

— Гм, квартиру придется ремонтировать. Гм!

Он пошел теперь смотреть балкон. Вид с балкона ему понравился.

— А зачем столько ящиков? Гм! Ну хорошо. И от метро близко. А телефона, я помню, нет?

— Нет.

Девочки раздраженно следили за ним. Наконец Рита сказала:

— Дяденька, мы уходим.

— Уходите, уходите.

— А вы как же?

— А я пока побуду. Скарлатиной я болел. Я не боюсь. Мне надо дождаться ваших бабушек. Мне они срочно нужны.

— А они же уехали на лето! — воскликнула Рита.

— Они же не приедут сюда, — пискнула глупенькая Лиза.

— Ну и ничего. Я поживу. У меня есть время.

— А что вам надо-то?

— А что? Я хочу к ним прописаться опекуном.

— Зачем? — спросила глупая Лиза.

— Как зачем? Я пропишусь, и квартира не пропадет.

— Что значит не пропадет? — сказала Рита.

— То и значит. Одна уже при смерти. Мне сказала на почте почтальонша. Вторая тоже на ладан дышит.

— Глупости. Как это на ладан?! — воскликнула Лиза. — Что вы бормочете, молодой человек! При чем вы здесь?

— Я первый пришел.

— Откуда у вас такие сведения? — спросила Рита. Щеки ее горели.

— Откуда, откуда... Я же знаю. Я пришел по адресу. Дали добрые люди.

— Ну что, — сказала Рита. — Придется вызывать Светиноного мужа и ее брата.

— А вы-то сами здесь никто, — сказал человек. — И не прописаны. Это не ваша квартира. А последнее слово за той, которая еще жива.

— Да не пропишет она вас. Она прописывает как раз нас, своих внушек, правнучек.

Мужчина сказал:

— Вы несовершеннолетние. И это незаконно.

— А сейчас уходите, — сказала Рита, — уходите.

— Нет, — ответил мужчина. И лег, лег прямо на Лизин диванчик. Потом подумал и снял туфли. Потом повернулся лицом к стене и заснул, как засыпают давно не спавшие люди. Сестры сели в другой комнате.

— Сумасшедший и аферист, — сказала Лиза.

— Лиза, сколько раз тебе говорили, не открывай дверь. И мама тебя просила, и я. Все из-за твоего глупого поступка.

— Я же маленькая, — возразила Лиза и заплакала горько-горько.

В соседней комнате храпели.

— Слушай, — сказала Лиза, — а давай найдем ту мазь и помажем ему рот.

— Ага, — ответила на это Рита. — И потом возись с малолетним хулиганом.

— А мы ему побольше помажем.

— Да эти в любом возрасте такие. Помнишь нашего соседика на Божедомке, в детстве? Ему было пять лет, и он нас бил ногами.

— А мы его сдадим в детский сад, отведем на улицу, а сами раз и в троллейбус.

— Жалко, — сказала Рита.

— Жалко тебе? Он ведь нас выгонит.

— Нет, это не дело, — подумав, сказала Рита.

— А убить его?

— Нет, убить мы не сможем.

— А нож к горлу?

— Дура ты, Лизка.

— Я его убью! — воскликнула Лиза.

— Да кто тебе разрешит? Убивать нельзя.

— Он агрессор.

— Он агрессор, да. Но ты видишь, ему негде жить, негде спать. Видишь?!

— Ты всегда всех жалеешь, кроме меня. Ты можешь себе представить, если мы уйдем, он сюда нас больше не пустит? — сказала Лиза. — Вставит новый замок. А если мы его сейчас как-то выгоним, он взломает дверь в наше отсутствие.

— Слушай, давай я оденусь бабушкой, а ты меня как будто приведешь, — сказала Рита.

— А как?

— Сейчас.

Рита лихорадочно стала одеваться во все старушечье. На руки надела перчатку и варежку. На нос очки. Лицо она натерла разведенной мукой, так что мука на лице засохла полосками и складками. А сверху нарисовала карандашом морщины. Пока они возились, в соседней комнате храп захлебнулся и голос афериста сказал: «А? Что? Не понял». Рита взяла в руки свою клюку. И они с Лизой пошли в прихожую. Стукнули там дверь, и Лиза сказала тихо, но внятно:

— Бабушка, мы тебя вызвали, потому что какой-то человек хочет у тебя здесь поселиться.

— Какие глупости! — хрипло, басом закричала Рита и замахала клюкой. — Где он?

Лиза подвела ее к диванчику, на котором лежал еще не проснувшийся хорошенько мужчина в расстегнутом пиджаке.

— Бабусь, — хрипло сказал он и откашлялся.

Рита палкой быстро стукнула его по голове и закричала:

— Милиция, милиция! Подозрительный элемент из тюрьмы.

Схватившись за голову, мужчина сел на диване, а Рита слегка стукнула его еще раз палкой по голове.

— Беги, Лиза, открывай дверь на лестницу. Пусть соседи вызывают милицию.

Лиза, как ветер, помчалась и стала стучать в собственную дверь. Мужчина задумчиво встал,

зевнул, взял в руки туфли и в одних носках выбежал на лестницу, мимо Лизы. Сказал: «Простите» — и как был, без лифта, в носках, быстро ссыпался вниз по лестнице.

Лиза с торжеством захлопнула дверь. Сестры кинулись обниматься. Потом Рита сказала:

— Нужна мама.

— Или бабушка, — откликнулась Лиза.

— Генриховна! — воскликнули обе.

Сестры быстро собрались — был уже белый день — и тронулись в путь. Они решили предложить Генриховне пожить у них. Тем более что у нее была швейная машина.

Они постучались в дверь Генриховны и не получили никакого ответа. Они долго стояли под дверью, барабанив кулаками и пятками, пока снизу не поднялась женщина с очень злым лицом.

— Вы что тут колотите, отравы?

— Извините ради Бога, — ясным голосом сказала Рита. — Мы пришли навещать больную, а что-то случилось.

— Что стучать, как психи? — успокаиваясь, сказала соседка. Она поднялась и позвонила в дверь рядом. Тут же открылась на цепочку дверь. В щели было чье-то большое сморщенное ухо.

— Дядя Сеня, — сказала женщина, — а чего с той, из десятой?

— А че?

— Не открывает она. Милицию вызвать?

— Не знаю, — отвечал дядя Сеня, гремя цепочкой и открывая дверь пошире. Он предстал во всей своей красе: в голубой майке, в шапке-ушанке ушами вверх, тесемками вниз, в голубых кальсонах и бритый, но недели две назад.

— Ты чего? — спросила соседка.

— Болею, — отвечал дядя Сеня.

— Во, лучше с соседями жить, чем так, одной... Раз — и все.

— А соседи сдадут в богадельню, — отвечал дядя Сеня, весь в пуху, видно, спал на подушке.

— Ну, — сказала соседка. — Я пошла. У меня Володька спит, а эти как зачали колотить... Вы, девочки, сами кто?

— Мы ее родственники, — соврала скорая на такие дела Лиза.

— Но не прямые, — поправила ее Рита.

— А, ну что ж теперь.

А за спиной дяди Сени встала толстая бабушка, босая и с тряпкой в руках.

— Это про что разговор?

— А из десятой... Не открывает какой день...

— Вчера мы у нее были, все было в порядке, — опять соврала Лиза.

— А, ну в магазин побежала, — зевнул дядя Сеня и захлопнул дверь, наложивши затем цепочку.

Девочки вышли и сели во дворе ждать. Идти домой было страшно: а вдруг там на лестнице сидит рыжий мужчина и хочет их побить.

Тем временем подошел вечер. Было все еще светло, но в окнах зажигались огни. Бегали и кричали опьяненные свободой дети, отработавшие свой день в детском саду. Звучала музыка. Мимо ходили люди, но Генриховны не было. Может, ей стало плохо на улице и ей вызвали «скорую»? Девочки сидели очень долго, до полуночи, потом поплелись домой. На лестнице никого не было. Девочки быстро отперли дверь

и скрылись у себя в квартире. «Слава тебе, Господи!» — воскликнули обе старушки в восторге. Приняли душ. Съели борщ с хлебом и выпили горячей воды. «О счастье. Дома, дома!»

Ночью Лиза во сне плакала. А Рита не спала и с тоской думала о Генриховне. За этот день у нее душа так наболелась об этой чужой, посторонней старушке! Она вспоминала ее деликатность, спокойствие, тактичность даже по отношению к Чумке и Холере. Чумка и Холера часто консультировались у Генриховны насчет болезней. Но Генриховна была врачом для самых маленьких, микрopedиатром, то есть она была специалистом по детям в возрасте до одного месяца. И потому очень часто она просто сочувствовала, а рецептов не давала. А старая Лиза всегда вмешивалась и давала точные и подробные советы, как что лечить. Лиза обожала лечить. «В сущности, — думала Рита, — Лиза спасла меня от смерти». Рита встала и, как это делала мама, подула на Лизин лобик. Лиза вздохнула и перестала скулить.

Утром девочки были опять у дверей Генриховны. Они позвонили. Прошло много времени, и в глубине квартиры что-то стукнуло и тяжело задвигалось. Прошло полчаса. Генриховна открыла им дверь, сидя на полу.

— Ой, здравствуйте, — захлопотали девочки. — Где же вы были, мы к вам приходили.

Генриховна задумчиво смотрела на них с пола, опираясь на руку.

— Вам было плохо? Мы как чувствовали. Вы помните? Мы девочки из сквера. Вы нас поили чаем.

Генриховна кивнула.

— Мы забеспокоились и вот пришли. Как вы себя чувствуете?

Генриховна открыла рот, но ничего не сказала.

— Вы не можете говорить?

Генриховна вдруг заплакала. Она сидела на полу и лила слезы.

— Вам надо в больницу, — сказала Рита.

Они вдвоем втащили Генриховну в комнату. В комнате был перевернут стул и на полу лежал разбитый стакан в луже.

— Она так вот и пролежала весь вчерашний день, — сказала Рита. — А ну, Лиза, сбегай домой, поищи-ка мазь.

Лиза кивнула и помчалась.

Рита, как могла, уложила Генриховну, дала ей попить, сварила ей кашку на воде и покормила. А Лиза все не шла. Настал вечер. Лизы не было. И Рита беспокоилась все больше и больше. Куда могла деваться двенадцатилетняя девочка с ключами? Ближе к ночи Лиза пришла бледная.

— Никакой мази нет, ни одной. Я искала как сумасшедшая. Я ушла, а они все уже сидели на лестнице. Но лифт пришел быстро. Я успела.

Лиза с Ритой поселились у Генриховны. Только один раз они ночевали у себя, чтобы получить Лизину пенсию. И опять устроили маскарад для почтальонши, причем Рита строго предупредила ее никому адреса не давать.

Они кормили бабу Майю. Рита делала ей массаж, как когда-то отцу, доставала лекарства. Вызвали медсестру с уколами. Баба Майя все понимала и старалась изо всех сил, потихонечку делала гимнастику пальчиками, потом руками. Через полтора месяца баба Майя сказала:

— А-и-а...

— Спасибо вам, — перевела Рита.

Баба Майя дальше сказала:

— О-о-ые э-о-и (хорошие девочки).

К августу Майя Генриховна уже гуляла во дворе и говорила всем:

— Мои внученьки приехали.

В сентябре девочки пошли в школу. Майя Генриховна ходила туда и сказала, что они приехали издалека, немного поучатся без документов.

Кому какое было дело? Девочки пошли в школу, сначала с радостью, потом, как все дети, уже с неохотой, а иногда даже сопротивляясь по утрам, особенно Лиза.

Зато вечерами все втроем они беседовали, и Генриховна поражалась про себя, откуда у маленьких девочек такая мудрость и всепрощение, и она крестила их на ночь, повторяя:

— Это не простые дети.

А две малолетние старушки спали, и каждая надеялась, что все-таки найдется та волшебная мазь для их родной Генриховны. Рите снилась Генриховна с чертами их мамы, молодая, красивая и строгая, и Рита робко радовалась своему счастью. А глупой Лизе, например, снилось, что крошка Генриховна кричит в пеленках, а у них с Ритой пропало молоко.

А по субботам они ходили к метро продавать носки и варежки.

Может быть, вы их там видели...

СЕКРЕТ МАРИЛЕНЫ

Одна очень толстая девушка не умещалась в такси, а в метро занимала собой всю ширину эскалатора.

Сидела она на трех стульях, спала на двух кроватях и работала в цирке, где поднимала тяжести.

Это была очень несчастная девушка, но ведь многие толстые люди живут счастливо! Их отличает кроткий нрав и доброе сердце, и люди любят толстяков.

Но наша толстая Марилена хранила в себе одну тайну: только ночью, придя к себе в гостиничный номер, где для нее, как обычно, были сдвинуты три стула и две кровати (цирк ведь постоянно путешествует), — только ночью она становилась сама собой, то есть превращалась в двух девушек нормального вида, очень красивых, которые принимались тут же танцевать.

Секрет толстой Марилены был такой, что некоторое время назад она выступала на сцене в виде двух балерин-близнецов, причем для различия одна из них была золотистой блондинкой, а вторая с черными как смоль кудрями: так считалось интересней, а то люди путались, кому из них передавать какие цветы.

И, разумеется, в блондинку влюбился некий колдун, а вторую сестричку, черненькую, он немедленно обещал превратить в электрический чайник со свистком, чтобы этот чайник повсюду сопровождал молодую пару и своим шипением и свистом напоминал о том, что вторая сестра, только взглянув на колдуна, начала отговаривать невесту от этого знакомства.

Но когда он только замахнулся своей волшебной палочкой на эту несчастную, его предполагаемая невеста так надулась, что покраснела, вспотела, зашипела и забурлила не хуже чайника, и колдун тут же решил, что ничего не выйдет.

— Такие супруги, — сказал он (а колдун был женат семнадцать раз и знал, о чем говорил), — такие подруги хуже чайника, потому что чайник можно вырубить, а кипящую бабу нет.

И он решил наказать шумную пару сестер.

А дело происходило за кулисами в коридоре, где он поймал их сразу после концерта, чтобы познакомиться и предложить блондинке брак немедленно тут же.

Уж что-что, а это он умел.

Кстати, если у него что-нибудь не получалось сразу, он тут же терял интерес к делу, скучнел и бросал все на полдороге.

Он превращал своих неудавшихся невест и жен во что попало: в плакучую иву, в водопроводный кран, в городской фонтан.

Ему нравилось, чтобы они плакали всю оставшуюся жизнь.

— Вы еще будете у меня рыдать, — сказал он, не давая сестрам проходу в тесном коридоре, по которому взад-вперед сновали артисты.

— Да? — ответили сестры. — А ты знаешь, что при нашем рождении присутствовала фея Бродбутер, которая сказала, что тот, из-за кого мы хоть раз заплачем, превратится в корову! И его будут доить пять раз в день! И он проведет весь свой жизненный путь по колено в навозе!

— Да? — усмехнулся колдун. — Тогда и от меня подарочек! Вы больше никогда не сможете плакать! Это раз! И во-вторых, во-вторых, вы больше никогда друг друга не увидите! Если уж на то пошло!

Но сестры возразили:

— Фея Бродбутер и это предусмотрела. Она сказала, что если кто нас разъединит, тот превратится в микроб дизентерии и всю свою оставшуюся жизнь проведет по больницам в жутких условиях!

— А, тем лучше, — воскликнул неудачливый жених-колдун, — тогда я вас, так и быть, соединю навеки. Будете всегда вместе. Фея Бродбутер останется довольна. Если только (тут он тихо засмеялся) вас не захотят разделить напополам. И я согласен, что в данном случае виновник должен быть превращен в микроба дизентерии, в палочку! Это будет справедливо. Молодец ваша фея. Но кому придет в голову разрезать вас напополам?

Тогда близнецы сказали:

— Не выйдет! Фея Бродбутер заколдовала нас, чтобы мы ежедневно два часа в любых условиях при любой погоде танцевали вдвоем!

Колдун задумался и ответил:

— Ну, это не проблема Два-то часа в день можно. Когда вас никто не будет видеть, вы бу-

дете танцевать два часа в день и еще горько об этом пожалеете!

Тут близнецы побледнели, кинулись друг дружке на шею и стали прощаться — но заплакать они уже не могли.

А колдун, ухмыляясь, взмахнул своей волшебной палочкой, и во мгновение ока перед ним выросла девушка-гора, бледная и испуганная, с грудью как подушка, со спиной как надувной матрац, с животом как мешок картошки.

Тяжело переваливаясь, эта девушка полезла к зеркалу, увидела себя, застонала и упала в обморок.

— Вот так-то, — печально сказал колдун и исчез.

Почему печально — потому что жизнь всегда открывалась ему с плохой стороны, несмотря на то что он все мог.

Вернее сказать, жизни у него не было никакой.

Никто его не любил, даже папа с мамой, которых он однажды после небольшого скандала превратил в свои домашние тапочки.

Неудивительно, что тапочки у него все время терялись.

Колдун мстил всем, кто его не любил, он буквально смеялся над бедными, бессильными человеческими существами, а они платили ему страхом и ненавистью.

У него было все — дворцы, самолеты и корабли, но люди его не любили.

Может быть, если бы нашлась душа и позаботилась о нем, он бы и засиял, как медная сковорода у заботливой хозяйки.

Но все дело в том, что он сам не мог никого полюбить и даже в простой улыбке прохожего видел злой умысел и стремление выпросить что-нибудь даром.

Тут мы его оставим, он ходит где-то по белому свету, никого не боясь (и жаль), а наша толстуха в тот же момент была удалена из театра охраной, как постороннее лицо, находящееся в служебном помещении, ей не удалось даже забрать с собой сумочки с деньгами, принадлежавшие сестрам: кто она такая, чтобы брать чужие сумочки!

Марилена (бывшая Мария и Лена) чуть не умерла с голоду в первое время: она жила то на вокзале, то в городском саду, она уже не могла танцевать и зарабатывать на жизнь, а милостыню такой толстухе кто же подаст: где вы видели жирного нищего!

Такому нищему немедленно надо похудеть где-нибудь в укромном месте, чтобы не пропасть от нищеты.

Он и похудеет, уверяю вас.

Но наша Марилена похудеть не могла, даже если бы вообще ничего не ела: все благодаря колдуну.

Кстати, многие полные люди, похоже, заколдованы: как бы они ни голодали, все равно вес возвращается, словно по волшебству.

Итак, нашу Марилену больше никто не приглашал для исполнения парных танцев:

Во-первых, какие могут быть парные танцы в одиночку!

Во-вторых, слишком толста.

В-третьих, ее никто не узнавал, а ведь широко известно, что в балет и на сцену принимают только знакомых.

Однако ночами где-нибудь в парке или за вокзальными постройками, оставшись одна, толстуха превращалась в двух очень худых балерин и печально, спотыкаясь от голода, танцевала чарльстон, чечетку, рок-н-ролл и па-де-де из балета «Спящая красавица».

Но ее в этот момент никто не видел, как и завещал колдун.

Наконец она придумала, как поправить свои дела: она пошла в цирк и предложила такой аттракцион, съедение жареного быка за десять минут.

Идея понравилась руководству, и была устроена показательная репетиция, на которой голодная Марилена сожрала быка за четыре с половиной минуты!

Бык был, правда, маловатенький и тощий, на большие затраты дирекция не пошла.

Съев быка, Марилена ощутила жуткий прилив сил и на радостях подняла директора и администратора, каждого одним мизинцем, и пронесла так по кругу.

Тут же с ней заключили договор как с самой сильной женщиной мира и чемпионом островов Мань-Вань.

Насчет быка больше не заикались, т. к. это могло бы обойтись недешево.

Теперь на ежевечернем представлении Марилена подымала лошадь с телегой, паровоз и, в заключение, весь первый ряд зрителей на скрепленных между собой стульях.

Только на этих условиях ей платили деньги, в искусстве надо сильно удивлять публику, иначе подохнешь с голоду.

Запахавшись, она шла после работы в ресторан, где съедала жареного барана, выпивала флягу молока, а затем, не заплатив, ехала к себе в гостиницу.

Ее ужин был рекламным трюком для ресторана, туда собирались любители поспорить, за сколько минут Марилена сожрет барана.

Так же весело проходили покупки платьев: портные шили Марилене и приглашали на примерку телевидение, а также нанимали фотографов: вот Марилена ДО, а вот она же ПОСЛЕ: смотрите, как изменило ее это платье!

И в журналах появлялись снимки веселой толстухи с хорошенькой мордочкой — от удвоения у нее, конечно, увеличился нос, но глаза стали просто огромными, а зубы были такие крупные и белые, что на Марилену кидались все производители зубной пасты и щеток, умоляя ее рекламировать именно их товар!

То есть она стала гораздо богаче, чем была.

И ее теперь сильно утомляли собственные ночные танцы, которые она по дурости сама себе накликала, придумав фею Бродбутер перед лицом легковерного колдуна.

Ведь она уже стала забывать, что в ней томятся две души, эти души молчали и плакали без слез в темнице, которой было для них мощное тело Марилены, а вместо них в этом теле вырастала совершенно новая, посторонняя душа, толстая и прожорливая, нахальная и веселая, жадная

и бесцеремонная, остроумная когда это выгодно и мрачная когда невыгодно.

Эта ведь не секрет, что в человеке иногда исчезают прежние души и заводится новая, особенно с возрастом.

Новая душа Марилены прекрасно знала, журналистов какой газеты надо угостить обедом перед интервью, и когда можно посетить клуб угнетенных толстяков, и когда передать сиротам подарки фирм (фирмы платили отдельно).

Танцы ее больше не интересовали, эти две души, которые имели право возникать на два часа по ночам, несчастные и одинокие, они путали весь режим, не знали распорядка, что день был тяжелый, что завтра самолет в шесть утра, не умели считать прибыль и убытки, зато неуместно вспоминали родину и умерших отца с матерью, что тормозило всю программу ночного отдыха.

Особенно это стало трудно, когда у Марилены появился жених, бледный юноша с пухлыми губами по имени Владимир, который быстро взял на себя все счета, расчеты и переговоры.

Его как раз очень раздражало, что каждый вечер Марилена исчезала на два часа и после этого выглядела как загнанная лошадь, не вступала ни в какие беседы ни с кем и отключала телефон.

Взяв в свои руки всю жизнь Марилены, он не мог понять, куда девались эти неоплачиваемые два часа, и закатывал ей жуткие скандалы.

Марилена его любила и назначила ему огромное жалованье, а также взяла на работу его сестру Нелли, однако стеснялась рассказать ему про те два часа.

Но, как бы там ни было, однажды Нелли объявила ей, что Владимир договорился о гигантской рекламной кампании, о похудении: это предложение двух фирм, занимающихся операциями на людях и особым питанием.

Причем они платят большой гонорар ей же!

Нельзя упускать такого шанса, сказала Нелли, а Владимир в командировке в обеих Америках и вернется как раз к финалу, чтобы встретить свою помолодевшую худенькую невесту.

— Да, и я смогу танцевать, — сказала Марилена, не подумав о том, что в случае похудания ее две души умрут от истощения.

Нелли в ответ заявила, что тоже ложится в ту же клинику пластической хирургии и тоже будет омолаживаться и кое-что менять в лице.

— Так что вы пострадаете не одна, — пошутила обычно мрачная Нелли.

И Марилену отвезли в клинику, где опытные хирурги сначала ее фотографировали со всех сторон, а затем спрятали фотографии для сенсации и повели Марилену куда-то по коридорам все вниз, вниз и вниз, и наконец заперли в комнате со всеми удобствами, но зато без окна.

Марилена ничего не поняла, хотела позвонить, но телефона не оказалось, стала стучать в дверь, но никто не пришел.

Она начала стучать настойчивей, просто биться об дверь (вспомним, что Марилена работала силачом в цирке), но все было напрасно.

Сбив руки в кровь, Марилена затихла на полу, но вдруг она услышала далекую музыку, как всегда перед началом танцев, и тут же увидела

свою худенькую сестричку, а сама стала Марией и принялась кружиться вместе с ней.

Видимо, настало их ночное время, и, проклятая все на свете, расстроенные Мария и Лена танцевали со сбитыми в кровь руками.

Они сказали друг другу то, что давно уже подозревали — видимо, это начало конца, видимо, Владимир решил избавиться от Марилены и завладеть ее деньгами, и клиника — это просто ловушка.

Но едва репетиция закончилась, толстуха Марилена с жадностью слопала обед, появившийся откуда-то на полу.

После обеда Марилена почувствовала страшную сонливость, успела подумать, что еда отравлена, и свалилась где стояла, у стенного шкафа.

Когда пленница очнулась, она решила бороться за жизнь и ничего больше не есть, а только пить воду из-под крана, но вы знаете толстух — они и часа не могут прожить без пищи, и пришлось ей опять пообедать тем, что появилось на сей раз около двери на полу, кастрюлькой жирных щей с мясной костью.

После чего она буквально рухнула на кровать и пролежала без сознания до появления тихой музыки, возвещавшей о начале ночных танцев.

Мария и Лена теперь с трудом танцевали вдвоем, это был неповоротливый, медленный вальс, прощальный вальс, потому что было ясно: толстуху Марилену решили отравить.

Большую часть времени сестры разговаривали о смерти, молились и плакали без слез, прощались, вспоминали детство, папу, который так

рано ушел, и маму, которая покинула своих детей вслед за отцом.

И туда, где теперь находились их души, туда, в неведомые края, лежал теперь путь сестер.

На следующий день толстуха Марилена не смогла даже подняться и дойти до крана с водой.

Она лежала, придавленная своим огромным весом, и тихо разговаривала сама с собой разными голосами, причем один ее голос был жалобный и упрекающий, а другой добрый и ласковый.

— Если бы ты согласилась выйти замуж за колдуна, ничего бы с нами не случилось.

— Да, а ты бы сейчас жила в виде чайника.

— Нет, мы бы его уговорили, ты что! И потом, лучше жить в виде чайника, чем умирать вот так, в тюрьме!

— Не волнуйся, — отвечал другой, добрый и ласковый голос, — скоро ангелы проводят нас к папе с мамой.

— Нам не надо ничего, — вопила Марилена, — никаких денег, никакого Владимира, отпустили бы нас жить куда-нибудь на острова Мань-Вань!

— Если бы, — кротко отвечала Марилена сама себе.

И тут произошло чудо: с тихим шелестом отъехала одна из стен, и Марилена, не веря себе, почувствовала ночную сырость.

В комнату вползал туман и запахи жасмина и сирени.

Кровать Марилены упиралась спинкой в куст шиповника, и цветочки, розовые и простенькие, свесились над подушкой.

Марилена с огромным трудом поднялась, переползла в сад и свалилась в крапиве, и на нее посыпался целый дождь росы с листьев.

Облизав пересохшим ртом траву и свои мокрые руки, Марилена вдруг вскочила — уже играла тихая музыка — и принялась танцевать в кустах какой-то танец, то ли стрекозиный, то ли комариный, с подскоками и полетами.

— Ты поняла? Мы в раю! — радостно закричала Мария.

— Ой, уже? — заплакала без слез Лена. — А как же моя жизнь? Кончилась?

И буквально тут же обе балеринки оказались в чьих-то цепких лапах, причем это были мужички безо всяких крыльев и белых одежд: нормальная охрана с пистолетами и в потных рубашках.

Балеринок схватили и потащили, хотя они нисколько не сопротивлялись, и только Лена пискнула что-то вроде «Ой, это не рай».

Пленниц, видимо, волокли через заросли шиповника, потому что вскоре их руки и плечи оказались исцарапанными до крови, так что когда сестричек втолкнули в караульню и принялись допрашивать, вид у них был дикий.

Тут же составили протокол о нарушении запретной зоны, затем арестованных допрашивали с пристрастием, в основном насчет того, могут ли они заплатить штраф в размере трех миллионов прямо тут же, на месте, в караульне: тогда, дескать, отпустим.

— Откуда? — спрашивала белокурая Мария. — Да мы здесь никого не знаем, мы здесь проездом! Мы танцовщицы из балета!

— Вы что, с ума сбесились? — кричала черненькая Лена. — Хватают людей ни за что! Мы будем жаловаться!

— Что же, если денег нет, тогда вас приговорят к пожизненному заключению в тюрьме! — сокрушенно сказал сторож. — А двух миллионов не найдется? Мы дорого не возьмем.

Но тут произошло нечто странное — в караулку всунулся другой охранник и рявкнул:

— Это кто? Это не она! Вы еепустили! Чем вы тут занялись? Нелли вопит как зарезанная! Должна быть одна толстая, а тут... Откуда эти две драные вешалки? Ну, вы сами ответите. Она идет сюда!

И действительно, в караулку вбежала в сопровождении своры врачей женщина с забинтованным лицом, и узнать ее можно было только по голосу, низкому и зловещему:

— Где? Где она? Это? Вы что, захотели на каторгу? Вас для чего нанимали? Как только она выйдет, сразу ее схватить и убить в целях самозащиты! А вы кого мне предъявляете?

— Стояли, понимаете, на том самом месте, где открывается стена... Эти две мокрохвостые... — оправдывался охранник. — А больше никого не было.

— Как не было, бандит! Как не было, каторжник! Да я тебя сошлю на Мань-Вань! Ты что, забыл, какой у тебя приговор? Владимир все для тебя сделал, спас от виселицы, а ты! Что вы здесь делаете? Прочешите весь сад! А этих разведите по разным комнатам и допросите, может, они что видели.

На этом Нелли с толпой врачей удалилась. В комнате остался начальник караула, тот, который требовал миллионы.

Со сладкой улыбкой он сказал:

— Вы у меня сейчас все расскажете! У меня такие есть способы... Такие способы... Вы у меня еще признаетесь, что сами убили и съели толстуху... Причем в сыром виде. Другого выхода нет... И вас казнят! А нам заплатят три миллиончика за труды... Все равно Марилену должны были случайно убить... Слышали? Тем более что эта жирняга сама оказалась бы накачанной наркотиками. И должна была одного у нас тут зарезать. Вон того, кто заглядывал, он не знает... Деловой такой, все командует... Жалко, не получилось... А теперь даже легче... У меня такие есть ужасные пытки! Сами полюбуетесь. Лучше сразу сознавайтесь, чтобы не страдать перед виселицей... Вы ведь ее скушали?

Но тут два часа танцев уже, видимо, истекли, потому что Марию неудержимо повлекло к Лене и наоборот, а охранник оказался между ними.

— Вы что? — заорал он. — Куда? Че давите? Стрелять буду! Стоять на месте!

А Лена и Мария уже срастались руками вокруг него.

Тут он выхватил из-за пояса нож и стал вслепую рубить.

И после первого же удара, когда он отрубил руку Марии от руки Лены, они почувствовали, что им уже не надо соединяться.

Окровавленные, исцарапанные балеринки стояли и смотрели друг на дружку, а охранник исчез.

— Ты знаешь что произошло? — завопила потрясенная Лена, — это же предсказание колдуна! Кто нас попытается разрезать, тот превратится в дизентерийную палочку!

— Ой, — сказала Мария, — бежим отсюда, еще нам заболеть не хватает!

Потрясенные, они глядели на пол, где, по их предположению, должен был сейчас ползать усатый, толстый микроб дизентерии, и пятились вон.

Иногда одно зло побеждает другое зло, и минус на минус дает плюс!

Их никто не остановил.

Они выбежали в сад, долго метались по мокрым кустам, пока не нашли ворота, где стоял на все готовый вахтер.

— Бегите, там ходит такая толстая тетка с ножом, она нам угрожала, что зарежет!

— Толстая? — встрепенулся вахтер и бросился к телефону.

Лена и Мария выскочили за ворота и оказались на свободе.

Они помчались подальше от проклятого места, долго бежали, пока не оказались на давно знакомом вокзале.

Куда же еще пойти бездомному человеку...

Там они отмылись, сначала в луже за кустами (видимо, в городе этой ночью шел сильный дождь), потом в туалете.

Несколько царапин на лбу и на руках было не в счет, мало ли каким ударам судьбы подвергаются бродячие нищенки!

На вокзале Лена и Мария просмотрели несколько валявшихся на лавочках газет и узна-

ли, что назавтра ожидается триумфальное возвращение толстухи Марилены, обновленной звезды цирка, которая теперь весит пятьдесят килограмм вместо ста.

Тут же помещался портрет новейшей Марилены (явная секретарша Нелли, но с большими зубами и с расширенными веками, от чего вид был несколько косоглазый, как у бульдога, что поделать) и реклама удивительной клиники, где за три дня делают человеку новое тело плюс восстанавливают организм за счет идеального питания травами.

Тут же сообщалось, что Марилена уходит из цирка в новую жизнь, так как уже больше не может поднимать тяжести и есть барана и вообще уже не самая сильная женщина и не чемпионка островов Мань-Вань.

Но зато она теперь купила клинику похудения и институт травяного питания, где директором назначен ее муж Владимир — они женаты давно, но скрывали, так как великая артистка не может принадлежать кому-то одному, она принадлежит всем.

Мало того, новая Марилена открыла музей толстой Марилены, где будут выставлены для обозрения все вещи толстухи-силачки, в том числе и ее нижнее белье и совместные фотографии с мужем Владимиром.

Кроме того, приводились также фотографии постепенного превращения толстомордой Марилены в Марилену худощавую, это уже был явный шараш-монтаж и жульничество, и Мария, и Лена знали это прекрасно: но чего только не

достигнешь в фотографии с помощью наложения негативов и искусства ретуширования!

Тут же было и интервью Владимира в семейном автомобиле «роллс-кинг-сайз-ройс» (королевский размер, сделанный на заказ для прежней Марилены, но не выкидывать же) на фоне нового дворца и на фоне клиники, из которой как раз и убежали ночью две сестры.

— Как он все умно сделал, — сказала Мария.

— Как хорошо, что мы ничего не говорили ему о танцах! — сказала Лена. — Это благодаря тебе: ты стеснялась, что у этого жениха окажется две невесты.

Они помолчали, стоя посреди пустынного в этот ночной час вокзала.

— Так что же делать? — спросила Лена.

— Танцевать, — сказала Мария.

— Да, помнишь, в сказке о Золушке Евгения Шварца? Во всех затруднительных случаях надо танцевать!

И они встали в первую позицию и, тихо сказавши волшебную фразу «раз, два, три, пали, вали», пустились в пляс.

Тут же вокруг них образовался маленький кружок ночных бродяг, продавцов и бессонных пассажиров с чемоданами, сумками и детьми, все стали весело хлопать и тут же накидали много мелких монет (богатые люди ночами не сидят на вокзалах).

Быстренько собрав деньги (где толпа, там и полицейские с дубинками), балерины покинули свою временную арену, купили билеты на самый ближайший поезд и оставили страшный город,

где с ними произошло столько приключений благодаря их красоте и талантам.

И уже через год сестры Ленмери блистали в соседнем городе в самом дорогом варьете со своими великолепными танцами, и их теперь всюду сопровождала охрана, состоящая из старичка в форме генерала (генералов как-то больше боятся), и у них был дом на берегу моря и контракты во все страны мира, включая неведомые острова Мань-Вань.

Среди зрителей довольно часто, кстати, можно встретить колдуна, который посылает им цветы, жемчужные короны и павлиньи веера, такой у него странный вкус: сам он боится сестер и их неведомой покровительницы феи Бродбутер, так как понимает, что его собственное заклятие не удалось.

Теперь ему понравилось любить издалека, таинственно и безопасно, когда нет необходимости напарываться на отказ.

Тем более что неизвестная и грозная Бродбутер может еще и наказать за предыдущие штучки.

Как ни странно, сестрам часто пишет письма и некто Владимир.

Он пишет, что полюбил Марию и Лену с первого взгляда, что не может даже выбрать ни одну из них и согласен жениться на каждой по очереди.

А пока что, находясь в затрудненном финансовом положении, будучи жестоко ограблен злой женой Мариленой, которая оформила все имущество на себя и уехала неизвестно куда, — а в клинике, которую он, Владимир, возглавлял, поселился злостный микроб дизентерии, и при-

шлось по приказу властей эту роскошную клинику сжечь! — так что пока что Владимир просит временной помощи в долг миллионов тридцать с возвратом через сорок девять лет.

И к сему каждый раз прилагались фотографии Владимира в плавках, в смокинге на балу, в свитере с высоким воротом за книгой и затем в кожаном плаще и в шляпе у дымящихся развалин клиники, с печальной улыбкой на бледном лице.

Правда, сестры эти письма не читают, их читает в свободное время и с большим интересом старик генерал, затем он складывает их в папку, ставит номер и кладет на полочку в шкаф, надеясь когда-нибудь удалиться на покой и там, на покое, написать роман об удивительной силе любви одного юноши В. под названием «Страдания молодого В.» с фотодокументами.

ПРИНЦЕССА БЕЛОНОЖКА

Жила-была младшая принцесса, и все ее любили. У нее были ручки как из лепестков роз, а ножки белые, словно лепестки лилии. С одной стороны, это было красиво, но, с другой стороны, уж очень младшая принцесса была нежная и чувствительная, чуть что — она плакала. За это ее не ругали, но такого поведения в семье не одобряли. «Нельзя так распускаться, — говорили мама, папа, бабушка и дедушка-король. — Надо держать себя в руках. Ты уже большая».

Но от этих слов младшая принцесса обижалась еще больше и опять принималась плакать.

Однако пришло время, и к младшей принцессе, как это и полагается, приехал принц.

Принц был высокий, красивый и ласковый. «Прекрасная пара!» — восклицали все вокруг.

Принц и принцесса много гуляли, даже танцевали, и принцесса — чего с ней никогда не случилось — плела на лужайке венки для принца и для себя, венки из васильков, которые были такие же синие, как глаза принца.

Принца и принцессу, как и полагается, обручили, то есть объявили женихом и невестой. На этом принц уехал в свое королевство.

А младшая принцесса осталась и принялась плакать. Все ее осуждали за такое поведение,

даже вызвали врача. Врач побеседовал с принцессой и неожиданно назначил ей не успокоительные капли, как полагается в таких случаях, а таблетки от боли, потому что оказалось, что младшая принцесса надорвалась на этих танцах и прогулках и стерла свои нежные ручки и ножки до крови.

Время шло, приближалась свадьба, а невеста все плакала и баюкала свои забинтованные руки и ноги, сидя в кровати. Она не могла ни ходить, ни держать в руках чашку с чаем, ее кормила и поила старая нянька.

Однако врач бодро говорил, что все до свадьбы заживет, что просто младшая принцесса слишком нежная и чувствительная, плаксивая и несдержанная, а это, в свою очередь, является плодом неправильного воспитания в семье, а вот когда придет принц — она вскочит и будет так же танцевать и шевелить руками, как и раньше. «Все это психологическое», — говорил врач и кормил принцессу таблетками от боли.

Но старая нянька взяла фотографии младшей принцессы и отправилась к колдуну. Оттуда она привезла загадочную фразу: «Кто любит, носит на руках».

Фраза эта скоро стала известна всем, кто так любил принцессу с ее младенческого возраста, когда она радостно улыбалась, показывая свои первые четыре зубика и две ямочки на щеках, а кудряшки у нее были как золотой шелк, а глазки как незабудки.

Кто же не любил принцессу! Все ее любили: и папа, и мама, и дед с бабкой, король с королевой. И они все время вспоминали, какая она

была чудесная малышка, какая приветливая, хорошенькая, с четырьмя зубиками. Когда пошли остальные зубы, картина немного попортилась, начался плач и капризы, и доехало до того, что теперь на вопрос: «Ну, мы уже перестали дуться на весь мир?» — принцесса вообще не отвечала, что было по меньшей мере невежливо, особенно если спрашивали король с королевой, да еще по внутреннему телефону. По телефону надо отвечать!

Тем не менее, руководимые старухой нянькой, к принцессе стали приходить и брать ее на руки все по очереди. Что, конечно, было просто подвигом, особенно если учесть, что, например, бабушка-королева была дамой неопытной и ничего никогда не поднимала тяжелей бокала с вином. А мама-принцесса вообще не знала, с какого боку подойти к своей уже довольно тяжелой дочери — хрупкая-то хрупкая, но все-таки принцесса уже вышла из младенческого возраста, пятнадцать лет, шутка ли!

Но все, поднатужившись, приподнимали младшую принцессу, которая ничего не понимала сначала и даже капризничала, не хотела, чтобы ее трогали, пока ей все не объяснила старуха няня. Но и тогда младшая принцесса продолжала лить слезы и совершенно не оценила рекорда папы-принца, который поднял ее на двадцать два сантиметра от постели! «Сюда бы слетелись все газетчики мира, — заявил папа-принц, — если бы мы не держали в тайне, что у нас дочь плакса вакса гуталин, на носу горячий блин». После чего старая няня носила младшую принцессу на руках по спальне целых

десять минут, как в детстве, чтобы утихомирить ее, но при этом няня вспоминала и о своих обидах: что повар на кухне оставил ей не куриную ножку, а какой-то волосатый куриный локоть и что внуки одни бегают в деревне без присмотра, а тут живешь, выкладываешься, как потный индюк, безо всякой благодарности.

— Но ты меня ведь любишь? — спросила младшая принцесса, когда няня, набегавшись со своей ношей, положила свою принцессу обратно на кровать.

— А как же тебя мне не любить? — ворчливо отвечала няня. — Если бы я тебя не любила, я бы за такое жалованье давно бы здесь не жила!

Стало быть, все носили младшую принцессу на руках, но она так и не вылезлась.

Тогда стали говорить, что колдун оказался плохим пророком и что, может быть, няня неправильно пересказала фразу. «И что это такое? — возмущался доктор. — Кто любит, носит на руках! Не будем говорить об отдельных случаях, но меня, например, никто не носит на руках! Даже королеву не носят!»

И все были согласны с таким мнением и начали говорить, что эту фразу надо понимать в том смысле, что сама младшая принцесса никого не любит, и намек был на это.

А принцесса сидела в своей спальне, и няня все время подбивала ее позвонить принцу, но принцесса не соглашалась, а только плакала, почему принц сам не звонит. Наконец принц позвонил, и трубку держала сердитая няня, а сердилась она потому, что разговор продолжался два часа и няня проворонила обед, и еще она серди-

лась потому, что младшая принцесса в течение всего разговора умудрилась ни разу не заплакать и даже много смеялась.

— Значит, ты придуряешься, — сказала, положив трубку через два часа, няня, — ты можешь же не плакать!

И няня отправилась пить чай и сообщила всему дворцу, что у младшей принцессы не все так плохо, что она уже смеется. Все поздравляли доктора, ему немедленно увеличили жалованье, и у младшей принцессы без передышки звонил телефон, няня брала трубку и подносила ее к уху своей капризницы, но та в ответ на все вопросы типа: «Ну что, мы уже улыбаемся?» — только лила слезы, не отвечая ни «спасибо», ни «начхать», как выразилась потом няня на кухне.

Разумеется, когда была назначена свадьба и приехал жених, все бинты были сняты, ни слова не было сказано ни принцу, ни младшей принцессе, и на вечер, как и полагается, был назначен бал.

Только для принцессы приготовили особо плотные перчатки и сапожки. И когда принцессе одели, она, разумеется, тут же перестала плакать и позволила себя причесать и вплести в косу белые розы.

— Ну, что я говорила? — вопрошала няня по всем коридорам дворца, и повар отвалил ей большой кусок торта на радостях.

Все улыбались, и только врач срочно уволился с работы и уехал со своими новыми семьюдесятью чемоданами.

— Уехал и уехал, — говорила няня после трех досрочных рюмочек, — теперь он нам ни на что

не нужен, тьфу! Это был врач? Любой санитар даст таблетку после еды три раза в день, и я не хуже могла бы за такие деньги.

Принц тем не менее пригласил принцессу на прогулку. Все понимали, что после гулянья младшей принцессе уже не удастся выстоять целую свадебную церемонию, и поэтому принцу сообщили, что принцесса предпочитает конную экскурсию. Принц понял это буквально и прислал младшей принцессе свою арабскую кобылку, удалось только сменить поводья на шелковые. Выйдя во двор, принцесса попросила принца взять ее на руки и посадить в седло.

— Для этого есть слуги, — улыбаясь, сказал принц.

— Я прошу только вас, — сказала младшая принцесса.

— Что за капризы? — спросил, улыбаясь, принц и позвал слуг, которые вознесли младшую принцессу в седло, как пушинку, и дали ей в ручку шелковые поводья.

И они поехали.

Принц был мужественный спортивный юноша, презиравший всякие слюни, вздохи и сантименты. Кроме того, он уже отдаленно был наслышан, что младшая принцесса слишком избалована и вообще неженка, и он решил начать ее воспитывать с нуля, еще до свадьбы.

Младшая принцесса по дороге в лес рассказала ему как самому близкому другу всю свою историю болезни вплоть до слов колдуна. Что это не капризы, а просто способ лечения — взять на руки.

Принц не поверил ни единому слову.

— Все это бабские глупости! — сказал он.

Тогда принцесса остановила кобылку и с большим трудом стянула со своей маленькой ручки перчатку. Принц увидел, отшатнулся и громко спросил:

— А почему? Почему меня не предупредили, что ты больная? У тебя, возможно, и дети будут больные! Больные наследники — это невозможно! Судьба государства, судьба королевства, нации, наконец!

И он, испуганный и взволнованный, так дернул поводья, что его конь взвился, сбросил с себя принца, а сам ускакал.

Принц лежал на лесной дороге без сознания, белый как мел, и изо рта его вытекала струйка крови.

Младшая принцесса слезла с лошади, уговорами и лаской заставила ее прилечь на дорогу, а затем как могла приподняла принца и взвалила его на спину умной кобылки. После этого лошадь встала, неся на спине безжизненного принца, а принцесса взяла в руки поводья и повела лошадь обратно в замок.

У ворот замка часовые унесли принца и унесли младшую принцессу, а служанки сбегали подмели лесную дорогу, на которой принцесса оставила кровавые следы своих сапожек.

Принц вскоре выздоровел и собрался уже в обратную дорогу вон из замка, где его обманули, подсунув негодную невесту.

Выводя своего буйного коня из конюшни, он встретил знакомого священника, который шел к воротам с чемоданчиком в руке. Священник поздравил принца с выздоровлением и сказал:

— А вы не остаетесь на похороны?

— Кто-то умер? — спросил принц.

— Наша младшая принцесса, — отвечал священник. — Я уже причастил ее, там остаются какие-то минуты.

— Она была совершенно больная, — со вздохом произнес принц, — даже врач от них, как говорят, отказался. Уехал.

— Вы тоже тяжело болели сейчас, — сказал священник. — Если бы она вас не подняла на руки и не взвалила бы на лошадь, сегодня отпевали бы вас.

— Да, каково мне было узнать, что я могу остаться калекой! Принцесса, конечно, спасла мне жизнь. Но она меня обманывала. Когда мы говорили с ней по телефону, она должна была плакать от боли, а она смеялась! Как вспомню эти ее руки, так вздрогну.

— Да, возможно, она бы уже давно умерла, если бы не любила вас. Только из-за вас она осталась на свете.

— Да, надо бы проститься, — смущенно пробормотал принц, отвел коня в конюшню и поднялся в покои младшей принцессы.

Он вошел в спальню своей бывшей невесты, увидел ее, и сердце его дрогнуло от жалости. Принцесса лежала совсем маленькая, как спящий ребенок, и рядом с ней сидела багровая от слез нянька.

Принц сделал вид, что ничего не знает, решительно подошел к ложу принцессы и сказал:

— Привет! Вот я и выздоровел! А ты что валяешься-притворяешься? А ну вставай, тебя тут

держат как больную... А надо на солнце, на воздух, нужен спорт, движение!

Он отодвинул вскочившую злую няньку, схватил принцессу на руки, она оказалась легкая и тоненькая, и он понес ее как можно быстрее к окну, а сзади бежала и дергала его за куртку нянька:

— Она умерла, ты что, глухой?

Держа принцессу на одной руке, принц отодвинул тяжелую портьеру, быстро распахнул окно и тут увидел, что младшая принцесса смотрит на него, широко открыв глаза.

— Что ты ее трясешь, ей уже глаза закрыли, — шипела нянька, добираясь до принцессы, но принц загородил спиной свою ношу и быстро поцеловал принцессу в губы — он где-то читал, что так можно оживлять принцесс.

— Поздно, поздно, — причитала нянька, — раньше надо было, дурак, упустил свое счастье, девочка была ласковая, послушная.

А принцесса внимательно смотрела на принца, все еще широко открыв глаза, а потом моргнула и засмеялась. А нянька за спиной принца ахнула и зашептала:

— Кто любит, носит на руках, кто любит, носит на руках.

Разумеется, вечером сыграли свадьбу, на балу принцесса танцевала, а за столом ела сама, как полагается, ножом и вилкой, и безо всяких перчаток.

А колдуну послали огромный торт, бочку вина и цветную фотографию принцессы, как она надевает принцу на палец обручальное кольцо.

ПРИНЦ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

Жил-был принц с золотыми волосами, вернее, он родился-то лысым, как большинство детей, и никто не знал, что к году у него появятся золотые кудряшки.

А когда они появились, королевская семья была оскорблена: откуда у мальчика рыжие волосы?

Были исследованы все королевские хроники, все портреты царствующей семьи отца (мать не принималась во внимание, мать, молоденькая королева, происходила из далекого, за горами и морями, захудалого государства, оттуда и почтуту не брали и туда не передавали, а королеву привезли, как водится, по портрету в виде самой красивой девушки мира, что, в конечном итоге, ни к чему хорошему не привело, об этом давно предупреждали все дамы королевства: руби сук, да по себе).

Короче, рыжих в роду не было, рыжим оказался только королевский гонец, который однажды привез с войны в подарок юной королеве полкило апельсинов от мужа, трофей.

Гонец побыл во дворце один день и одну ночь, а потом снова отправился на войну, везя королю ответный дар жены — кошелек, сплетенный ею из собственных кудрей.

Этот рыжий гонец с войны так и не вернулся, то ли его убили, то ли что, а вот король благополучно пришел домой с поля боя довольно скоро после апельсинов, и сынок у него родился вроде бы вовремя — и вот теперь, когда мальчику исполнился ровно год и его вынесли к гостям по случаю дня рождения, выяснилось, что наследный принц — рыжий, как тот королевский гонец.

Короче, никто не стал ничего скрывать, дамы сказали свое слово, что черного кобеля не отмоешь добела, и к юной королеве явился новый гонец, теперь уже лысый, и он прочел ей какой-то документ с печатью.

А королева как раз кормила наследника престола и была так занята, что ничего не поняла, но ее вытолкали взащей вместе с ее пашенком и из дворца и из города, хорошо не казнили, сказали дамы.

Короля нигде не было видно, и молоденькая королева пошла от городских ворот куда глаза глядят, вернее, по направлению к горам — там, за горами, лежало море, а за морем находился город Н., где остались жить престарелые родители изгнанницы, король с королевой.

Спускался вечер, и в сумерках волосики маленького короля засветились чистым золотом, и при этом слабом освещении королева несла своего ребеночка все выше и выше в горы.

А когда она устала, то нашлась и пещера, где оказалось сухое сено, и там мать с сыном и заснули.

Ночью ей снились чудеса: то ли белки шмыгают вокруг, то ли зайцы, но она так устала, что не могла открыть глаз, а утром она, причесывая сына, обнаружила, что у принца была отрубле-

на прядка волос, один локон, причем очень грубо, как бы ножом.

Королева, девушка умная в свои семнадцать лет, быстро смекнула, о чем идет речь, и сказала вслух:

— Если вы отрезали у моего сына три грамма золота, то по крайней мере дайте нам поесть!

Тут же из стены вывалился камень, и в образовавшейся дырке оказалась крошечная миска с горячим гороховым супом и в ней очень маленькая ложечка, как для соли.

Королева поблагодарила пещерных жителей, белок или зайчиков, за горячий суп, все съела сама, сына покормила молоком и отправилась дальше с ребенком через горные перевалы к морю.

Больше она не устраивалась спать в пещерах, предпочитала укладываться днем, а шла ночью, при свете золотых волос своего мальчика.

Она резонно опасалась, как бы неведомые горные жители не обрили налысо ее ребенка за мисочку супа.

Питалась королева ягодами и дикими грушами, которых много росло при дороге.

Когда они вышли к морю, был уже вечер.

Королева села на берегу, и они с принцем стали смотреть в синюю морскую даль и слушать рокот и плеск волн.

Королева рассказывала своему сыну о том, что на другом берегу их ждут бабушка и дедушка, а мальчик весь светился от золотых волос, чем ближе к ночи, тем сильнее.

На этот свет приплыл рыбак на лодке.

Рыбак во все глаза смотрел на маленького сияющего ребенка и ничего не мог понять.

Он спросил у королевы, откуда они здесь, и королева ответила, что приходится ждать попутного корабля в город Н.

Рыбак предложил довести их на лодке до ближайшего города А., где есть все-таки пристань, и уж там можно будет найти попутку, а то здесь сидеть все равно что ждать морковкина загонья.

Королева согласилась, рыбак греб два часа, неотрывно глядя на ребенка, и уже в полночь, при свете золотых волос принца, мать с сыном были приведены в хижину рыбака и уложены спать на коврик в углу.

Утром рыбак убежал чуть свет и стал ломиться в полицейский участок, крича, что он нашел ребенка с сиянием вокруг головы и что надо немедленно его задержать вместе с матерью, а то будет как в прошлый раз, люди взбунтуются и решат, что пора всех судить последним судом.

Рыбак знал, что говорил, поскольку, когда один пришлый человек соорудил себе крылья и взобрался на башню, чтобы полететь, жители города приняли его за ангела, возвещающего Страшный суд, и начали, не ожидая этого события, громко жаловаться на судей, полицейских и членов королевского совета и потом, плача и крестясь, поползли на коленях почему-то к городской управе.

Рыбак-то был среди бунтующих, кричал о своих бедняцких обидах и получил два года каторги, где перевоспитался, потому что его обещали в следующий раз живьем подвесить за шею.

Также рыбак подписался под обещанием, чуть где появятся опять крылья, бежать в полицейский участок — что он и сделал.

Но тем временем мамаша рыбака, не подозревающая о его ночных приключениях (рыбак не рассказывал маме ничего, боясь ее болтливости языка), — эта мать увидела утром очень красивую девушку с рыжим младенцем, которые умывались у бочки во дворе, и немедленно выгнала их из дому, так как не хотела, чтобы сын женился на бабе с ребенком — известно, что не свой сын может вырасти бандитом. Такие случаи бывали.

Она была мудрая.

У нее у самой сын вырос при постороннем папе, и как результат посидел в тюрьме.

Короче, королева с принцем пришли рано утром на берег моря и там укрылись под скалой и целый день то спали, то мать купала мальчика, то они играли в песке, искали раковины; есть было нечего, однако вечером ребенок засветился с новой силой, и мать спрятала его под скалой, чтобы с берега было не видеть.

Однако с моря приплыла шлюпка с матросами, как на свет маяка, и к скале подошел бравый капитан в фуражке.

Он осведомился, чего здесь ждут эти милые люди, услышал, что они хотят попасть в город Н., и предложил свои услуги, то есть собственный корабль.

Разумеется, капитан этот уже знал про то, что здесь по всему городу целый день искали пришедшего наконец судью в виде ребенка, испускающего неземной свет.

И были подняты на ноги полиция, армия, авиация и морской флот, и именно капитан лично возглавил поиски со стороны моря.

Однако, увидев младенца и его мать, капитан решил пожалеть их и пока не выдавать; люди

ведь гораздо умней, чем мы о них думаем, особенно когда речь идет о деньгах.

Капитан погрузил драгоценных пассажиров в шлюпку, предварительно посоветовав матери накрыть голову ребенка, имея в виду болтливость гребцов.

Затем пассажиры были помещены в хорошую каюту, к ним был приставлен матрос с пулеметом и слуга с горячим питанием, и после небольшого перехода корабль пришел в соседний город Б.

Тут капитан отправился при кортике и орденах на переговоры в передвижной цирк шапито, откуда к вечеру приехал вполне закрытый фургон для перевозки тигров, снабженный крепкой клеткой внутри.

И поздно вечером в сопровождении вооруженных до зубов матросов мамашу и ее рыженького в платочке на голове перевели по трапу в фургон и там заперли.

Королева ничего не поняла, но в темноте принц по своей привычке освещать все вокруг засиял, и обнаружилось сено в углу и большая миска с водой, а запах стоял как в свинарнике.

Королева села с ребеночком на сено, фургон тронулся, и началась какая-то дикая жизнь.

Сына с матерью в клетке поместили в слоновнике, туда им ставили миску с горячей похлебкой два раза в сутки, а вечером подтаскивали другую клетку в виде повозки, на королеву накидывали белую простынку, укрывавшую все ее лохмотья, а ребенка, наоборот, требовали раздеть догола — и в таком виде их транспортировали на повозке по коридору прямо в шапито; на арену, где музыка начинала играть как бы мессу (всту-

пал аккордеон), королеве шепотом приказывали встать и нести (как бы) зрителям голого ребеночка, затем наступала полная тьма, и рыжий принц начинал, по обыкновению, лучиться светом, озаря сиянием своих волос мать и часть повозки, и многие в публике начинали плакать и прижимать к себе своих детей.

Потом всю эту интермедию увозили до следующего вечера, а королева выполняла все, что ей приказывали: она понимала, что, если сопротивляться, наймут другую мамашу, более способную играть эту роль.

Кормили ее ужасно, тем же, чем кормили обезьян в соседней клетке, но лучше, чем слона в углу: тот питался сеном.

Королева, однако, заставляла себя есть эти размоченные в воде корки и горячие капустные листья, потому что она кормила принца своим молоком, и надо было держаться.

Ребенок, кстати, подружился со всеми — и с обезьянами, и с попугаями, и даже с дальним слоном, и ночью в помещении было спокойно и радостно — из-за слабого сияния, исходящего от волос ребенка, звери и птицы выглядели здоровыми и упитанными.

Так же они выглядели и на арене, и цирк процветал.

Но в особенности он процветал из-за последнего аттракциона с королевой и принцем.

Между тем пришло время убираться вон из города, потому что слух о светящемся младенце распространился повсюду, и в цирк начали стекаться совсем не те зрители — они не обращали внимания на танцы обезьян и шутки клоунов, не смеялись, не покупали мороженое, никому, иди-

оты, не хлопали, а только ждали момента, когда вывезут повозку с матерью и ребенком.

Тут они начинали тихо петь и плакать, а что это такое, когда тысяча человек тихо поет — это же волосы встают дыбом у администрации.

Были построения в стройную процессию на коленях с попыткой выползти прямо на арену.

Начались также частые осады слоновника с принесением под его стены больных и с криками «благослови!».

Полиция поставила своего человека, который скоро разбогател, разрешая некоторым целовать доски стен слоновника.

Этот пост быстро стал постом номер один города, и полицейские по собственной инициативе сменяли друг друга каждые два часа, правда, эта смена караула происходила безо всякой помпы, потому что есть хочется всем и тут не до маршировки.

И когда цирк тронулся уезжать, были наняты лиловые береты с автоматами и броневик.

Директор и капитан корабля лично посетили слоновник и стали спрашивать мамашу рыжего ребенка, какие города она бы хотела посетить, кроме А. и Б.

И нет ли у нее где знакомых и родственников, которые могли бы ей как-то помочь.

Королева быстро сообразила, о чем идет речь, и повела разговор как настоящая партизанка или разведчица.

Она охотно рассказала, что дальше начинается ее родина и в городах В., Г. и дальше по алфавиту у нее живут знакомые и друзья, а родственники просто везде, только в городе Н. никого не

осталось: там только могилы, которые она и собиралась посетить, дедушкина и бабушкина.

Но очень хочется — теперь уже — оказаться среди родных и близких, они прекрасно знают и любят ее и ее сына, и у всех есть их фотокарточки и даже видеозаписи.

И цирк будет переполнен везде только за счет знакомых, будут большие сборы. Но в городе Н. она этого не гарантирует.

Тут капитан и директор как-то понимающе кивнули, даже не глядя друг на друга, как будто им в голову пришла одна и та же мысль.

Короче, через несколько дней на рассвете цирк снялся с насиженной стоянки, оставив после себя спящих у кассы (теперь запертой) паломников с котомками, затоптанную землю, ямы на месте столбов и груды мусора, — и броневик в окружении конных лиловых беретов и клеток со зверями, а также фургонов с артистами погрузился на корабль, чтобы отправиться напрямиком в город Н.

Королеву там снова поместили в наспех сколоченный слоновник, но она уже знала, что находится в родном городе, потому что, когда их повели по трапу на берег, она, несмотря на накинутую на голову простыню, умудрилась увидеть пляж под ногами с разноцветными камушками — агатами, аметистами и черным янтарем: такой пляж был только в ее родном и любимом городе Н.

Здесь жили ее старенькие сорокалетние родители, которые пролили много слез, когда заморский король, угрожая войной и разорением их цветущему государству, потребовал отдать в жены его сыну принцессу, поскольку о ней шел

слух как о самой большой красавице мира, а чем обычно занимаются короли — они улучшают и улучшают свой род, стремясь, видимо, вывести особую породу самых красивых, самых умных и самых богатых собственных детей.

Правда, по справедливости надо сказать, что к этому стремится весь человеческий род, все семьи надеются на выведение особо ценной породы детей.

И вот у стареньких родителей — королей города Н. — как раз и вывелась такая дочка, и воинственные соседние короли решили, что раз им самим не везет (их сын родился слишком задумчивым), то надо снова и снова улучшать породу!

Что опять-таки не принесло счастья, родился почему-то вообще рыжий наследник.

Вот с такой историей замужества королева и вернулась в свой родной город Н.

Итак, наша пленная красавица сидела снова в клетке вся в лохмотьях и ела два раза в день корки и щи из капустных листьев.

А ребенок ласково сиял, разговаривая с попугаями и обезьянами на их языке, чем очень веселил уборщицу, женщину темную и неуклюжую: она смеялась, только если видела, как кто-то упал и разбил бутылку или (что еще лучше) корзину яиц, и еще она смеялась над дураками, к которым причисляла и маленького принца: «Ну, маляхольный, — говорила она, — чистая обезьяна».

Все жалованье этой несчастной уборщицы уходило на вино, а питалась она, отбирая лучшие куски из звериного корма и варя себе каждый день что-нибудь в котелке на костре.

Ворчала и ругалась она без передышки, и только при виде маленького принца она начина-

ла смеяться, указывая на него пальцем, и даже иногда давала ему морковку или репку из своих запасов.

Причем главной мечтой уборщицы было перейти в тигрятник, в соседний сарай, уборщица которого ходила всегда домой с полной сумкой мяса, как подозревала слонятница.

Поэтому слоновская уборщица регулярно шастала к директору и жаловалась ему на воровство тигриной уборщицы, которая, однако, тоже была не промах и дружила с секретаршей директора, а эта секретарша любила своих детей тоже не хуже других и обязана была их тоже кормить мясом, мясом и мясом, как будто растила из них хищников.

Таковы были все эти закулисные интриги, и королева каждый день выслушивала уборщицны крики и проклятия и искренне ее не любила, хотя та и рассказывала ей в свое оправдание ужасающие истории о пропавшем муже, о том, как она одна воспитывала троих детей, и теперь им всем надо носить в тюрьму передачи.

Королева, хоть и не очень еще взрослая, но много страдавшая, не выносила воров, хотя и понимала, что те крадут, потому что ничего другого не умеют делать, не способны.

А потом у них рождаются дети.

И приходится красть еще и для детей.

И считается, что красть для детей — это святое.

Молоденькая королева решила составить план спасения.

Она понимала, что на арене цирка под белой простыней никто ее не узнает, тем более что директор приказывал каждый вечер до белизны пудрить ее лицо мелом, а брови ей рисовать сажей,

директор считал, что так и красивей и дешевле, такой грим.

Поэтому никто в мире, даже мать с отцом, не смог бы узнать принцессу в этом белом, с грубыми черными бровями, существе, похожем на привидение.

Надежда была только на единственного человека, который обслуживал королеву, — на уборщицу.

Однажды уборщица получила от королевы такое предложение: заработать себе на всю жизнь, то есть кучу золота, если она согласится принести карандаш с бумажкой и потом опустит в почтовый ящик письмо.

Уборщица долго терзалась, даже пошла было к директору, но секретарша, как всегда, ее не допустила, и уборщица тогда решила: будь что будет.

Она купила на собственные деньги бумагу, карандаш и плюс конверт, все это просунула в клетку и к вечеру опустила письмо в почтовый ящик, а сама, проклиная все на свете, стала варить себе постные щи, предвкушая, как будет наказан директор, секретарша и тигрятница, дорвавшиеся до власти.

Однако результат оказался совершенно иной: во-первых, в цирк ворвалась королевская стража, мгновенно арестовала королеву с сыном, посадила их в фургон с надписью «Хлеб» и увезла в неизвестном направлении, а уборщица по глупости стала кричать про истраченные на карандаш и бумагу денежки.

И королева с ребенком вместо королевского дворца были посажены в тюремный замок, в камеру без окна.

Во-вторых, уборщицу мгновенно выгнали с работы: ни одно доброе дело не остается безнаказанным, особенно если это доброе дело делается без удовольствия.

Тюремщик, к которому попала королева с сыном, по своей лени принес им обед только на второй день, да в первый день и не полагается, так как заключенные еще не состоят в списках на питание.

Тем не менее тюремщик, войдя с фонариком и котелком в камеру, был поражен: в этом каменном мешке было светло!

Тюремщик, поставив на пол котелок с супом, уставился на эту странную парочку — ладно еще девушка в белой простынке, худая и даже прозрачная, как привидение, это-то он видел неоднократно, — но вид золотой головы мальчика его просто потряс, тем более что тюремщик был, по обыкновению, пьян.

— Не волнуйтесь, — сказала ему королева, — просто такое дело, у мальчика волосы из чистого золота. Если у вас есть с собой нож, давайте я вам отрежу на пробу один клочок волос, отнесите его ювелиру, и вам хорошо заплатят.

Тюремщик, даром что пьяный, не решился доверить этой белой как мел девушке нож, а сам, собственноручно, криво и грубо отрубил у ребенка большой локон, сунул его в карман и, шатаясь, убрался восвояси, не забыв запереть дверь.

Весь вечер он потом пил в кабаке, пропил все деньги, вырученные за золото, а наутро опять пошел на работу в тюрьму очень злой.

Войдя в камеру, он обрезал у ребенка с головы все его кудри, а поскольку мать начала кричать и плакать, он и у нее обрезал ее длинную

косу, бросил косу на пол и с проклятиями стал уходить.

Проклятия его были такие:

— Думаешь, тебе долго осталось жить? Да завтра тебя и казнят. Вместе с пащенком. Внизу, в львиной яме. Ты думаешь, тебя посадили по ошибке? Нет! Тобой занимаются очень важные люди, сама герцогиня! Ее сын как раз троюродный племянник короля, он единственный наследник престола, а твои отец и мать больны, и они живут со скоростью год за один день, такие им дают лекарства, наш тюремный врач готовит, я все знаю. Завтра же вас обоих казнят, а чего пропадать золоту? Я бедный заочник, студент университета, вынужден работать как каторжный, чтобы меня не отчислили. Работаю за одну зарплату в наше время, это надо подумать! Проклятая жизнь! И никогда не пиши писем королям, эти письма читают не они!

— Да ты что, студент, — сказала королева, — ты соображаешь? Тебе же привалило богатство на всю жизнь! У мальчика на голове волосы из чистого золота, ты сам убедился!

— Ну ладно. Мальчишку я не дам казнить, посажу его на цепь у себя в подвале, а вместо него возьму на улице первого попавшегося из коляски и выдам за твоего! Первый раз, что ли, — ответил пьяный тюремщик.

— Так дело не пойдет, — ответила королева, — мой сын питается только материнским молоком, отсюда у него и золотые волосы. Ты это соображаешь, болван? Мы же короли!

— За болвана ответишь, — ответил тюремщик, качаясь в дверях. — Я и сам, придет время, буду королевским судьей, это я сейчас юрист-за-

очник. А то, что ты важная птица, это правда, слухи о вас ползут по всему побережью, даже готовится восстание в вашу защиту якобы от лица страдающего народа, но за всем этим стоит такой же как я заочник. И, может, вместо сына герцогини править будет этот лысый, они победят, и ваши кости вынут из львиной ямы вместе с костями других и соорудят мемориал...

Тюремщик качался, размахивал руками, и вдруг фонарик выпал у него из руки и погас.

Стало совершенно темно.

Мальчик, если и светился, то очень слабо, как очень далекое и маленькое созвездие Млечного Пути.

Тюремщик стал шарить, искать фонарик на полу, побормотал, лег и вдруг громко захрапел.

Мама-королева схватила ребенка, на прощание взяла горсть золотых волос из кармана стражника и пошла по коридору.

Мимо брели или маршировали какие-то люди, но никто никого не замечал, часовые лежали и храпели, то ли это был праздник, то ли обычное дело в городе Н., где король с королевой уже не правили, а герцогиня с сыном еще не царствовали.

Ворота тюрьмы были приоткрыты, и королева вышла на площадь.

Стояла глубокая ночь.

Только в небе висела и светила маленькая, но очень яркая звезда, как лампочка на конце стрелы башенного крана.

Королева, разумеется, пошла к морю.

Звезда, как это водится, тронулась следом за ней. Звезды всегда провожают человека ночью, куда бы он ни шел.

По дороге они встретили маленькую процессию: два солдата, совершенно пьяных, вели в сторону тюрьмы мужчину и женщину.

Королева в свете звезды сразу узнала их: это вели ее родителей. Отец с матерью шли, как тени, худые и безмолвные, держась за руки.

Она решительно подошла к конвою и сказала: — Ребята, хотите выпить?

Они остановились и замялись. Родители стояли дрожа.

— Я вижу, вы хорошие ребята, — продолжала королева, — идите в кабак, а я пока покараулю.

— А деньги, — хрипло сказал один, а другой откашлялся.

— Деньги не проблема, — отвечала королева, — вот вам чистое золото, идите.

И она достала из рукава золотой локон. Все кругом осветилось. Или это звезда опустилась пониже. Конвойные переглянулись, сплюнули, взяли золото и, спотыкаясь, побежали в кабак.

— Мама и папа, — сказала королева, — мама и папа, это я, ваша дочь. Это мой сынок. Я вернулась за вами. Пойдемте отсюда.

Разумеется, они пошли к морю, а звезда тронулась за ними.

Отец с матерью ничего не говорили, глаза их были открыты, но они шли как во сне.

Видимо, они были под властью тюремных лекарств.

На берегу моря королева постучалась в рыбацкий домик, сказала, что просится на ночь, а утром заплатит.

Зевающая тетка отвела их в сарай, на сено.

На рассвете королевич проснулся.

В сарае кучей лежали овцы, стояла корова, фыркал и жевал сено конь, бродили куры.

Маленький принц обратился к ним на языке, который он знал, на языке слонов, попугаев и обезьян, и все население сарая перестало жевать и ответило глубокими поклонами.

Молодая королева оставила сына разговаривать с животными, оставила спящих родителей (и во сне они держались за руки) и побежала в лавку менялы, продала там один золотой волосок за кучу мелких монет, купила хлеба, сыра и молока — какое счастье было в первый раз в жизни бегать по магазинчикам и знать, что сынок не один!

Еще никогда королева не была так свободна, как в это утро, так счастлива, всюду цвели розы, шумело море, это был ее родной город, родители и сынок имели пристанище, пусть сарай, но не слоновник, не тюрьму и не пещеру.

Королева уже забыла то время, когда у нее было сто комнат и пятьдесят слуг.

Когда она шла к своему новому убежищу, она увидела, что люди смотрят ей вслед, и поняла, что где-то висит объявление о побеге из тюрьмы и скоро, наверно, их всех схватят.

Поэтому она быстро купила еще корзину помидоров, яйца и яблоки, вернулась к себе в сарай, расплатилась с хозяйкой своими мелкими монетами, сказала, что они со дня на день ждут рыбацкую шляпку, чтобы уехать, и больше уже не выходила со двора.

Она кормила родителей, осторожно отпаивала их молоком, ее сын любил сидеть на коле-

нях у дедушки, играл с его длинной бородой, отросшей за время лечения в больнице, — дедушка и бабушка ведь должны были там вскоре умереть, и им поэтому не давали ни еды, ни полотенец, ни бритвы для короля, ни расчески для королевы, а только лекарства.

А в городе происходил полный тарарам — партии боролись за королевский дворец, тюрьма стояла то настежь, то ее битком наполняли и запирали, и весь народ не работал, а добывал себе оружие и шатался в пьяном виде по улицам, иногда посылая автоматные очереди от живота и веером.

Это рассказывали королеве хозяева, которые были в ужасе, потому что везде гремели взрывы и в их домике уже вылетела пара стекол, а ведь могли явиться и забрать все — и корову, и лошадь!

Однажды хозяйка пришла в еще большем расстройстве и сообщила, что в городе считают, что настал конец света, — днем и ночью на небе светит звезда, в одном и том же месте. Причем становится все ярче и ярче, как будто спускается.

По этому поводу произошли сильные волнения, священник вышел к толпе и прочел проповедь о Содоме и Гоморре и пророчил, что безобразия будут наказаны.

А молодая королева с семьей все сидела в хлеву или во дворе.

Родители помаленьку начали приходить в себя, но все еще молчали, не понимая, что с ними происходит.

В один прекрасный вечер хозяйка выскочила и стала говорить, что звезда снижается над самым их домом и скоро спалит все постройки.

И поэтому хозяйка просила своих постояльцев уйти, чтобы духу их не было, потому что тут что-то нечисто.

Молодая королева выпроводила родителей, вынесла ребенка и повела семью по берегу подалее от города и людей.

И она услышала крики.

Наверху, на высоком берегу, стояла небольшая толпа и смотрела в небо.

Королева тоже посмотрела и увидела прямо над собой яркую звездочку.

Королева с семьей шла вон из города — и звезда тронулась следом за ней и засияла так низко и так ярко, что песок заискрился и на море легла дорожка как от луны.

А наверху стояли и молчали люди.

Тут же в море осветился корабль, он сиял всеми своими огнями, и была спущена шлюпка, а в шлюпке кто-то стоял, пока остальные гребли.

Несчастливая королева вспомнила того капитана в фуражке, но сил убежать не было, да и некуда.

Шлюпка привезла на берег знаете кого?

Молодого короля, отца рыженького принца.

Король сразу взял сына на руки, встал на колени перед молодой королевой и сказал, что ему все равно, рыжий мальчик или зелененький, но это его сын и он его никому не отдаст.

Он сказал, что его буквально заперли в его комнате, когда все решалось, а потом он искал жену и сына повсюду, пока не нашел однажды волшебника, который согласился помочь.

Волшебник сказал, что за это можно лишиться и королевства, но молодой король был на все

готов, и тогда волшебник снял со своей волшебной палочки звезду и послал ее искать королеву, а следом за звездой поплыл на корабле и молодой король.

— Возможно, что я больше не властелин и у меня нет вообще ничего, только этот корабль, но прости меня! Твой кошелек я храню у сердца!

Так сказал молодой король, и королева простила его и поцеловала в щечку.

Они взошли в полном составе на шлюпку, и город Н. вскоре скрылся за горизонтом.

Надо ли говорить, что, разумеется, вся эта компания, приехав в королевство, не была даже допущена сойти на берег, власть давно переменилась, всем управляли уже новые молодые люди, быстрые, в кожаных куртках, и бывший молодой король был счастлив, что удалось уплыть и никого не арестовали.

В дальнейшем они много ходили по морям на корабле и даже основали свое собственное маленькое королевство, в котором единственным государем стал принц с золотыми волосами.

Просто они продали свою яхту и купили квартиру в зеленом районе, и коронация нового владыки произошла в детской, а корону дедушка склеил из картона и обтянул ее серебряной бумагой из-под шоколадки.

И серебряная бумажка засияла на рыжих волосах.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД СВЕТА	5
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕЛЕНА ПРЕКРАСНОЙ	107
ИСТОРИЯ ЖИВОПИСЦА	131
КОРОЛЕВА ЛИР	165
ДЕВУШКА НОС	197
ВЕРБА-ХЛЕСТ	204
ОСТРОВ ЛЕТЧИКОВ	228
ДВЕ СЕСТРЫ	238
СЕКРЕТ МАРИЛЕНА	271
ПРИНЦЕССА БЕЛОНОЖКА	290
ПРИНЦ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ	299

Литературно-художественное издание

Людмила Петрушевская

ГОРОД СВЕТА
Волшебные истории

Ответственный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Юлия Двоглазова*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 12.08.2005.
Формат издания 84×90^{1/2}/з. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1793.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ИПК «Лениздат» Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Волшебные истории, вошедшие в эту книгу, — и новая повесть «Город Света», и уже известные читателю произведения — не похожи на обычные сказки, приключения или фэнтези. В них, конечно, не редкость разные превращения, чудесные находки и прочее колдовство. Но рядом с Еленой Прекрасной, принцами и принцессами вдруг оказываются печальный мальчик Кузя, королева Лир или Девушка Нос. Проблемы у них большей частью те же, что и у нас с вами, но привычная нам до боли реальность то и дело оборачивается фантазмагорией.

Однако вот что странно: все, что происходит с героями, даже если читатель толком не понимает, что именно, — заканчивается хорошо. И автор в который раз повторяет: в жизни очень много смешного, теплого и даже великого, особенно когда речь идет о любви.

Вот тут-то читателю и правда хочется смеяться от удовольствия, ведь это написано настоящим волшебником.

ВЫБОР РЕДАКЦИИ
Книжные обозрения

www.amphora.ru

9 785942 789145

ISBN 5 04278 014 2

издательство
амфора

ОМ
журнал

Иллюстрация на обложке
Светланы Кондесюк

Иллюстрация на форзацах
Людмилы Петрушевской